

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ**

На правах рукописи

Батищев Роман Юрьевич

**Война как предмет политики памяти:
теоретико-методологические аспекты**

5.5.1 – История и теория политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Аникин Даниил Александрович

Москва – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования политики памяти о войнах.....	20
§1. Память о войнах в основных моделях политики памяти.....	20
§2. Основные теоретико-методологические подходы к исследованию памяти о войнах.....	43
Глава 2. Образы войны в политике памяти: основные акторы, функции и стратегии репрезентации.....	61
§1. Основные акторы политики памяти о войнах.....	61
§2. Основные функции образов войны в политике памяти.....	83
§3. Основные стратегии политики памяти о войнах.....	115
Заключение.....	132
Литература	143

Введение

Актуальность темы исследования. Изучение проблем исторической памяти и политики памяти зачастую сопрягается с тематикой обращения к образам войны и военного прошлого. Кроме того, на современном этапе в междисциплинарном комплексе *memory studies* наиболее сложные и актуальные проблемы как в теоретико-методологическом плане, так и в контексте политических процессов связаны с травмирующим опытом прошлого (насильственными действиями со стороны или в адрес тех или иных социальных групп), что также часто имело форму вооружённых столкновений и боевых действий. Поэтому войны и вооружённые конфликты занимают особое место в конструировании и репрезентации образов прошлого. В научной литературе получили освещение проблемы использования отдельных образов войны в том или ином политическом контексте, однако слабо изученными остаются теоретико-методологические аспекты обращения к образам войны в политике памяти и специфики встраивания / исключения войны из «актуального прошлого».

При всём обилии различных определений и коннотаций термина «война» в рамках данной работы под войной будет пониматься определение «военного конфликта», сформулированное в Военной доктрине Российской Федерации, согласно которой «военный конфликт – форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)»¹. В данном случае под понятием «военный конфликт» объединяются понятия «классической» войны как организованной вооружённой борьбы между независимыми суверенными государствами и «вооружённого конфликта» как «столкновения ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внут-

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).

ренный вооруженный конфликт)»². При всей критике объединения этих понятий и существующего в нормативно-правовых документах России (и заимствованных с запада) понятия «военный конфликт»³, можно отметить, что с точки зрения *memory studies* возможно говорить о слиянии понятий «война» и данного выше понятия «военный конфликт», поскольку в массовом историческом сознании формальные юридические определения тех или иных форм боевых действий не оказывают существенного влияния на восприятие всех этих событий как войны. Так, военные действия США и их союзников в Афганистане, начатые в 2001 году (операция «Несокрушимая свобода»), являются де-юре «вооружённым конфликтом», но де-факто в официальных СМИ и академических работах часто именуется как *War on terror*⁴. Боевые действия российских войск на территории Чеченской республики де-юре носили названия «операция по восстановлению конституционного порядка» (1994 – 1996 годов) и «контртеррористическая операция в Чечне» (1999 – 2000 годов), де-факто вошли в историю под названием Первой и Второй чеченских войн.

Тем самым, в памяти людей войнами являются и мировые войны, и локальные вооружённые конфликты. Восприятие опыта боевых действий, а также потерь, разрушений, утраты, военных преступлений и прочих травмирующих событий, являющихся следствием боевых действий, формирует ту специфику памяти о войнах, которая и выступает предметом многочисленных исследований. В академической литературе по *memory studies*, при безусловно разных подходах к коммеморациям войн «классических» (или войн прошлого) и войн современных, используются общие термины «память о войне» (*war memory*) и «военные коммеморации» (*war commemorations*).

---

² Там же.

³ Морозова Е.А. Война и вооруженный конфликт - границы определений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 224-228.; Мишкуро М.А. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 763-765; Казарин П.С. О соотношении понятий «война» и «вооружённый конфликт» // Вестник военного образования (12.11.2018) URL: <https://vvo.ric.mil.ru/Stati/item/155699/> (дата обращения: 14.10.2021).

⁴ *Memory and the Wars on Terror. Australian and British perspectives* / Gildersleeve J., Gehrman R. (eds). Palgrave Macmillan Memory Studies. 2017

Поскольку данная работа касается событий, характеризующихся прямым военным столкновением разных сторон, выводы данного исследования не будут затрагивать такие понятия, как «гибридная война», «информационно-психологическая война» и ряд других (где речь не идёт о применении летальных вооружений и прямых столкновениях комбатантов на поле боя), а также «холодная война» или «ядерная война», несмотря на то, что события, описываемые этими концептами, находят своё отражение в историческом сознании⁵.

Степень разработанности проблемы. Достаточно широкое освещение тематика войны в политике памяти (особенно применительно к событиям Второй мировой войны и военным преступлениям нацизма) получила в западной литературе.

Подчёркивая важное место памяти о войнах в коммеморации прошлого, французский историк, представитель школы анналов П. Нора делает акцент на том, что исторические травмы, связанные с войной, способны разорвать единую нить истории и значительно сместить акценты коллективного воспоминания тех или иных событий, обращая фокус социальной памяти на совершенно другие субъекты. По мнению исследователя, Вторая мировая война тотально разрывает единство прошлого и подрывает идеализацию государства и нации, смещая акценты от национального государства к самому обществу. Кроме того, Нора одним из первых отметил тенденцию на отход от глобальных исторических нарративов в сторону семейной памяти и локальных историй⁶.

В данном исследовании необходимо обращение к теоретическим разработкам исследований исторической травмы, т.н. *trauma studies*, поскольку в ряде случаев война и воспоминания о ней могут выступать частным случаем исторической

---

⁵ *Узнародов И.М.* Память о «холодной войне» как один из факторов политики Европейского Союза в отношении России // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 58 - 69.; *Neal A.* Nuclear War and Popular Culture // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 92 – 105.; В Питерской Вышке запустили сайт проекта о наследии и памяти холодной войны в Петербурге // Сайт НИУ ВШЭ URL: <https://spb.hse.ru/news/368075422.html> (дата обращения: 14.10.2021)

⁶ *Нора П.* Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

травмы. В трактовке исторической травмы сложилось два основных направления – психоаналитическое (К. Карут, Д. ЛаКапра, Ф. Анкерсмит) и социологическое (Р. Айерман, П. Штомпка, Н. Смелзер). Психоаналитический подход к анализу исторической травмы применим при рассмотрении психологических и социально-психологических аспектов исторической травмы: восприятие травмирующего события в индивидуальных и коллективных представлениях, трактовка свидетельств очевидцев, (де)травматизация событий и реализация стратегии медиализации травмы и т.д.⁷. Социологический подход обращает внимание на социальную обусловленность исторической травмы, на возможности её (де)конструирования⁸, в том числе с применением властно-политических механизмов (т.е. механизмов реализации политики памяти).

Методологию исследования исторической травмы, наиболее близкую к данному исследованию, применяет исследователь культурных травм Дж. Александер. Его позиция «умеренного конструктивизма» связывает культурную травму с этическими категориями сострадания, ответственности и т.д. Дж. Александер выделяет социальные рамки, социальный контекст формирования и переживания культурной травмы, подчёркивает важность «символических механизмов» травматизации прошлого (например, говоря о складывании особых ритуалов вокруг культурной травмы). Теоретические выкладки Дж. Александера снабжены обширным эмпирическим материалом, большая часть которого как раз связана с войнами и вооружёнными столкновениями. Война и военные события, по мысли Дж. Александера, становятся не только основными причинами культурных травм, но и катализаторами научных исследований в этой области⁹.

Особый интерес в рамках данного исследования представляют работы немецкого историка Й. Рюзена, рассматривавшего стратегии работы над травми-

---

⁷ Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore, 1996.

⁸ *Cultural Trauma and Collective Identity*. Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press. 2004; Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.

⁹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012, №3. С. 6 – 40

рующим историческим опытом и кризисами исторического сознания, в том числе, посредством «повторной травматизации» - вписывания травмы в историю таким образом, при котором травма не теряет своей эмоциональной компоненты, не превращается в банальный миф или в обыденный порядок вещей¹⁰.

Место войны в формировании мемориальной культуры, в частности, послевоенной общеевропейской культуры памяти, преодолевающей национальные нарративы, а также вопросы противостояния мемориальной культуры и исторической политики (как формы навязывания тех или иных государственных репрезентаций истории) рассмотрены в работах А. Ассман¹¹. Однако использование методологического инструментария А. Ассман в рамках данной работы, при её частом обращении к тематике войн, затруднено в силу нечёткого различения основных теоретических концептов и категорий.

Травматическая память о войнах как часть «памяти жертв» и, соответственно, как основа для межкультурного диалога между различными жертвенными нарративами рассматривается в концепции «разнонаправленной памяти» М. Ротберга¹².

Рассмотрение основных моделей политики памяти о войнах опирается на классификацию «способов памятования» (mode of remembrance), предложенную

---

¹⁰ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Выпуск 7. С. 8 – 27.; Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 38 – 62.

¹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. ; Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпоральной культуры Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹² Rothberg M. Multidirectional memory: remembering the Holocaust in the age of decolonization / Michael Rothberg. Stanford University Press, Stanford, California. 2009.

А. Булль и Х. Хансеном¹³, а также на концепцию агонизма в политике, разработанную Ш. Муфф¹⁴.

Тематика войны в политике памяти с неизбежностью затрагивает исследования символической политики. Рассмотрение символических действий и их влияния на реальную политику будет опираться на топологическую теорию П. Бурдьё¹⁵.

Тема военных коммемораций в политическом контексте, их политического значения и трансформаций является хорошо изученной в западной академической литературе. Среди наиболее крупных исследователей темы военных коммемораций в данном аспекте стоит выделить американских военных историков Дж. Мосса¹⁶, С. Эдвардса¹⁷, Дж. Уинтера¹⁸. В России политологические аспекты рассмотрения военных коммемораций представлены в работах историка К.А. Пахалюка¹⁹.

---

¹³ Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4. pp. 390 – 404 ; Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018.

¹⁴ Mouffe C. On the political / London: Routledge. 2005 ; Mouffe C. Agonistics: Thinking the World Politically. London: Verso. 2013.

¹⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994.

¹⁶ Moss G.L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990.

¹⁷ Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. ; Edwards S. Commemoration and Consumption in Normandy, 1945—1994 // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 76 – 92.

¹⁸ Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge UP, 1999.; Winter J. Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century. New Haven: Yale University Press; 2006. ; Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. ; Уинтер Дж. Война, память, воспоминание // *Диалог со временем*. 2016. № 56. С. 5–15.

¹⁹ Пахалюк К.А. Политика памяти как ценность и дискурс // *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 4. С. 232-239.; Пахалюк К. А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации первой мировой войны в современной России // *PolitBook*. 2016. № 4. С. 109 – 131.; Пахалюк К.А. Преподавание военной истории в зарубежном академическом дискурсе (на основе обзора материалов журнала *Journal of educational media, memory, and society*) // *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ: ООО «Нестор-История», 2018. С. 13 – 46.; Пахалюк К.А. Образы*

В отечественных социогуманитарных науках тема исследования войны как предмета политики памяти и важного компонента массового исторического сознания была и остаётся актуальной в силу фундаментального значения, прежде всего, Великой Отечественной войны в памяти населения России и в политическом контексте. В рамках данного исследования фундаментальное значение имеет рассмотрение появления, функционирования и трансформации т.н. «мифа о войне» (официального изложения и оценки Великой Отечественной войны) в политике памяти современной России, чему посвящены работы российских исследователей Н.Е. Копосова²⁰, О.Ю. Малиновой²¹, А.Ю. Бубнова²².

Важно обратиться к результатам ряда социологических, социально-философских и политологических исследований, посвящённых специфике образов Великой Отечественной войны в различных аспектах медийного пространства и у разных мнемонических акторов²³.

Важное значение имеют работы, посвящённые анализу политики памяти в России в условиях «мемориальных войн», в центре которых находятся кардинально разные оценки событий Второй мировой войны в России и за рубежом,

---

войны в современной культуре // Барабанов О., Пахалюк К., Уль М. Не забудем, но простим? Образы войны в культуре и исторической памяти. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., май 2020. С. 7 – 29.

²⁰ Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

²¹ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015; Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 6 – 22.

²² Бубнов А.Ю. Формирование памяти о Великой Отечественной войне в СССР и России // Провинциальные научные записки. 2021. № 1(13). С. 105 – 109.

²³ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Историческое сознание молодёжи // Вестник Российской академии наук. Том 80. №3. М., 2010. С. 195 – 203; Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123 – 133; Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном обществе // *Studia Humanitatis*. 2020. №1. 24 с.; Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: Интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №1 (53). С. 19 – 28. ; Белов С.И. Videоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино // Информационные войны. 2019. №1 (49). С. 89 – 94.; Бубнов А.Ю., Комплеев А.В. Российско-немецкая «война памяти»: анализ современной онлайн дискуссии о Великой Отечественной войне // Наука. Общество. Оборона. 2020. №2 (23).

чему посвящены работы российского историка А.И. Миллера²⁴. Российская политика памяти в условиях «мемориальных войн» рассматривается в работах Д.А. Аникина и А.А. Линченко²⁵, А.В. Комплеева²⁶, О.В. Головашиной²⁷, А.Ю. Бубнова²⁸.

Отдельная категория отечественных исследований памяти о войне посвящена рассмотрению памяти о локальных вооружённых конфликтах (прежде всего, об участии советских войск в войне в Афганистане и о чеченских кампаниях). Авторы этих исследований приходят к выводу о принципиальном отличии между Великой Отечественной войной и локальными вооружёнными конфликтами в мемориальном пространстве, кроме того, рассматривают теоретические вопросы детравматизации памяти об этих событиях. К числу этих авторов относятся Н.Ю. Данилова²⁹, Е.Ю. Рождественская³⁰, Ф.В. Николаи и И.И. Кобылин³¹.

---

²⁴ Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. Т. 13. № 3 – 4. 2009. С. 6 – 23; Миллер А.И. Лабиринты исторической политики. Прошлое России и попытка самоидентификации. // Россия в глобальной политике, Том 9, №3, май – июнь 2011. М.: Фонд исследований мировой политики. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. // Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 7 – 32; Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2016, №1 (80). М.: Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». С. 111 – 121.

²⁵ Аникин Д. А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С.55-63. ; Линченко А.А. «Несоюзное государство»: Республика Беларусь в мемориальных войнах Восточной Европы // Социодинамика. 2021. № 8. С. 66-84.

²⁶ Комплеев А.В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 53–58.; Комплеев А.В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 53-58.

²⁷ Головашина О.В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // Tempus et Memoria. 2021. Т.2. №1. С. 43-52. Головашина О.В. Поле битвы – память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 19-28.

²⁸ Бубнов А.Ю, Савельева М.А. Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №3(67) С. 663 – 674.

²⁹ Данилова Н.Ю. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Неприкосновенный запас. № 2–3 (40–41), 2005. С. 149 – 161.; Danilova Nataliya. The politics of war commemoration in the UK and Russia University of Aberdeen, UK, 2015. ; Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №. 2. С. 110 – 126.

Таким образом, при обилии различных исследований военных коммемораций и отдельных «кейсов», посвящённых политическому использованию памяти о той или иной войне, довольно слабо изученной остаётся сама специфика обращения к военному прошлому в рамках конкретной политики памяти.

Цель и задачи диссертационного исследования. *Цель диссертационного исследования* – рассмотрение и характеристика основных аспектов образов военного прошлого для их рассмотрения как специфических предметов политики памяти. Выделенные теоретико-методологические особенности будут обладать необходимым исследовательским потенциалом для рассмотрения конкретных войн и военных событий в политике памяти современных государств и других влиятельных политических (мнемонических) акторов.

Для достижения указанной цели необходимо выдвинуть следующие *задачи исследования*:

1. Проанализировать основные подходы к понятию «политика памяти», их методологические особенности исследования, в том числе, событий военного прошлого.
2. Рассмотреть специфику образов войны в основных моделях политики памяти (в рамках космополитической, антагонистической и агонистической памяти).
3. Сформулировать основные теоретико-методологические подходы к рассмотрению памяти о войнах, сложившиеся в современных *memory studies*.
4. Обозначить основные функции образов войны в политике памяти.

---

³⁰ *Рождественская Е.Ю., Тартаковская И.Н.* Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым // *Inter*, №6. 2011. С. 103 – 117.; *Рождественская Е., Семёнова В.* Социальная память как объект социологического изучения // *INTER*. 2011. №6. С. 32 – 33; *Рождественская Е.Ю.* Виртуализация памяти об Афганской войне // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 128 – 137.

³¹ *Николаи Ф.В., Кобылин И.И.* Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // *История и историческая память*. 2014. №9. С. 90 – 103; *Николаи Ф.В., Кобылин И.И.* Американские *trauma studies* и пределы их транзитивности в России // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2017. №5 (120). С. 115 – 136; *Николаи Ф.В., Михеева Н.С.* Война в Афганистане в освещении газеты «Красная звезда». Эволюция языка описания прошлого // *Центр и периферия*. 2019. №2. С. 41 – 45; *Кобылин И.И., Николаи Ф.В.* «Здесь был русский Ваня»: юмор, ирония и армейская иерархия в воспоминаниях ветеранов локальных войн // *Уральский исторический вестник*. 2019. №3 (64). С. 116 – 125.

5. Выявить основные стратегии обращения к войне в политике памяти различных акторов.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объектом исследования* является политика памяти. *Предмет исследования* – образы военного прошлого в политике памяти.

Хронологические рамки исследования обусловлены формированием самого междисциплинарного комплекса *memory studies* и изучением военных коммемораций как отдельного направления исследований. Используемые в данном исследовании академические работы касаются преимущественно войн XX и начала XXI века. Тем самым, хронологические рамки работы можно определить как начало XX века – февраль 2022 года.

Научная новизна исследования. Новизна исследования состоит в рассмотрении и характеристике основных аспектов образов военного прошлого, описывающих их специфику как предмета политики памяти. Выработка такой модели основана на ряде других, более частных, результатах исследования, характеризующихся научной новизной:

1. Рассмотрена репрезентация памяти о войнах в рамках различных моделей политики памяти, различия между которыми определяют специфику интерпретации событий военного прошлого.
2. Составлена классификация основных теоретико-методологических подходов к рассмотрению памяти о войнах; в основу классификации был положен критерий основного актора (или множества акторов), через репрезентации которого транслируется память о войнах.
3. Описаны и классифицированы основные акторы политики памяти о войнах, действующие в условиях современной российской политической системы.
4. Через использование концепции явных и латентных функций социальных акторов Р. Мёртона выявлены основные функции образов войны в политике памяти.
5. Сформулированы основные стратегии обращения к войне в политике памяти.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации существующей методологии изучения политики памяти и памяти о войнах как её специфической составляющей. В ходе исследования сформулирована теоретико-методологическая модель рассмотрения памяти о войнах, в рамках которой, с одной стороны, память о войнах может быть рассмотрена в более широком контексте той или иной модели политики памяти (режима памяти / дискурса памяти) и того или иного методологического подхода, с другой стороны, обобщены и классифицированы основные функции конкретных акторов политики памяти и основные используемые ими стратегии.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения разработанной теоретико-методологической модели для других историко-политологических исследований, посвящённых коммеморациям конкретных военных событий. Практическое использование результатов исследования возможно при составлении учебных программ дисциплин социально-гуманитарного профиля, изучаемых в учреждениях высшего образования. В частности, в рамках преподавания военной истории возможно обращение к теме различных способов коммеморации военных событий. Влияние памяти о войнах на институциональные процессы в мировой политике и принятие решений актуально рассматривать в рамках курсов, посвящённых гуманитарным аспектам международных отношений. Продвижение определённой политики памяти по отношению к войнам прошлого как инструмент «мягкой силы» со стороны тех или иных групп может быть рассмотрено в рамках дисциплин, посвящённых современным информационным войнам, противодействию информационно-психологическим атакам и защите исторической памяти. Перспективной также выглядит применение практических наработок этого исследования при изучении студентами юридических специальностей мемориального законодательства различных стран мира (в том числе посвящённого памяти о войнах) в контексте сравнительно-правовых и международно-правовых исследований.

Методологическая основа исследования. Разработку теоретико-методологических проблем в рамках междисциплинарного блока *memory studies* отличает отсутствие единой концептуальной рамки исследований. Дж. Олик подчёркивает общую «непарадигматичность» исследований социальной памяти. Изучение же такого сложного предмета как войны и образы войн неизбежно обуславливает применение дисперсной методологии, не концентрирующейся вокруг только лишь политологического инструментария. Тем не менее, методологический базис *memory studies* претерпевает изменения под влиянием общих тенденций в социогуманитарных науках. Л.П. Репина отмечала произошедший на рубеже тысячелетий «культурный поворот», охвативший гуманитарное знание. Кроме того, важной характеристикой современных исследований памяти является и «практический поворот», выражающийся, с одной стороны, в повышенном интересе учёных к эмпирическим исследованиям и анализу «кейсов» (что является источником для концептуальных обобщений), с другой стороны, в видении определённых практик как способов интерпретации прошлого.

Отсюда наиболее оптимальным при рассмотрении войны как предмета политики памяти видится ориентация на конструктивистскую методологию. При этом концептуальный каркас подобных исследований на основе конструктивизма должен, с одной стороны, избегать крайнего социологизма в духе Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, а с другой стороны, «натуралистического» подхода и неразличения самого события и памяти о нём (что, к примеру, критиковал Дж. Александер применительно к исторической травме). Преимущественное рассмотрение социальных рамок памяти о войнах и акцент на политических механизмах их имплементации видятся разумными на основании российского опыта изучения памяти о войнах. Так, фундаментальный для исторического сознания наших соотечественников образ войны – Великой Отечественной – претерпевал значительные изменения на протяжении последних десятилетий под влиянием политического контекста. Рассмотрение трансформации «мифа о войне» в российской политике па-

мнати опирается на политико-текстологический метод и контент-анализ в вышеуказанных исследованиях О.Ю. Малиновой, Н.Е. Копосова, А.Ю. Бубнова.

Тематика войны в политике памяти с неизбежностью затрагивает исследования символической политики. Рассматриваемая в исследовании борьба мнемонических акторов за ценный символический капитал в виде памяти о войнах опирается на топологическую теорию П. Бурдьё³², интерпретации и практические применения которой для анализа поведения конкретных акторов представлены в работах Д.А. Аникина³³. Кроме того, Д.А. Аникиным обоснован собственный топологический подход к изучению коллективной памяти³⁴.

Рассмотрение многоакторности политики памяти (в т. ч. применительно к войнам прошлого) опирается на теории агонизма в политике Ш. Муфф и агонистической памяти (А. Булль, Х. Хансен, В. Канштайнер³⁵, Ш. Бергер³⁶).

Выделение функций социальных акторов применительно к их репрезентациям образов войн прошлого основывается на методологии разделения явных и латентных функций Р. Мёртона³⁷.

Задача выявления основных стратегий обращения к войне в политике памяти будет осуществлена, в том числе, с применением подходов Й. Рюзена и Ф.В. Николаи, где память о войне рассматривается как разновидность исторической травмы.

Кроме того, в данном исследовании применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация), так и специальные: сравни-

---

³² Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994.

³³ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1, 2020.

³⁴ Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов. 2011.

³⁵ Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018. pp. 1 – 15.

³⁶ Бергер Ш. «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером / Ш. Бергер // *Историческая экспертиза*. 2020. № 1(22). С. 1 – 8.

³⁷ Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

тельно-исторический метод (для выделения этапов трансформации коллективной памяти), системный метод (для рассмотрения поведения мнемонических акторов в рамках существующей политической системы).

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве отправного методологического базиса данного исследования предполагается признать принципиальную многоакторность самой политики памяти. В этой связи под политикой памяти подразумевается «целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» (определение Д.А. Аникина)³⁸. Данное определение избегает крайностей дихотомических интерпретаций, в рамках которой политика памяти понимается как инструмент культурной гегемонии правящего класса или как директивная историческая политика, исходящая от государства.

2. В рамках различных способов памятования и соответствующей им политике памяти – космополитической, антагонистической и агонистической – репрезентации войны имеют свою специфику.

Космополитическая память стремится максимально дистанцироваться от темы войны, чтобы не нарушить консенсус вокруг дискурса о правах человека и сострадания к интернациональным жертвам прошлого. Антагонистическая память, напротив, предельно концентрирована на военной тематике и ориентирована на политическую борьбу за доминирование той или иной интерпретации военного прошлого. В агонистической памяти события прошлых войн рассматриваются как попытка высветить разногласия внутри общества и рассмотреть в историческом контексте точку зрения всех участников войны.

3. Исследования памяти о войнах в современных *memory studies* возможно классифицировать в три теоретико-методологических подхода:

---

³⁸ Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Том 12, выпуск 2. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2012. С. 36.

- Государствоцентричный подход, где память о войне представляется как центральный образ формируемого видения прошлого, необходимого для поддержания национальной идентичности.
- Подход, апеллирующий к концепту «народной памяти». Применительно к памяти присутствует разделение частной памяти (образующей по совокупности естественную, или народную, память) и публичных представлений. Публичные представления обеспечиваются механизмами политики памяти, в рамках которой происходит селекция и подавление частных воспоминаний.
- Социально-акторный подход постулирует множественность мнемонических акторов, обладающих своими ресурсами, способами и формами трансляции образов прошедших войн. В рамках социально-акторного подхода на различных площадках артикуляции происходит постоянная борьба за память. Различные социальные акторы способны создавать свои «фреймы» памяти и «обрамлять» индивидуальные воспоминания. Разница в этих «фреймах» создаёт динамику коллективной памяти о войнах и оформляет борьбу различных акторов за доминирование своих военно-исторических нарративов.

4. В реалиях современной российской политической системы возможно разделить акторов, действующих в пространстве политики памяти, по двум основным критериям: государственные и негосударственные, а также акторы, действующие независимо от войны и порождённые самой войной. Подчёркивается взаимопроникновение мемориальных дискурсов не только между государственными акторами, но и между негосударственными и государственными.

5. Исходя из типологии явных и латентных функций социальных акторов по Р. Мёртону, можно выделить следующие функции образов войны в политике памяти:

- Функция легитимации / делегитимации;
- Функция консолидации / деконсолидации (связанная с формированием и трансформацией идентичности);
- Культурно-дипломатическая функция («мягкая сила»);

- Образовательно-воспитательная функция;
- Коммерческая функция (включающая в себя брендинговую функцию);
- Развлекательная функция (инфотейнмент).

6. Обобщая опыт современной теоретико-методологической рефлексии вокруг памяти о войнах, выделяются следующие основные стратегии обращения к войне в рамках политики памяти:

- забвение;
- героизация / сакрализация;
- травматизация / виктимизация (внутри данной стратегии можно выделить стратегию медиализацию памяти о войне как способ проработки травмы);
- тривиализация;
- деполитизация / деконтекстуализация.

Апробация результатов исследования.

Данная диссертация выполнена в ходе реализации грантового проекта РФФИ «Война как предмет политики памяти: основные теоретико-методологические аспекты» (проект № 20-311-90047).

Основные положения и выводы исследования были изложены в пяти научных публикациях, в том числе в трёх статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в рецензируемых научных изданиях из перечня, в котором могут быть опубликованы научные результаты диссертаций по специальности 5.5.1 «История и теория политики», и в одной статье, опубликованной в научном журнале, индексируемом в базе данных Web of Science.

Основные положения и выводы исследования были представлены в устных докладах на пяти научных конференциях:

1. XXVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Политические науки» (10 – 27 ноября 2020)
2. II Всероссийский военно-исторический форум «Георгиевские чтения» (РВИО, 11 декабря 2020)

3. XXVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Политические науки» (12 – 23 апреля 2021)

4. Круглый стол «Региональная политика памяти в зеркале междисциплинарных исследований» в рамках Международной научно-практической конференции «Будущее нашего прошлого-7: историческая память и коммеморативные практики» (РГГУ, 26 – 27 ноября 2021)

5. XXIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Политические науки» (19, 21 апреля 2022)

Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, первой главы из двух параграфов, второй главы из трёх параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования политики памяти о войнах

§1. Память о войнах в основных моделях политики памяти³⁹

Рассмотрение тематики представления образов войны в политике памяти необходимо начать с анализа того, что представляет собой политика памяти, какие существуют основные интерпретации этого понятия и основные его определения.

Несмотря на то, что собственно политологические исследования в рамках междисциплинарного комплекса *memory studies* начали оформляться с конца 1990-х годов⁴⁰, отдельные политические аспекты конструирования, функционирования и трансляции образов коллективной памяти людей, в том числе использование для этих целей властно-политических механизмов, начали исследоваться с самого начала формирования *memory studies*.

В научной литературе и публицистике, касающихся проблем исторической памяти, для обозначения сходных, а порой и идентичных явлений часто используют различные термины, среди наиболее распространённых «политика памяти», «историческая политика», «мемориальная политика», «политическое присвоение прошлого» и ряд других.

Отметим, что популяризация самих терминов «историческая политика» и «политика памяти» связана не с деятельностью академических исследователей или публицистов, а с политическими событиями. Несмотря на то, что появление

---

³⁹ При написании этого параграфа использованы результаты научных работ, выполненных автором и опубликованных ранее: *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические подходы к изучению памяти о войнах в современных *memory studies* // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 3. С. 48-68; *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76). С. 3420-3428.; *Батищев Р.Ю.* Память о войнах и «войны памяти» в современных *memory studies*: основные подходы к изучению и ключевые акторы // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 34-42.

⁴⁰ *Малинова О.В.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 27.

термина «историческая политика» связывают с Ю. Хабермасом⁴¹, введение его в широкий оборот (сначала в ФРГ) стало следствием политического курса канцлера ФРГ Г. Коля и развернувшейся дискуссии вокруг попыток Г. Коля и группы историков предложить более позитивный взгляд на события, приведшие к приходу к власти нацистов и Второй мировой войне. Обрушившийся на проект Коля шквал критики со стороны академических кругов привёл к тому, что термин «Geschichtspolitik» приобрёл в общественно-политическом дискурсе Германии негативную коннотацию, а понятие «историческая политика» трактовалось как «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации»⁴². Однако в 2000-е годы проект «исторической политики» был возрождён в Польше как механизм защиты собственной истории от искажений внутри и за пределами страны и воспитания здорового патриотизма. В манифесте «Историческая политика» 2004 года его авторы не скрывали того, что позаимствовали термин у немцев, однако его оценка и обоснование необходимости поменялись в прямо противоположную сторону.

За прошедшие десятилетия появилось большое количество определений понятиям «историческая политика» и «политика памяти». Но большинство из них, так или иначе, понимают этот термин в тех концептуальных рамках, которые изначально вкладывались в понятие *Geschichtspolitik*. Например, историк А.И. Дюков понимает под исторической политикой «поиск оснований для предъявления политических или экономических претензий, где значимыми инструментами оказываются вымышленные факты, «замалчивание» фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий»⁴³. Уральские исследователи Русакова О.Ф. и Русаков В.М. определяют политику памяти как «продуманную систему форм и

---

⁴¹ Русакова О.Ф. Историческая политика в России: современные вызовы и новые компетентности // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XVI Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, Екатеринбург, 21–22 марта 2013 года. С. 1745-1751.

⁴² Миллер А.И. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. Т 13. № 3 – 4. С. 9.

⁴³ Цит. по: Линченко А.А., Беляев Е.В. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России // *Studia Humanitatis*, 2016. №2. С. 3.

способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа»⁴⁴. В другой статье О.Ф. Русакова прямо увязывает политику памяти с деятельностью государства, обозначая политику памяти как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти»⁴⁵.

В этой связи интересно отметить, что определения исторической политики и политики памяти как форм властного навязывания тех или иных символов и смыслов имеют явные сходства с (нео)марксистским пониманием идеологии как формы ложного сознания и, в частности, с концепцией культурной гегемонии А. Грамши. Ряд неомарксистских и постмарксистских исследователей (к примеру, Э. Хобсбаум, Ш. Муфф) видели задачу своих исследований как раз в том, чтобы деконструировать историческую мифологию правящих элит, легитимирующих свою власть и искусственно поддерживающих групповую идентичность, «просветить угнетённых и дать им возможность следовать своим подлинным интересам»⁴⁶. Так, авторы известной книги «Изобретение традиции» Э. Хобсбаум и Т. Ренджер под политикой памяти понимают «социальную инженерию сверху»: «история, которая стала фундаментом знаний или идеологии нации, государства или движения, - это не то, что действительно сохранилось в народной памяти, а то, что было отобрано, написано, нарисовано, популяризировано и институализировано теми, чья функция в этом и заключается»⁴⁷.

Однако существует иной взгляд на трактовку понятия «политика памяти», связанный с уходом от дихотомических определений, где государственная политика памяти противостоит народной памяти. Альтернатива такому видению за-

---

⁴⁴ Русакова О.Ф. Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. №1. С. 11.

⁴⁵ Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Дискурс-Пи. 2017. №3-4 (28-29). С. 18.

⁴⁶ Гигаури Д.И., Гуторов В.А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. №2. С. 36.

⁴⁷ Hobsbawm E. Introduction: inventing traditions // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm and T. Ranger (eds) London, 1983. p. 13.

ключается в признании принципиальной многоакторности политики памяти и отсутствия монополии какого-либо из акторов транслировать свои исторические репрезентации.

Историк А.И. Миллер под политикой памяти понимает «всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализацию, а также практики коммеморации и преподавания истории. Историческая политика является частным случаем политики памяти. Для нее характерны активное участие властных структур, конфронтационность и преследование партийных интересов»⁴⁸. О.В. Малинова рассматривает политику памяти как важную составную часть символической политики, понимаемой как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование»⁴⁹. Поскольку, как писал П. Бурдьё, «самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего»⁵⁰, активная работа с прошлым и необходимость привлечения к этому властно-политических механизмов определяет потребность в политике памяти. Политику памяти О.В. Малинова предлагает трактовать как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — еще и законодательного регулирования»⁵¹.

В качестве рабочего определения политики памяти в данном диссертационном исследовании используется определение Д.А. Аникина, согласно которому политика памяти понимается как **«целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном**

---

⁴⁸ Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *Полития*. 2013. №4 (71). С. 114.

⁴⁹ Малинова О.В. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов*. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 31.

⁵⁰ Цит. по: Малинова О.В. Политика памяти как область символической политики. С. 32.

⁵¹ Там же. С. 33.

политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик»⁵². Данное определение подразумевает многоакторность политики памяти и избегает крайностей дихотомических интерпретаций, в рамках которой политика памяти понимается как инструмент культурной гегемонии правящего класса или как директивная историческая политика, исходящая от государства, в противовес мемориальной культуре гражданского общества (в духе А. Ассман). Принципиальная многоакторность политики памяти является отправным методологическим базисом данного исследования.

Рассмотрев основные подходы к трактовке понятия «политика памяти» и указав рабочее определение, которое будет использоваться в данной работе, возможно перейти к рассмотрению места образов войны в той или иной политике памяти.

Политика памяти с неизбежностью обращалась и будет обращаться к анализу военных событий прошлого, либо предлагая какие-либо интерпретации прошлых войн, либо используя фигуру умолчания. Необходимость обращения к войне в рамках любой политики памяти обусловлена рядом причин.

Во-первых, военные события всегда оставляют сильнейший эмоциональный отпечаток в историческом сознании, это, безусловно, одно из самых ярких событий в памяти целых поколений. Тот или иной выход эмоциональному заряду памятных событий, помимо неполитизированного искусства, может быть найден как раз в форме определённой политики памяти и выработанных внутри неё коммеморативных практик (например, сложившейся модели ветеранства участников войны⁵³ или целой гражданской религии, где фундаментом выступает память о той или иной войне⁵⁴). Эмоциональная насыщенность памяти о войнах позволяет

---

⁵² Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Том 12, выпуск 2. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2012. С. 36.

⁵³ Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №5 (120). С. 123 – 124.

⁵⁴ Тесля А.А. Как менялась память о Второй мировой войне // Эксперт. 2020. № 18-20. С.97-101.

как конструировать культурную травму⁵⁵ и народную скорбь⁵⁶, так и проводить мобилизацию и активизировать социально-политическую активность⁵⁷.

Во-вторых, военные события прошлого всегда сопряжены с трагедиями, преступлениями и человеческими жертвами, что, в свою очередь, перед некоторыми политическими акторами (прежде всего, вооружёнными силами и военно-политическим руководством, государством в целом) ставит ребром вопросы об ответственности за принесённые жертвы и о легитимации проводимой политики, самого политического статуса ответственных акторов.

В-третьих, определённые исторические репрезентации о войнах прошлого часто имеют претензии на обоснование изменений существующего политического порядка. К примеру, подобной необходимостью в выстраивании политики памяти были обусловлены претензии режима Ш. де Голля в восстановлении довоенного статуса Франции⁵⁸. Кроме того, часто само формирование тех или иных политических акторов, например, новых политико-территориальных образований, идёт параллельно с транслированием определённой политики памяти. Причём такая ситуация характерна и для формирования европейских политических наций эпохи Модерна⁵⁹, и для современных политических процессов⁶⁰.

Как известно, память о войнах существует в более широком контексте исторической памяти. Различные особенности структуры и функционирования памяти позволяют выделять несколько моделей или концепций коллективной памяти и

---

⁵⁵ Cultural Trauma and Collective Identity. Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press, 2004.

⁵⁶ Winter J. Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. pp. 54 – 74.

⁵⁷ Mouffé C. Agonistics: Thinking the World Politically. London: Verso. 2013.

⁵⁸ Courteaux O. General de Gaulle and the Second World War: Constructing a French Narrative // Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 3 – 23.

⁵⁹ Moss G.L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990.

⁶⁰ Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 127-143.

соответствующей им политики памяти. Для концептуализации этого явления в отечественных и западных исследованиях памяти применяются ряд семантически близких словосочетаний, таких как «культура памяти»⁶¹, «дискурс памяти»⁶², «мемориальная культура» (в терминологии А. Ассман)⁶³, «режим памяти»⁶⁴ и ряд других.

На сегодняшний день наиболее распространённая классификация представляет собой разделение памяти на космополитическую, антагонистическую и агонистическую⁶⁵, подобное же разделение используется и в отечественном академическом дискурсе⁶⁶. В западной литературе для обозначения этих типов используется понятие «способ памятования» (*mode of remembrance*). Однако, поскольку те или иные репрезентации коллективной памяти выражаются, в том числе, в виде политических действий, определяются ролью тех или иных политических акторов, эти способы памятования порождают и соответствующие им модели политики памяти.

Особенности этих способов памятования, характеристика современных политических акторов, которые их придерживаются, подробно представлены в вышеупомянутой статье А. Булль и Х. Хансена «Агонистическая память» (*On agonistic memory*, 2016).

На основе этой классификации возможно выявить существенную разницу в месте и роли образов войны и методологических особенностях коммеморации

---

⁶¹ Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.- СПб: Нестор-История, 2018. С. 6.

⁶² Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. №3 (94) С. 89.

⁶³ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

⁶⁴ Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики) 2017. №4 (87). С. 8.

⁶⁵ Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4. pp. 390 – 404.

⁶⁶ Махотина Е.И. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления *memory studies* в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 75 – 93.

войны в этих трёх моделях политики памяти. Различное положение и различные способы коммеморации именно военных событий прошлого в значительной мере определяют и общую разницу этих моделей. Более того, один из авторов концепции агонистической памяти Штефан Бергер прямо заявляет, что антагонистическая, космополитическая и агонистическая память могут быть представлены как «теоретическое рассмотрение режимов современной памяти в отношении к войнам»⁶⁷.

Выстроить хронологическую последовательность смены различных моделей политики памяти довольно сложно, поскольку господствующая концепция тесно связана с более широким политико-институциональным контекстом и доминирующими акторами международной (или европейской) политики. Кроме того, исследователи отмечают и обратную тенденцию – влияния памяти на политику. Ещё в начале 2000-х годов (до появления рассматриваемой классификации моделей памяти) американский исследователь Дункан Бэлл отмечал, что «можно связать память, особенно о Второй мировой войне, с общей институциональной структурой» европейских государств⁶⁸. Очевидно, здесь Д. Бэлл имел в виду то, что сейчас называется космополитической памятью – сложившейся во многом вокруг трагедии Холокоста и направленной на преодоление забвения этой темы в первые послевоенные десятилетия. Как известно, общая европейская память, среди прочего, послужила основой и политической евроинтеграции.

Тем не менее, смену концепций политики памяти представляют часто как атаку антагонизма на космополитизм, происходящую в последние годы / десятилетия. За «точку отсчёта» антагонизма может браться, например, известный манифест польских консервативных историков «Историческая политика» 2004 го-

---

⁶⁷ Бергер Ш. «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером // Историческая экспертиза. 2020. № 1(22). С. 13.

⁶⁸ Bell D. Introduction: Memory, Trauma and World Politics // Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. p. 15.

да⁶⁹ или выборы в Европейский парламент 2014 года, по итогам которых наблюдался рост популярности евроскептиков, использующих антагонистический подход в памяти для критики проекта Евросоюза. С одной стороны, действительно, антагонистический подход выкристаллизовался именно на противоречиях (перерастающих в антагонизмы) общеевропейской космополитической памяти, возникшей во второй половине XX века. С другой стороны, как способы памятования и космополитическая, и антагонистическая память сложились раньше. К примеру, Ш. Бергер считает, что «следы космополитических форм памяти могут быть прослежены вплоть до Античности и Средневековья»⁷⁰.

Динамику смены различных моделей политики памяти, особенно на примере стран Восточной Европы, возможно рассматривать через более широкие категории исторического/политического времени и пространства. Попытка механического переноса форм и практик общеевропейской (космополитической) памяти в Восточную Европу в 1990-е годы очевидно шла в разрез с политикой времени (в терминах Б. Бевернажа) в этих странах, стремившейся максимально разорвать отношения со своим недавним коммунистическим прошлым, при том, что оформившаяся здесь политика памяти подразумевала концепцию «двух тоталитаризмов» как внутренне единую историческую эпоху. Другой фактор, актуальный для Восточной Европы, – «фронтирность» данной территории, связанная с длительным нахождением на границе между Россией/Советским Союзом/постсоветским пространством и коллективным «западом», «старой Европой». Подобные пространственно-временные аспекты динамики моделей политики памяти приводят к эскалации мемориальных конфликтов, что приводит, в итоге, к полноценным «мемориальным войнам», в том числе и против своего собственного прошлого⁷¹.

---

⁶⁹ Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.- СПб: Нестор-История, 2018. С. 7.

⁷⁰ Бергер Ш. «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером / Ш. Бергер // Историческая экспертиза. 2020. № 1(22). С. 14.

⁷¹ Аникин Д. А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С.55-63.

Антагонистическая память, тем не менее, является очевидно продуктом Модерна, поскольку тесно связана с формированием политических наций и национальных государств. В процессе нациестроительства, с одной стороны, формирующаяся нация часто вынуждена бороться за национальное государство в ходе многочисленных войн, с другой стороны, для укрепления национально-государственной идентичности важно формирование символических границ, в которых дихотомия «мы» - «они» часто накладывается на морально-этические и эмоциональные оценки своего прошлого («мы» – герои, «они» – злодеи; «мы» – жертвы, «они» – преступники). В итоге национальное государство формирует соответствующий героико-патриотический военизированный нарратив.

В этом смысле антагонистическая память политической нации (как имеющей своё национальное государство, так и борющейся за его обретение) предельно концентрирована на теме войны. В антагонистической модели политики памяти война и образы военного прошлого занимают центральное место и имеют основополагающее значение. Выступая механизмом конструирования национальной идентичности и символических границ между «нами» и «ими», антагонистическая модель активно использует нарратив войны. Причём исследователями подчёркивается актуальность таких практик для современного европейского общества: к примеру, отмечается, что «микронациональные движения, такие как фламандцы и баски, обратили традиционные фундаментальные нарративы войны против своих национальных государств»⁷².

Эксплуатация политическими нациями мифологии военного прошлого и патетики павших героев войны, а также постепенный переход от националистической «героизации» к интернациональной «виктимизации» подробно рассмотрены американским историком Дж. Моссом в книге «Павшие солдаты: новый взгляд на воспоминания о мировых войнах»⁷³. Трансформация (reshaping) памяти о войнах,

---

⁷² Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4. P. 397.

⁷³ Moss G.L. *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford University Press, Oxford, New York. 1990.

описанная Моссом, как раз может быть соотнесена с переходом (в странах Европы и в США) от антагонистической памяти к космополитической.

Кроме того, важно подчеркнуть, несмотря на очевидную «замкнутость» антагонистической памяти в пределах конкретной нации, этот способ памятования «способен продвигать новые формы работы с памятью и строить общеевропейский нарратив, пусть и направленный на уничтожение европейского проекта»⁷⁴.

Космополитическая память связывается исследователями с началом глобализации и общего ослабления национальных государств, проводятся параллели с концепцией «текучей современности» (liquid modernity) З. Баумана, в которой власть как глобальное, экстерриториальное явление отделена от политики, остающейся на локальном уровне. В конечном счёте космополитическая память идёт по пути общей деполитизации памяти. Также космополитическая память соответствует периоду «второго модерна», или «обществу риску», в терминах У. Бека. Национальная память не вытесняется, но общие коммеморативные практики распространяются повсеместно.

Концепция космополитической памяти неоднократно подвергалась серьёзной критике. К слову, сами авторы понятия «космополитическая память» Д. Леви и Н. Шнайдер подчёркивали риск превращения космополитизма из объективного процесса (повсеместного распространения общих коммеморативных практик, центрального места жертвенного нарратива и прав человека) в идеологический проект, в духе универсализма эпохи Просвещения⁷⁵. Дункан Бэлл, полемизируя с космополитизмом в том же ключе, также отмечает, что «хотя одни и те же исторические события занимают значимое место в памяти различных европейских наций – и даже в других странах мира – вовсе не ясно, можно ли из этого выковать единую и гармоничную память, тем более, что способы репрезентации событий (и значения, придаваемые этим репрезентациям) сильно отличаются в разных

---

⁷⁴ Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4. P. 392.

⁷⁵ Levy D., Sznajder N. Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory*. 2002. vol. 5(1), pp. 87–106.

местах»⁷⁶. Высказывались мнения, что космополитическая память представляет собой идеологическую конструкцию (И. Семан) и инструмент внешнеполитического влияния западных стран после окончания холодной войны (Э. Каздин)⁷⁷.

Космополитизм, тесно связанный с господствующим неолиберализмом, по сути отменяет политику, превращая её в «переговоры по техническим вопросам»⁷⁸. А.И. Миллер отмечает, что европейский космополитический дискурс памяти саму память (и её политическое использование) понимает как «сферу, где политическое должно быть преодолено»⁷⁹. При этом космополитизм, тем не менее, может поддерживаться определёнными культурно-идеологическими властными механизмами и быть концепцией политики памяти; политика здесь «отменяется» в том смысле, что не рассматриваются внутренние противоречия космополитического дискурса, не делается ставка на политическую борьбу/конкуренцию различных социальных акторов, не допускается оспаривания официальной исторической мифологии «снизу» (что позволяет теоретикам агонизма, в духе учения А. Грамши, относить космополитизм к разновидности буржуазной культурной гегемонии).

Деполитизация памяти тесно связана с дистанцированием космополитизма от темы войны вообще. Стремясь ухватиться за ценностный консенсус (сострадание к жертвам и дискурс о правах человека), который изначально выглядел зыбким в свете игнорирования политических различий внутри европейского сообщества, космополитизм избегает педалирования военной тематики, ограничиваясь темой человеческих страданий на войне.

Интересно, что отделение памяти от политики часто преподносится именно в антивоенном аспекте – как способ борьбы против попыток государств легитимизировать современные военные конфликты. Память о войнах прошлого, пред-

---

⁷⁶ *Bell D.* Introduction: Memory, Trauma and World Politics // *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present* / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. P. 16.

⁷⁷ *Cazdyn E., Szeman I.* After Globalization. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.

⁷⁸ *Mouffe C.* On the political / London: Routledge. 2005.

⁷⁹ *Миллер А.И.* Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // *Полития.* №3 (94) С. 89.

ставленная как преемственность воинской доблести военнослужащих, может использоваться государствами как механизм такой легитимации и, соответственно, как форма ухода от ответственности за участие в нынешних локальных конфликтах, часто сопряжённых с нарушениями прав человека (секретные тюрьмы, бомбардировки мирного населения и т.д.). Исследователь Н.Ю. Данилова находит схожесть в стратегиях репрезентации войн в странах запада (на примере Великобритании) и в России и, в этой связи, предлагает формулу «память без политики» (*remembrance without politics*)⁸⁰. И хотя Н.Ю. Данилова не говорит о приверженности космополитической памяти, такая трактовка памяти о войнах наиболее близка именно космополитизму.

Однако, делая ставку на универсальное и глобальное, космополитизм игнорирует реальные социально-политические различия, тем самым препятствует выражению различного опыта (или разнонаправленной памяти) людей, полученного в войнах и конфликтах. Такое положение дел создаёт благодатную почву для националистов и правых популистов, подстёгивая активизацию антагонистической памяти, которая не избегает использования образов войны, политической борьбы и властно-директивных методов в духе исторической политики. Для преодоления этих рисков вместо космополитической деполитизации необходима реполитизация. А поскольку политика всегда конституируется вокруг дихотомии «мы» - «они», в концепции агонизма происходит трансформация этого фундаментального противопоставления из шмиттовской оппозиции «друг» - «враг» (своего антагонистическому подходу) во взаимодействия оппонентов/конкурентов (*adversaries*).

Уподобление поведения мнемонических акторов поведению экономических игроков и конкуренцию за символически значимые ресурсы можно проследить ещё в топологической теории П. Бурдьё. Доминирование собственной исторической репрезентации какого-либо значимого события и представляет собой одно из воплощений «символической власти» – власти «заставлять видеть и верить,

---

⁸⁰ *Danilova Nataliya*. The politics of war commemoration in the UK and Russia / University of Aberdeen, UK, 2015.

утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир»⁸¹. Бурдье подчёркивает конвертируемость символического капитала в капитал экономический и политический, поскольку восприятие социального мира «структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания [...] выражают состояние отношений с символической властью»⁸². Борьба конкурирующих акторов за ограниченное число символически значимых для общества ресурсов, описываемая у П. Бурдье, может быть соотнесена с конкуренцией различных исторических репрезентаций, описываемой у теоретиков агонистической памяти. Рассматривая связь теории Бурдье с агонистической концепцией политики памяти, можно также вспомнить, что Ш. Муфф, одна из теоретиков агонизма, является также (наряду с Э. Лакло) автором постструктуралистской теории политического дискурса, где подчёркивается, с одной стороны, фактическое отсутствие объективных интересов (например, классовых), видимость которых навязывается структурами дискурса, в чём можно усмотреть развитие идей П. Бурдье; с другой стороны, необходимость постоянного диалога (радикальная демократия) для преодоления антагонизма – способа отрицания иного дискурса – и легитимизация одномоментного сосуществования различных, порой прямо противоположных друг другу, интерпретаций (в том числе событий прошлого)⁸³.

Говоря о влиянии символических действий на реальную политику, П. Бурдье обосновывает, что эффективной стратегией превращения символического капитала в материальный (экономический или политический) является дистанцирование от экономики и политики: «в стороне от поиска «экономической» прибыли... остается место для накопления символического капитала, как отрицаемого экономического или политического капитала, неузнанного и признанного, а потому легитимного "кредита", способного при определенных условиях и всегда в

---

⁸¹ Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007, С. 96

⁸² Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. С. 196.

⁸³ Mouffe C. On the political / London: Routledge. 2005. P. 29 – 34.

свой срок гарантировать «экономические» выгоды»⁸⁴. В этой связи российский исследователь Д.А. Аникин прослеживает эту стратегию на примере памяти о Великой Отечественной войне, отрицая экономическую и политическую заинтересованность в которой, социальные акторы лишь увеличивают свой символический капитал вокруг значимого для граждан России исторического события⁸⁵. Такая логика эксплуатации памяти о войнах свойственна и зарубежным акторам: коммерческому использованию военных коммемораций в Европе посвящены ряд академических работ (например, коммерциализации мемориалов в Галлиполи⁸⁶ и в Нормандии⁸⁷), а исследователи агонистической памяти выявили сосуществование и взаимодополнение символических, коммерческих и политико-дипломатических функций на примере крупнейших европейских военных музеев (в ходе исследовательского проекта Евросоюза UNREST)⁸⁸.

Однако характер конкуренции социальных акторов за обладание символическим капиталом в концепции агонистической памяти рассматривается несколько иначе, чем у П. Бурдьё (собственно, за некий «экономический редукционизм» в анализе культуры и символов Бурдьё и подвергается критике). Традиционно конкуренция рассматривается как игра с «нулевой суммой» - соответственно, исторические репрезентации конкретного актора должны победить, занять доминирующее положение, получить официальное признание (а его монополия, к примеру, может закрепляться соответствующим мемориальным законодательством). Но такая логика свойственна как раз антагонистическому подходу. Агонизм же подчёркивает, что диалог вокруг исторической памяти – это, скорее, игра с «положи-

---

⁸⁴ Цит. по: Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. С. 2.

⁸⁵ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. С. 3.

⁸⁶ Scates B.C. Manufacturing Memory at Gallipoli // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 57 – 76.

⁸⁷ Edwards S. Commemoration and Consumption in Normandy, 1945—1994; *Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001*. 2015. Cambridge University Press.

⁸⁸ Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018. 15 p.

тельной суммой», в которой каждая сторона обсуждения раскрывает себя, только соприкасаясь с позицией другого. Поэтому в противовес концепции диалога в «жизненном мире» Ю. Хабермаса, рациональном, построенном вокруг консенсуса и оторванном от противоречий реальности, теоретики агонизма ссылаются на концепцию Ю. Бахтина, в котором место «жизненного мира» занимает пространство «живой речи», принципиально противоречивой, мультиперспективной и иррациональной (эмоциональной)⁸⁹.

Мультиперспективность диалога о прошлом занимает центральное место в концепции «разнонаправленной памяти» (multidirectional memory) М. Ротберга, что сближает её с агонистическим подходом. М. Ротберг полагает основой такого межкультурного диалога общий язык жертв истории (в частности, жертв колониализма и жертв Холокоста). Причём западные страны, в данном случае, выступали «преступниками» по отношению к колониальным странам и «жертвами» по отношению к Холокосту и событиям Второй мировой войны⁹⁰. Тем не менее, «разнонаправленная память» и агонистическая память, предполагая одновременное сосуществование различных точек зрения, стоят особняком друг от друга. Во-первых, М. Ротберг говорит именно о доминирующей роли жертвенной памяти, во-вторых, о поиске общих оснований для диалога и, в перспективе, приходе к некоему консенсусу, диалог здесь предполагает завершённость; всё это сближает Ротберга с космополитической памятью. Подобного же мнения придерживаются европейские исследователи памяти, выделяя отдельно «разнонаправленную память», агонистическую память и «европейскую память» (т.е. фактически космополитическую) как подходы к памяти, не претендующие на гомогенность, иерархию и исключительную значимость⁹¹.

---

⁸⁹ Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4.; Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018. P. 3 – 4.

⁹⁰ Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press. 2009.

⁹¹ Ауст М., Обертрайс Ю., Хильбреннер А. Историческая политика нуждается в политике разрядки // Россия в глобальной политике (13.07.2020) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-politika-razryadki/> (дата обращения: 08.08.2020)

Такая мультиперспективность и непривычный (для традиционных нарративов национальных государств) фокус рассмотрения прошлого используется и в некоторых военных коммеморациях, рассматриваемых в агонистическом аспекте. К примеру, в 1995 году в Дрезденском военном музее открылась выставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта с 1941 по 1944 годы», вызвавшая широкий общественный резонанс. Участники проекта UNREST отмечают, что эта выставка буквально «натравила целые поколения немцев друг на друга»⁹²: долгие годы немецкое общество полагало, что за военные преступления ответственны нацистские организации СС и СД, осуждённые Нюрнбергским трибуналом, вермахт же вёл рыцарскую войну на востоке. Кроме того, символичен был выбор места для этой выставки – Дрезден, позиционировавший себя как город-жертва (после бомбардировки союзников 13 – 15 февраля 1945 года). Однако, при всех обнажившихся противоречиях и неготовности «жертв» рассматривать себя одновременно и «преступниками», в Германии продолжилось академическое изучение темы военных преступлений вермахта, например, появилась известная работа Х. Вельцера и З. Найтцеля «Солдаты вермахта. Подлинные свидетельства боёв, страданий и смерти»⁹³.

Рассмотрение преступлений прошлого кардинально отличает агонистический подход от антагонистического и космополитического, где роли «жертв» и «преступников» заранее определены, а весь нарратив, по сути, выстроен вокруг жертв (с той лишь разницей, что антагонистическая память выставляет Добром/жертвой свою нацию, а в космополитизме жертвы общепризнаны и интернациональны). В агонизме исходят из того, что «добро» и «зло» не есть абстрактные категории, а в человеке заложена «способность сотворения зла» (“capacity for evil”), которая находит выражение в конкретных исторических обстоятельствах и в контексте социально-политической борьбы. «Злодеяния не оправдываются и не узакониваются, но и не воспринимаются как деяния [изначально – прим. авт.]

---

⁹² Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // International Journal of Heritage Studies. 2018. P. 9.

⁹³ Найтцель З., Вельцер Х. Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боёв, страданий и смерти / Пер. с нем. С. Липатов. М.: Эксмо, 2013.

злых людей»⁹⁴. Предлагая такой подход к оценке преступлений прошлого, авторы придерживаются концепции Х. Арндт, изложенной в её знаменитом эссе «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»⁹⁵. Причём с точки зрения агонистического подхода, ориентированного на реполитизацию современности, использование такого подхода позволяет перекинуть мостик от войн прошлого к конфликтам современности и поставить ребром некоторые вопросы нравственно-политического характера по поводу природы и оценок современных локальных конфликтов. Так, выставка «Война имеет смысл» (“War makes Sense”) в Рурском музее в Эссене пытается донести до посетителей мысль о том, что люди прошлого, пошедшие на злодеяния и военные преступления, воевавшие по разные стороны фронта, придавали своим (преступным для нас) действиям рациональный смысл и обосновывали их примерно так же, как сейчас обосновываются и оправдываются некоторые неприглядные стороны, к примеру, военных операций на Ближнем Востоке и в Афганистане. Выставка выявляет парадоксальное совпадение по содержанию немецких военных коммемораций, посвящённых Первой Мировой войне, с памятью о солдатах бундесвера, погибших в Афганистане во время операции НАТО, и с памятливыми действиями афганских талибов, посвящённых погибшему «мученику»-шахиду⁹⁶. Подобный, в некотором роде, эпатаж со стороны организаторов выставки нацелен на понимание мотивов преступлений в прошлом и в современности, а также на призыв посетителей выставки к рефлексии и диалогу.

Несмотря на привлекательность образов войны для построения военизированных героико-патриотических нарративов, репрезентации военного прошлого скрывают в себе и потенциал для агонистического диалога. «Война и конфликт могут быть представлены таким образом, чтобы подчёркивать патриотический консенсус, но также могут высветить разногласия, споры, антагонизмы, различ-

---

⁹⁴ Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018. P. 4.

⁹⁵ Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2004.

⁹⁶ Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies* 2008. P. 10 – 11.

ные точки зрения и альтернативные взгляды на общество»⁹⁷. К тому же, образы войны наполнены сильными эмоциями, репрезентация даже хронологически удалённых военных событий средствами современных масс-медиа способно вызвать у современных людей «сильное чувство памяти»⁹⁸. В отличие от космополитической памяти, где эмоциональный фон выстроен на чувствах сострадания к жертвам, эмоции в агонистической памяти побуждают людей к политическому участию, поддерживают демократию и социальную солидарность, оживляют, активизируют политику (“to reinvigorate the political”). Кроме того, эмоциональная вовлечённость способствует лучшему принятию логических аргументов и лучшему пониманию точки зрения и социально-исторического контекста действий оппонентов (в том числе и исторических «преступников»).

Этой же цели служит и особая логика повествования о войнах: традиционный диахронный способ повествования, в котором с чей-либо одной позиции разворачивается нарратив, уступает место синхронному, где рассматриваются несколько перспектив сразу в привязке к одной проблеме или к одному историческому моменту, как это было представлено, например, в вышеуказанной выставке в Рурском музее. По мнению К. Поцци, в военных музеях, сообразно такому подходу, следует отдать предпочтение тематическим выставкам вместо хронологических (где неминуемо будет присутствовать нарратив)⁹⁹. Тем самым, общий подход к рассказыванию истории о войнах в рамках агонистического диалога можно охарактеризовать как «контрнарративный».

Обобщая рассмотрение агонистического подхода к памяти о войнах, можно выделить следующие его основные особенности:

1. Радикальный историзм вместо общих моральных суждений, избегание нарративности.

---

⁹⁷ Ibid. P.2–3.

⁹⁸ *Todman D.* The Ninetieth Anniversary of the Battle of the Somme // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 22 – 41.

⁹⁹ *Pozzi C.* Museums as Agonistic Spaces // *European Museums in the 21st Century: Setting the Framework* / edited by L. B. Peressut, F. Lanza, and G. Postiglione, Milan: MeLa Books, vol. I. 2013. pp. 7 – 15.

2. Мультиперспективность.

3. Открытый диалог, демократическая рамка дискуссии и признание легитимности других участников.

Однако Ш. Бергер делает уточнение, что участники агонистического диалога должны, тем не менее, принимать правила игры. В дискуссию не попадают фальсификаторы исторических фактов, сознательно искажающие историческую методологию и ставящие под сомнения общепризнанные факты военных преступлений и геноцидов (сюда попадают, например, отрицатели Холокоста)¹⁰⁰.

4. Эмоциональность, направленная на политическое участие и социальную солидарность.

Несмотря на концептуальную оформленность агонистического подхода и его потенциал для преодоления рисков «войн памяти» (ставших данностью нашего времени), данная концепция, тем не менее, испытывает на себе серьёзное влияние сложившейся космополитической мифологии.

Показателен в этом смысле анализ авторами проекта UNREST Российско-германского музея в Карлсхорсте, который задумывался именно в духе агонистического пространства. Критика российской части экспозиции абсолютно вписывается в «тоталитарную рамку памяти», принятую в космополитизме, согласно которой в статусе абсолютного зла пребывают нацистская Германия и сталинский СССР. На тождестве этих двух режимов делается особый акцент. Отечественные исследователи Русакова О.Ф. и Русаков В.М. эту рамку памяти называют «технологией конструирования «близнецов», посредством которой происходит уравнивание по силе бесчеловечности гитлеровского и сталинского режимов путем подведения их под общий знаменатель нравственно и политически осуждаемого тоталитаризма. При этом осуществляется еще одна операция отождествления: ста-

---

¹⁰⁰ Бергер Ш. «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером // Историческая экспертиза. 2020. № 1(22). С. 15.

лизм рассматривается в качестве родового имени всего советского строя и синонима коммунизма»¹⁰¹.

Кроме того, позиция авторов проекта UNREST, к сожалению, испытывает влияние и актуальной политической повестки. Поэтому в российской части музейной экспозиции, по мнению исследователей, не хватает информации об антикоммунистических движениях в Восточной Европе: здесь очевидно, среди прочих, имеются в виду участники бандитских группировок, действовавших в Прибалтике и на Западной Украине. Удивительно и заявление авторов, что в музее не раскрыта тема «изнасилований, совершённых русскими солдатами над немецкими женщинами после «освобождения»¹⁰² [подчёркнуто «русские», а не советские, слово «освобождение» взято в кавычки – прим. авт.]. В этой связи сложно не согласиться с позицией Ш. Бергера, считающего тоталитарную рамку памяти продолжением «антикоммунистических и в конечном счёте антирусских рефлексов, присущих Западу в XXI веке»¹⁰³.

В этом свете агонистическая память вырисовывается как явление скорее локальное, существующее на данный момент как вкрапления и всполохи на пористой и лоскутной картине «старой» европейской космополитической памяти. Интересно, что и сами теоретики агонизма признают подобное состояние дел, открыто заявляя, что «агонизм легче концептуализировать, чем применять на практике», и он «проявляется скорее в определённых констелляциях объектов, изображений, текстов и пространств, но вряд ли в форме полноценного ландшафта агонистической памяти»¹⁰⁴.

---

¹⁰¹ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. №1. С. 11.

¹⁰² Bull A., Hansen, H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // International Journal of Heritage Studies 2008. P. 7.

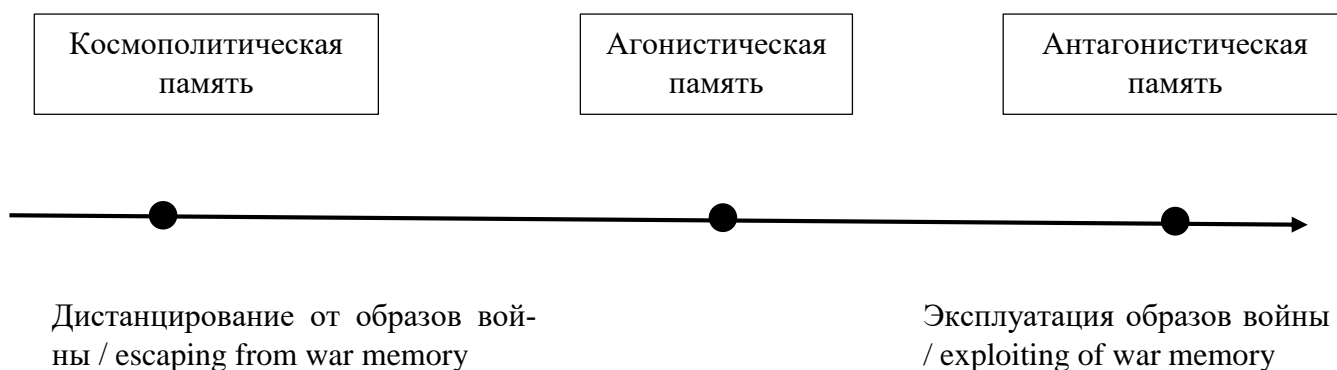
¹⁰³ Бергер Ш. «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером // Историческая экспертиза. 2020. № 1(22). С. 17.

¹⁰⁴ Bull A., Hansen, H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // International Journal of Heritage Studies. 2008. P. 13.

Обобщая всё вышеизложенное, можно систематизировать место образов войны и основные особенности их представлений в трёх рассмотренных моделях политики памяти.

Рис. 1

Космополитическая память стремится максимально дистанцироваться от обращения непосредственно к военным событиям прошлого, чтобы не нарушить относительно хрупкий (атакуемый изнутри и снаружи европейского мемориального сообщества) консенсус вокруг дискурса о правах человека и сострадания к интернациональным жертвам прошлого. Антагонистическая память, напротив, активно эксплуатирует военную тематику и ориентирована на политическую борьбу за доминирование той или иной интерпретации военного прошлого. В агонистической памяти место образов войны занимает промежуточную позицию относительно первых двух моделей политики памяти; здесь события прошлых войн рассматриваются как попытка «высветить разногласия» внутри общества и рассмотреть в историческом контексте точку зрения всех участников войны, т.е. память о войне – удобное пространство для реализации агонистического диалога.

Особенности представления войны в рамках этих трёх моделей политики памяти можно обобщить в представленной ниже таблице.

Таблица 1

	Антагонистическая память	Космополитическая память	Агонистическая память
Нарративность (narration)	+	+	–
Политизация (pol- icy)	+	–	+
Конкуренция, по- литическая борьба (politics)	–	–	+

Нарративность здесь значит диахронное монологическое повествование о войне, игнорирующее или оставляющее в тени иные точки зрения на природу войн и причины конкретного военного конфликта. Как максимум – ставится под сомнение сама легитимность иных точек зрения. В противовес нарративности выступает синхронный метод, радикальный историзм и мультиперспективность.

Политизация значит возможность использования памяти о войнах как политической стратегии (policy) для реализации широкого спектра целей: от (гео)политических (инструмент «мягкой силы», (де)легитимация политических акторов, консолидация идентичности и т.д.) до экономических (коммерциализация памяти, требования репараций и т.д.).

Конкуренция и политическая борьба (politics) значат представление о памяти о войнах как пространстве, где возможен диалог легитимных участников, ни у одного из которых нет монополии на историческую правду. Истина, имеющая, конечно, значительную ценностную и эмоциональную нагруженность, свойственную любому гуманитарному знанию, позиционируется именно как «многоголосье», а не как монополия одного актора.

В заключение хотелось бы отметить, что проанализированные модели политики памяти представляют собой «чистые типы» и в ракурсе эмпирических исследований, пожалуй, стоит говорить именно о превалировании или смещении каких-то из них, чем об однозначном отнесении конкретных военных коммемора-

ций к конкретному способу памятования. В силу их смешения также можно сказать, что указанные в таблице 1 параметры могут быть более точно количественно просчитаны, поскольку, например, нельзя говорить о полном отсутствии политизации или внутренней политической борьбы в рамках космополитизма или о полном отсутствии диалога и конкуренции в рамках антагонистической памяти (хотя бы из-за структурной сложности её основного и наиболее частого субъекта – государства). Однако, безусловно, эмпирические исследования памяти о войнах, особенно касающиеся политики памяти, должны исходить из более широкого контекста того способа памятования, которого придерживаются те или иные заинтересованные в этом социально-политические акторы.

§2. Основные теоретико-методологические подходы к исследованию памяти о войнах¹⁰⁵

Обозначив суть того, что понимается в данной работе под «политикой памяти», выделив основные концепции политики памяти и особенности восприятия военных событий прошлого в рамках каждой из них, возможно обратиться непосредственно к анализу памяти о войнах и предпринять попытку систематизировать существующую теоретическую рефлексию образов войн в коллективной памяти людей в рамках нескольких теоретико-методологических подходов.

Рассмотрение проблематики войны в коллективной памяти и политике памяти началось ещё на этапе «классических» исследований в *memory studies* (П. Нора), а также в рамках оформившегося в 1970-е годы междисциплинарного блока исследований социальной травмы *trauma studies*. Формированию последних и их выходу за пределы узкой академической проблематики способствовало, среди

---

¹⁰⁵ При написании этого параграфа использованы результаты научных работ, выполненных автором и опубликованных ранее: *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические подходы к изучению памяти о войнах в современных *memory studies* // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 3. С. 48-68; *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76). С. 3420-3428.; *Батищев Р.Ю.* Память о войнах и «войны памяти» в современных *memory studies*: основные подходы к изучению и ключевые акторы // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 34-42.

прочего, повышенное внимание общества к «посттравматическому синдрому» американских ветеранов войны во Вьетнаме. Более того, в 1970-е годы в этой связи наметилось некоторое противостояние травмы (траура) и памяти, выстроенное вокруг травматизации и, соответственно, героизации Вьетнамской войны в социально-политическом контексте.

Подчёркивая важное место памяти о войнах в коммеморации прошлого, П. Нора делает акцент на том, что прошлое славное и героическое помнится легче, чем прошлое трагическое. Говоря об исторической памяти как важном факторе нациестроительства, П. Нора пишет, что «с точки зрения складывания нации, политическое и военное ... являются столпами преемственности. <...> История священна, поскольку священна нация. Это посредством нации наша память отстаивает свою священность»¹⁰⁶.

На протяжении всего XX века проблематика социальной травмы (где война выступает частным и частым случаем таковой) активно разрабатывалась в социогуманитарных науках: в рамках психоанализа¹⁰⁷, в исторических исследованиях Холокоста¹⁰⁸. В конце XX века отдельно сформировалась социологическая парадигма исследования культурной травмы¹⁰⁹, общей характерной чертой которой является попытка критики «натуралистического подхода» к культурной травме, т.е. подхода, в рамках которого не проводится существенной разницы между событием-первопричиной травмы и общественным восприятием этого события.

В наиболее близком политике памяти ракурсе проблему культурной травмы рассматривал американский социолог Джеффри Александер, также критикующий основные методологические постулаты *trauma studies*. Дж. Александер выделяет социальные рамки, социальный контекст формирования и переживания культур-

---

¹⁰⁶ Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 23.

¹⁰⁷ Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore. 1996.

¹⁰⁸ Friedlander S. Spring/Summer. «Trauma, Transference and 'Working Through' in Writing the History of the Shoah» // *History and Memory*. 1992. 4(1). pp. 39–59.

¹⁰⁹ Smelser N. J. *Theory of Collective Behavior*. –New York: The Free Press. 1963. – 436 p.; Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford, 1993. ; Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.

ной травмы («травма – это не то, что существует от природы; она создаётся обществом»¹¹⁰), подчёркивает важность «символических механизмов» травматизации прошлого.

Теоретические положения Дж. Александера снабжены обширным эмпирическим материалом, большая часть которого как раз связана с войнами и вооружёнными столкновениями. Война и военные события, по мысли Дж. Александера, становятся не только основными причинами культурных травм, но и катализаторами научных исследований в этой области. В частности, исследователь указывает, что «теория травмы начала входить и в повседневный язык, и в научные обсуждения в ходе попыток понять «военный невроз», которым страдало столько солдат во время Первой мировой войны, а затем расширилась и усложнилась в применении к другим войнам, происходившим на протяжении двадцатого столетия»¹¹¹.

Тесная связь памяти о войне с формированием и развитием исследований коллективной памяти прослеживается и в современной исторической науке. Так, американский историк П. Хаттон считает, «память о войне, как о её мифологической, так и о её реальной стороне, является той матрицей, из которой появились исследования памяти в научной литературе нашего времени»¹¹². К схожим выводам приходит американский военный историк Дж. Уинтер, полагающий, что «одним из источников всеобщего интереса к памяти является всё более насущная потребность признавать и отчитываться о жертвах войн, живых и мёртвых»¹¹³. Именно образы военного прошлого и их репрезентации в политическом дискурсе обусловили, по мнению Дж. Уинтера, «мемориальные бумы», случившиеся на за-

---

¹¹⁰ *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 8.

¹¹¹ *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012, №3. С. 11.

¹¹² *Hutton P.H.* Preface. *Pioneering Scholarship on the Uses of Mythology in the Remembrance of Modern Wars // Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars / Natalia Starostina (ed).* Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 11.

¹¹³ *Winter J.* Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell.* Palgrave Macmillan. 2006. P. 54.

паде за последние 150 лет. Первый «мемориальный бум», хронологические рамки которого историк определяет как 1870 – 1925 годы, исходил во многом из рефлексии опыта франко-прусской войны и политических идей французского реваншизма. А после Первой мировой войны культ памяти павших распространился среди всех западноевропейских стран-участниц войны. Второй «мемориальный бум» пришёлся на 1970-е – 1980-е годы и имел своим главным источником опыт Второй мировой войны. 30-летнее «запоздание» связано с постепенным формированием фигуры очевидца, чьи воспоминания по разным причинам не получили публичного выражения в первые послевоенные десятилетия.

К причинам повышенного внимания к исследованиям памяти и, в частности, переосмысления памяти о войне, британские историки Т. Эшплант, Г. Доусон и М. Роупер также относят обращение к проблематике травмы и жертв войны, в частности, к теме Холокоста. Кроме того, новый этап исследований памяти о войне с 1980-х годов был обусловлен изменениями в политической сфере и в академической науке. Среди политических факторов исследователи выделяют, во-первых, увеличение числа и масштабов юбилейных мероприятий, связанных с памятливыми военными событиями (что, в свою очередь, «популяризировало» образы военного прошлого через СМИ и «культурное производство» памятной символики); во-вторых, к концу 1980-х годов наметился крах социалистической системы, спровоцировавший, среди прочего, новые межэтнические конфликты (например, в СССР и в Югославии), в которых наряду с политическими и военными способами разрешения активизировались попытки обратиться к событиями прошлого для легитимации, к примеру, территориальных претензий¹¹⁴. Тем самым, новые вооружённые столкновения породили и новые «войны памяти». В академической среде тем временем наметился т.н. «культурный поворот» в социогуманитарных науках, что также способствовало росту интереса к проблемам коллективной памяти и коммеморациям значимых исторических событий.

---

¹¹⁴ *Ashplant T.G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics // The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. pp. 3 – 6.*

В рамках данной работы предпринимается попытка провести обзор и на его основе произвести классификацию основных подходов к рассмотрению памяти о войне в современных *memory studies*.

Критерием классификации выступают основные акторы, через репрезентации которых рассматривается память о войне. В некоторых зарубежных работах вместо понятия «акторы» используется понятие «агенты артикуляции»¹¹⁵, в отечественных исследованиях также используется понятие «мнемонические акторы»¹¹⁶, введённое М. Бернхартом и Я. Кубиком для обозначения «политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого»¹¹⁷. Именно на основе выделения некоего центрального актора, артикулирующего те или иные образы военного прошлого, или признания множественности таких акторов и их стратегий артикуляции возможно концептуализировать коллективную память о войне и рассмотреть особенности военных коммемораций, что и позволяет выделить несколько подходов к анализу тематики памяти о войне.

Одной из значимых тем, к которой постоянно обращаются западные исследователи, изучающие память о войнах, является центральная роль национального государства как актора политики памяти. Как известно, образы военного прошлого активно используются государством в процессах нациестроительства и для поддержания национальной идентичности.

Истоки формирования такого взгляда на память о войнах можно проследить ещё с конца XIX века: французский философ Э. Ренан впервые заговорил о национальной памяти как о фундаменте нации¹¹⁸, к тому же, позиция Э. Ренана вписывалась в исторический контекст – поражение Франции во франко-прусской войне и последовавший за этим первый «мемориальный бум». Развёрнутое теоретиче-

---

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 6 – 22.

¹¹⁷ Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 7.

¹¹⁸ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под ред. В.Н. Михайловского. 1902. Т.6. Киев. С. 87 – 101.

ское обоснование данной позиции представлено в работах Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции» (1983) и Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983).

Фундаментальной работой, рассматривающей этот вопрос с позиции государственной политики памяти, выступает книга американского историка Джорджа Лачманна Мосса «Павшие солдаты: новый взгляд на воспоминания о мировых войнах» (“Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars”) (1990). В этой книге Мосс прослеживает формирование и развитие т.н. «мифа о военном опыте» (“Myth of the War experience”), положенного в основу идеологии национализма в западноевропейских государствах. В «мифе о военном опыте» война «рассматривается как имеющее смысл и даже священное событие»¹¹⁹. Истоки формирования «мифа о военном опыте» Мосс прослеживает со времён войн революционной Франции, а также освободительной борьбы немцев против Наполеона. Эти войны примечательны тем, что в них принимали активное участие добровольцы – воплощение воинской доблести и цвет нации. Мосс акцентирует внимание, что «изучить истоки мифа о военном опыте значит понять роль добровольцев, которые в значительной степени этот миф и породили»¹²⁰. Формирование мифа о военном опыте, по мнению историка, являлось насущной потребностью государств перед лицом всё возрастающих человеческих потерь в войнах.

Дж. Мосс отмечает, что мировые войны XX века стали первым опытом для человечества, когда люди встретили лицом к лицу столь массовую гибель людей: Мосс приводит подсчёты, согласно которым Первая мировая война унесла больше жизней (13 млн. человек), чем все войны в Европе с 1790 по 1914 годы. Последствия именно этой войны (часто упоминаемой в западной литературе как «the Great War») значительно изменили «миф о военном опыте» и оформили новую стадию национализма.

---

¹¹⁹ *Moss G.L.* Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990. P. 7.

¹²⁰ *Ibid.* P. 32

Первая мировая война, в особенности, многолетняя позиционная война на Западном фронте, серьёзно изменили восприятие войны не только у её непосредственных участников, но и у будущих поколений (прежде всего, через художественные произведения). И если до Первой мировой войны павших героев сражений безусловно прославляли, то после 1918 года государства предприняли попытки замаскировать и преодолеть память о понесённых огромных потерях. Именно на *interbellum* приходится расцвет «мифа о военном опыте». Как отмечает Мосс, «Первая мировая война дала мифу о военном опыте его полное выражение и возможность прямого перехода в памяти людей от ужасов войны к её значимости и славным моментам»¹²¹.

Трансляция этого мифа осуществлялась посредством возведения воинских мемориалов, кладбищ, памятников. Сакрализация павших солдат носила характер некоего культа или даже новой гражданской религии. «Воинские захоронения и военные коммеморации создавались подобно храму нации... Это были именно те места, где миф о военном опыте, в противовес реалиям войны, находил своё законченное выражение»¹²².

Специалист по истории нацистской Германии, Джордж Мосс уделяет много внимания трансляции этого мифа в Третьем рейхе, где он достиг своего апогея, подпитывая агрессивную германскую политику.

После Второй мировой войны наблюдается повсеместный закат «мифа о военном опыте». Происходит постепенная десакрализация павших солдат, из героев войны они становятся жертвами войнами, общий акцент памяти о войне переносится с фигуры героя на фигуру жертвы. На примере монументальных военных коммемораций Мосс прослеживает эту тенденцию. Меняются сами формы военных коммемораций (“reshaping”, что также отсылает к названию книги): от культовой, «литургической» функции (“liturgical function”) монументы меняют форму в пользу утилитарности (“utilitarian function”): парки, сады, библиотеки и т.д.¹²³

---

¹²¹ Ibid. P. 50.

¹²² Ibid. P. 32 – 33.

¹²³ Ibid. P. 220.

Данная тенденция является устойчивой и прослеживается и на примере других, более поздних войн. Например, Мемориал ветеранов войны во Вьетнаме в Вашингтоне лишён всякого патриотического лоска и полностью посвящён жертвами войны¹²⁴.

Использование памяти о войне как фундамента для нациестроительства отмечается и в ряде более поздних работ, посвящённых военным коммеморациям. К примеру, М. Керен отмечает, что воинские добродетели (героизм, самопожертвование, храбрость, товарищество, преданность высшим идеям) «традиционно считались строительными блоками национального государства, которое поэтому поощряло отдельные группы ветеранов превращать свой военный опыт в «социальную память»¹²⁵. Однако народная вера в сакральность принесённых жертв и в то, что огромные человеческие потери «имели смысл» (“meaningful”), была подорвана широкой дискуссией вокруг трагедии Холокоста¹²⁶.

Принимая во внимание активное использование государством образов военного прошлого и выстраивание им политики памяти о войнах, исследователи в ряде зарубежных работ уделили большое внимание проблеме взаимосвязи памяти и политики. А точнее – взаимовлиянию, политики на память и памяти на политику. И если политика памяти совершенно очевидно предполагает политическое использование прошлого (или является его частью), селекцию фактов и выгодные интерпретации, то гораздо менее очевидно обратное влияние: памяти о войне на функционирование политических институтов и принятие политических решений. Тем не менее, такое влияние также рассматривается исследователями.

Наименование войны и само использование слова «война» в названии вооружённого конфликта также зачастую является аспектом государственной политики памяти. «Там, где оно [государство – прим. авт.] готово использовать тер-

---

¹²⁴ Ibid. P. 224.

¹²⁵ Keren M. Introduction // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. P. 1.

¹²⁶ Winter J. Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. pp. 54 – 74.

мин «война», как правило, подразумевается признание государством политических аспектов конфликта, действительно являющегося «продолжением государственной политики другими средствами», а не, скажем, гуманитарной операцией или внутренней проблемой «закона и порядка» И, наоборот, отказ от признания конфликта «войной» означает отрицание законности – или даже самого существования – конкурирующих политических сил»¹²⁷. Отказ государства признавать те или иные боевые действия «войной» оказывает влияние и на военные коммеморации: к примеру, в современной России наблюдается отсутствие преемственности между коммеморациями Великой Отечественной войны и последующих вооружённых конфликтов с участием советских/российских войск¹²⁸.

Переформатирование и выстраивание новых нарративов о войне со стороны государства необходимо рассматривать в их связи с решением актуальных политических задач. Механизмы политики памяти о прошедших войнах часто используются политическими элитами в их попытках вернуть свои утраченные довоенные позиции в политике и экономике¹²⁹. Наиболее примечательным примером здесь выступает политики памяти режима Ш. де Голля по отношению к событиям Второй Мировой войны. Историк из Сорбоннского университета О. Курто, рассматривая голлистскую трактовку освобождения Франции от нацистов, указывает на явное смещение акцентов с высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 года на Парижское восстание августа 1944 года, в чём подчёркивается стремление подчеркнуть самостоятельность борьбы французов против оккупантов и роль французского Сопротивления. Политика памяти Франции при де Голле ставила, по мнению О. Курто, две основные задачи: во-первых, преодолеть неприятную память о французских коллаборационистах и их участии в военных преступлениях (т.н. «синдром Виши»), во-вторых, восстановить довоенные позиции Франции

---

¹²⁷ *Ashplant T.G., Dawson G., Roper M.* Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics // *The politics of war memory and commemoration* / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. P. 55.

¹²⁸ *Danilova Nataliya.* The politics of war commemoration in the UK and Russia / University of Aberdeen, UK, 2015. P. 144 – 145, 174.

¹²⁹ *Starostina N.* Introduction // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 31.

среди великих держав «большой тройки», показав силу, единство и самостоятельность французской нации¹³⁰. Однако попытки снятия этической дилеммы по вопросу французского коллаборационизма привели к умалчиванию неудобных фактов, в итоге тема Холокоста и голоса жертв войны были услышаны во Франции только после падения режима Ш. де Голля¹³¹. Попытки умалчивания фактов коллаборационизма и акцент на роли антифашистского сопротивления характерны и для политики памяти ряда других государств, находившихся в орбите влияния нацистской Германии, например, в Италии¹³².

Политическое использование образов прошедших войн может быть направлено не только на активную работу с прошлым, но и на актуальные задачи поддержания нынешнего политического курса, в частности, легитимизации современных вооружённых конфликтов¹³³. Сравнивая политику военных коммемораций в Великобритании и в России, социолог Н.Ю. Данилова выявила общие тенденции в военных коммеморациях, проявляющиеся в медийном дискурсе, в военных мемориалах и в памятных церемониях. Эти тенденции заключаются в деполитизации и деконтекстуализации памяти о войне, сконцентрированной вокруг образов павших солдат. Деконтекстуализация памяти о войне «ведёт к отделению причин войны от её участников, а также поощряет отказ от публичного обсуждения дилемм современных конфликтов»¹³⁴. В Великобритании военные мемориалы и памятные церемонии выстраивают определённую преемственность между погибшими воинами всех поколений, чувствуя их всех постольку, поскольку они принадлежали к вооружённым силам, а в центре британской модели памяти о

---

¹³⁰ Courteaux O. General de Gaulle and the Second World War: Constructing a French Narrative // Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 3 – 23.

¹³¹ Winter J. Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. pp. 61 – 62.

¹³² Ashplant T.G. War commemoration in Western Europe: changing meanings, divisive loyalties, unheard voices // The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. pp. 267 – 268.

¹³³ Danilova, Nataliya. The politics of war commemoration in the UK and Russia / University of Aberdeen, UK, 2015. 272 p. (Palgrave Macmillan memory studies)

¹³⁴ Ibid. P. 52.

войне помещается именно понятие «военной службы». В России к военным коммеморациям современных вооружённых конфликтов (война в Афганистане и чеченские кампании) проявляется бóльшая избирательность, тем не менее, они «способствуют воспроизводству национального мифа о военной памяти. Этот миф состоит из героической военизированной мужественности, патриотизма, долга и православного дискурса»¹³⁵. Признавая связь памяти о войне с милитаризмом и национализмом, Н.Ю. Данилова предлагает формулу «память без политики» (“remembrance without politics”), при которой память будет подразумевать ответственность за нынешние конфликты, а не форму ухода и прикрытия от неё.

Государственная политика памяти о войнах может быть направлена не только на решение внутренних проблем и консолидацию общества, но и выходить на международный уровень и служить определённым внешнеполитическим механизмом «мягкой силы». Так, американские военные коммеморации в Европе можно рассматривать как инструмент трансатлантической дипломатии и поддержания евроатлантической солидарности¹³⁶.

Более того, общая память о тех или иных военных событиях прошлого может сама оказывать влияние на внешнюю политику государств. Так, британский исследователь Дункан Белл полагает, что «можно связать память, особенно о Второй мировой войне, с общей институциональной структурой и нормами международной политики»¹³⁷. По мнению Д. Белла, большая часть западного политического дискурса времён «холодной войны» связана с памятью о борьбе с тоталитаризмом. Решения о начале боевых действий против коммунистических сил по всему миру часто сопровождались призывами не совершать ошибок прошлого и не умиротворять агрессора (как это было в конце 1930-х годов с немецким тоталитаризмом). Подобное влияние американский политолог Ли Марч прослеживает

---

¹³⁵ Ibid. P. 174.

¹³⁶ Edwards S. *Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration*, с. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p.

¹³⁷ Bell D. Introduction: Memory, Trauma and World Politics // *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present* / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. P. 15.

при принятии решений о начале войны президентами США Г. Трумэном и Л. Джонсоном. Для Г. Трумэна исторически более близкой была память о начале Второй мировой войны и Мюнхенском сговоре 1938 года в попытках умиротворить агрессора, поэтому он без особых колебаний принял решение о начале военной операции против КНДР (в которой он видел нового агрессора). Для Л. Джонсона события начала Второй мировой войны уже стали историей, и решение об отправке американских войск во Вьетнам далось ему намного сложнее¹³⁸.

Несмотря на то, что в этих примерах делается акцент именно на влиянии памяти на политику, можно отметить и наличие обратного влияния. Как отмечалось выше, память о прошедших войнах, тем более о таком масштабном событии, как Вторая мировая война (и о роковых дипломатических ошибках, приведших к ней), является эффективным инструментом государства для легитимации своих новых военных мероприятий. Представление агрессором своих геополитических противников (КНДР и Северного Вьетнама под эгидой СССР) и проведение параллелей с недавним прошлым выглядит весьма эффективной идеологической манипуляцией.

Тем не менее, память о войне и военная мифология способны оказывать влияние на принятие политических решений, связанных с участием в войнах. Американский историк Р. Пис прослеживает влияние исторического нарратива, разделяемого администрацией Р. Рейгана, на внешнюю политику США в латиноамериканском регионе, в частности – на оказание военной поддержки никарагуанским «контрас» в их борьбе против социалистического правительства Никарагуа в 1980-е годы. Р. Пис подчёркивает, что именно «националистический» исторический нарратив, делающий ставку на силовые решения и в целом одобряющий и принимающий войну как средство достижения политических целей, сподвиг

---

¹³⁸ *March L. Going to War in Korea and Vietnam: The Decisions of Harry Truman and Lyndon Johnson // Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 53 – 63.*

администрацию Р. Рейгана на косвенное участие в гражданской войне в Никарагуа¹³⁹.

Тем самым, центральное место среди акторов памяти о войне занимает государство. Именно государство обладает необходимыми ресурсами для сооружения грандиозных воинских мемориалов, содержания музеев, библиотек, архивов, поддержания доминирующего нарратива с помощью «официальной истории». Тем не менее, учитывая сложность и разнородность современного общества, а также наличие широких возможностей для медийной трансляции различных образов прошлого, исследователи проблемы уделяют внимание негосударственным акторам, чьи артикуляции порой оказывают значительное влияние на образы войны в массовом историческом сознании.

Представляя свои образы военного прошлого, различные социальные акторы при этом могут преследовать самые различные интересы, выходящие за рамки собственно коммеморации или политико-идеологических аспектов. Речь идёт, прежде всего, об экономических интересах. Коммерциализация памяти о войне считается на западе устойчивым трендом и рассматривается некоторыми исследователями. Так, австралийский исследователь из университета Монаша Б. Скейтс изучил формирование отрасли «военного туризма» на территории Галлиполийского полуострова, где в 1915 году была предпринята попытка высадки войск Антанты для захвата Константинополя. Места боёв в ходе Дарданелльской операции стали популярным маршрутом среди австралийских туристов – потомков солдат, сражавшихся в рядах Австралийского и новозеландского армейского корпуса¹⁴⁰. Американские военные коммеморации в Западной Европе, посвящённые Второй мировой войне, также постепенно, помимо реализации политической функции,

---

¹³⁹ *Peace R.* Contested Narratives in the United States over the Contra War (Nicaragua, 1980s) // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 63 – 85.

¹⁴⁰ *Scates B.C.* Manufacturing Memory at Gallipoli // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 57 – 76.

стали коммерциализироваться, что С. Эдвардс прослеживает на примере, прежде всего, мемориальных комплексов в Нормандии¹⁴¹.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно выделить несколько основных подходов к рассмотрению памяти о войне, выделяемых на основе приоритетного значения того или иного актора (или признания множественности акторов).

Раньше других сформировался *государствоцентричный / национально-государственный подход* (именуемый на западе также “state-centred approach”¹⁴²), в котором память о войне представляется как центральный образ формируемого видения прошлого, необходимого для поддержания национальной идентичности. В рамках этого подхода приоритет в артикуляции памяти фактически монопольно отдаётся национальному государству. Особое внимание уделяется политике памяти, понимаемой как особого рода «социальная инженерия «сверху», позиционирующая не ту историю, которая осталась в массовом историческом сознании, а ту, что была «отобрана, написана, проиллюстрирована, популяризирована и институционализирована теми, чья функция в этом и заключается»¹⁴³. Данный подход ведёт своё начало от теоретика национальной памяти Э. Ренана, а наиболее ярко представлен в работах Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции» и Б. Андерсона «Воображаемые сообщества». Память о войне как фундамент государственной политики памяти и национальной идентичности исследована в рассмотренной выше работе Дж. Мосса «Павшие солдаты».

Теоретическое оппонирование этой позиции представляет подход, который обращает внимание на *народную память* (“popular-memory approach”). Подобного подхода придерживается исследовательская группа по изучению народной памяти

---

¹⁴¹ *Edwards S.* Commemoration and Consumption in Normandy, 1945—1994 // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 76 – 92.; *Edwards S.* Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p.

¹⁴² *Ashplant T.G., Dawson G., Roper M.* Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics // *The politics of war memory and commemoration* / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. P. 7.

¹⁴³ *Hobsbawn E.* Introduction: inventing traditions // *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawn and T. Ranger (eds) London, 1983. pp. 13.

Бирмингемского университета¹⁴⁴ и австралийский исследователь А. Томпсон¹⁴⁵. В противовес государствоцентризму и конструктивизму этот подход постулирует существование некоей естественной, или народной, памяти. В основе этого подхода лежит грамшистское учение о культурной гегемонии. Применительно к памяти присутствует разделение частной памяти (образующей по совокупности естественную, или народную, память) и публичных представлений. Публичные представления обеспечиваются механизмами политики памяти, в рамках которой происходит селекция и подавление частных воспоминаний. Частная память, в свою очередь, сопротивляется политике памяти.

Однако некоторым исследователям эта дихотомия представляется по большей части ложной. «Политика памяти о войне и военные коммеморации всегда связаны с трауром и с попытками компенсировать психологический и физический ущерб, нанесённый войной; и везде, где люди берутся за работу над трауром и возмещением ущерба, всегда будет работать политика»¹⁴⁶. Недостатки этих подходов привели к необходимости изучения памяти о войне в связи с «более широкими культурными формами и контекстами памяти»¹⁴⁷.

На преодоление противоречий этих двух подходов и на рассмотрение множественности акторов памяти о войне направлен *социально-акторный подход* (англ. “social-agency approach”). Ключевым моментом здесь выступает признание множественности субъектов, представляющих свои репрезентации военного прошлого, а главное – постоянное присутствие борьбы за память.

Для обозначения пространства, на котором разворачиваются конфликтующие репрезентации памяти о войне, вводится термин «площадки артикуляции памяти» (“arenas of articulation”). Такими площадками могут выступать семейные и

---

¹⁴⁴ Popular Memory Group Popular memory: theory, politics, method // Making Histories: Studies in History-Writing and Politic. London, 1982. pp. 205–252.

¹⁴⁵ Thompson A. Anzac Memories: Living with the Legend. Monash University Publishing. Melbourne, 1994. 424 p.

¹⁴⁶ Ashplant T.G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics // The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. P. 9.

¹⁴⁷ Ibid.

родственные группы, географические сообщества, сообщества по интересам. В публичной сфере такими площадками могут быть национальные государства и транснациональные политические блоки¹⁴⁸. Некоторые группы внутри государства, которым отказано в своих артикуляциях памяти, могут выходить на международный уровень. На площадках представлены «агенты артикуляции памяти» (“agencies of articulation”), они же «мнемонические акторы». Агенты артикуляции памяти могут существовать как независимо от войны (государство, этнические и религиозные группы, политические партии), так и быть порождёнными самой войной (ветераны, инвалиды войны, семьи погибших, перемещённые лица). Акторы также отличаются по обладанию политическими и информационными ресурсами (из-за чего происходит формирование доминирующего национального нарратива и оспаривающих его групп). Различные акторы прибегают к ресурсам государства, гражданского общества или неформальных групп.

Государственные и негосударственные акторы создают определённые рамки памяти о войне, «обрамляют» (“framing”) частные воспоминания, выраженные отдельными людьми, помещая их в формы, которые соответствуют их политико-идеологическим или иным интересам. Тем самым, последующие акты «вспоминания» той или иной войны в рамках большой или малой социальной группы будут уже предзаданы определёнными формами, значениями и смыслами. Рассмотрение «фреймов» коллективной памяти отсылает к фундаментальным работам Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, где обосновывалась социальная обусловленность индивидуальной памяти. Тем не менее, и сами «фреймы» представляют собой гибкие конструкции. К примеру, «по мере того, как государство разрешает внутренний конфликт, или когда оно вступает в новые военные действия, значение предыдущих войн также может изменяться ретроспективно, в соответствии с политическими требованиями настоящего»¹⁴⁹. Формирование и трансформация раз-

---

¹⁴⁸ Ibid. P. 17.

¹⁴⁹ Ashplant T.G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics. // The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. P. 53.

личными акторами своих «фреймов» обуславливает определённую динамику коллективной памяти о войне.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать выводы, что темы памяти о войнах и военных коммемораций широко представлены в современных исследованиях коллективной памяти. Несмотря на доминирующую роль государства в репрезентациях военного прошлого, память о войне, как внутри, так и за пределами конкретного государства, представляет собой неоднородное пространство соперничающих нарративов. Со второй половины XX века официальные государственные исторические нарративы, наполненные военной тематикой и служившие в прежние годы основой гражданского национализма, активно оспариваются со стороны транснациональных акторов, формальных и неформальных групп.

Рассмотрение темы памяти о войне и военных коммемораций в западной и российской литературе происходит преимущественно в рамках трёх подходов. Государствоцентристский подход рассматривает память о войне как основу для формирования национальной идентичности и гражданского национализма, трансляция мифов о войне и определённых образов военного прошлого происходит при доминирующем положении государства, по его инициативе и для реализации его потребностей. В противовес этому подходу рассматривается память о войне с точки зрения естественной, или народной, памяти, которая основана преимущественно на народном трауре и скорби и противостоит государственной политике памяти в условиях её культурной гегемонии.

Социально-акторный подход постулирует множественность мнемонических акторов, обладающих своими ресурсами, способами и формами трансляции образов прошедших войн. В рамках социально-акторного подхода на различных площадках артикуляции происходит постоянная борьба за память. Различные социальные акторы способны создавать свои «фреймы» памяти и «обрамлять» индивидуальные воспоминания. Разница в этих «фреймах» создаёт динамику коллек-

тивной памяти о войнах и оформляет борьбу различных акторов за доминирование своих военно-исторических нарративов.

В связи с этим важно отметить, что построение сколько-нибудь релевантной модели изучения памяти о войнах, как видится, должно быть связано с анализом деятельности большого числа социальных акторов, присутствующих в пространстве коллективной памяти и влияющих на массовое историческое сознание. Причём очевидно, что множество этих акторов будет использовать и различные стратегии репрезентации образов войн прошлого, обусловленные функциями этих акторов в политической системе и шире – в социально-политических отношениях. Тем самым, в рамках данного исследования важно отойти от жёсткой дихотомии «государство» - «общество» / «политика памяти» - «народная память» / «память» - «траур» и т.д. и исходить из принципиальной множественности акторов и структурной сложности как государства, так и гражданского общества. Поэтому теоретико-методологической основой для дальнейшего рассмотрения памяти о войнах в рамках данной работы будет выступать именно социально-акторный подход.

Глава 2. Образы войны в политике памяти: основные акторы, функции и стратегии репрезентации

§1. Основные акторы политики памяти о войнах¹⁵⁰

Анализ многоакторности политики памяти и рассмотрение места и роли образов военного прошлого в их исторических репрезентациях должны предваряться рассмотрением основных акторов, которые претендуют на свою политику памяти по отношению к военным событиям прошлого. Отметим, что наряду с понятием «актор» могут использоваться синонимически близкие понятия, как, например, «агенты артикуляции»¹⁵¹ или «субъекты исторической памяти»¹⁵², «субъекты мемориальной деятельности»¹⁵³. Выбор термина «актор» обусловлен большим распространением в академической литературе и акцентуацией вокруг собственно политических действий и политики памяти.

Уходя от крайностей пространного описательного подхода и политологического анализа институтов, процессов и технологий (что не является темой данного исследования), необходимо обратиться к истории формирования в современной России политики памяти и выявить те методологические особенности политики памяти различных акторов, которые дают основания для построения теоретико-методологической модели изучения войны как специфического предмета политики памяти.

В рамках данного исследования структуру основных акторов политики памяти применительно к заявленной теме возможно рассмотреть на примере совре-

---

¹⁵⁰ При написании этого параграфа использовались результаты научной работы, выполненной автором и опубликованной ранее: *Батищев Р.Ю.* Образы военного прошлого в политике памяти регионов Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 4 (85). С. 1215 – 1222.

¹⁵¹ *Ashplant T.G., Dawson G., Roper M.* Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics.

¹⁵² *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59-96.

¹⁵³ *Данилова Н.Ю.* Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 241-261.

менной России, поскольку, во-первых, образы войны в репрезентациях российских мнемонических акторов занимают центральное место (как это будет показано далее), во-вторых, сама политика памяти в последние годы является одним из приоритетных направлений деятельности как государства, так и негосударственных акторов.

Классификацию российских акторов политики памяти возможно представить с выделением двух различных критериев.

Первый критерий разделения – по линии государственные/негосударственные акторы. Несмотря на особенности российской политической системы, при которых часть формально негосударственных акторов тесно аффилированы с государством (религиозные организации, представляющие традиционные конфессии, некоторые политические партии, часть СМИ и т.д.), принадлежность того или иного актора к государственным или негосударственным важна при рассмотрении данной темы, поскольку, с одной стороны, государство обладает самыми мощными механизмами коммемораций и создания инфраструктуры памяти (музеи, выставки, библиотеки, архивы, научные организации, система образования, мемориальное законодательство и т.д.), с другой стороны, при всём многообразии акторов именно государство в лице какого-то из них формирует официальную позицию, представляет взгляд всего общества на то или иное историческое событие, эта государственная позиция транслируется внутри и за пределами страны как официальная.

Второй критерий разделения – отношение акторов к войне и военным событиям. С одной стороны, существуют государственные и негосударственные акторы, которые к теме войны обращаются спорадически, с ростом актуальности, с приближением годовщины того или иного памятного события, с необходимостью отвечать на выпады оппонентов и т.д. С другой стороны, существует ряд акторов, для которых тема войны или военной истории является основной, а также акторы, порождённые самой войной, – ветеранские организации, комитеты солдатских матерей и т.д.

Структуру российских акторов политики памяти (применительно к памяти о войнах) можно отразить с помощью представленной таблицы.

Таблица 2

	Государственные акторы	Негосударственные акторы
Военная тематика не является основной	Президент РФ, Федеральные органы исполнительной власти, Федеральное Собрание РФ, администрации и органы исполнительной власти субъектов РФ	Политические партии, религиозные организации, средства массовой информации, блогеры
Военная тематика является основной	Вооружённые силы РФ, Российское военно-историческое общество ¹⁵⁴	Ветеранские организации, комитеты солдатских матерей, НКО, занятые в сфере поддержки /реабилитации ветеранов и жертв войн

Характеризуя государственную политику памяти в Российской Федерации, необходимо отметить, что такой важнейший и центральный актор, как государство, представляет собой структурно очень сложное образование. В условиях отсутствия во все постсоветские десятилетия чётких политико-идеологических ориентиров федерального центра линии этого структурного «раздела» (в том числе и по вопросам политики памяти) можно провести как «по вертикали» (различные элитарные группировки, различные органы власти и аффилированные с ними негосударственные акторы), так и «по горизонтали» (федеральный центр – регионы,

¹⁵⁴ Российское военно-историческое общество формально является общественно-государственной организацией, однако оно возникло в 2012 году по указу Президента РФ и отражает официальную позицию государства, что позволяет отнести данного актора к государственным.

причём последние в ряде случаев высказывают более внятную позицию по вопросам исторической памяти, идущую иногда вразрез с позицией федерального центра). Для понимания в дальнейшем того, какие функции и какие стратегии репрезентации образов военного прошлого реализовываются в условиях структурной сложности акторов и общей многоакторности мемориального пространства, необходимо обратиться к краткому историческому обзору официальной позиции российского государства по вопросам политики памяти, а также указать основные концептуальные основания политики памяти регионов России.

В 1990-е годы Российская Федерация, в отличие от большинства других постсоциалистических государств, не пошла на радикальный пересмотр своего недавнего (советского) прошлого (люстрации, декоммунизация и прочее), однако многие спорные события советского периода (революция, политические репрессии, коллаборационизм во время Великой Отечественной войны) подверглись переосмыслению и переоценке, в том числе, в публичном дискурсе. Перестроечные годы и первое послесоветское десятилетие также можно считать «архивной революцией», когда впервые представители академической науки и широкой общественности получили доступ к ранее недоступным данным, к примеру, о деятельности советских органов госбезопасности и уголовно-исправительной системы. Тогда же были получены данные о масштабе и численности жертв политических репрессий в СССР. Подобные исследования, наряду с огромным количеством вышедших в конце 1980-х – 1990-х годов документальных и художественных фильмов, журналистских расследований и т.д., посвящённых схожей тематике, делали трагические страницы советской истории эффективным ресурсом в противостоянии коммунистическим силам со стороны как новых властей, так и либеральной общественности.

Тем не менее, тема военных коммемораций на протяжении первого постсоветского десятилетия оставалась по вниманию государства, очевидно, как одна из немногих консолидирующих идей. В 1993 году был принят Федеральный закон РФ от 14.01.1993 г. №4292-1 «Об увековечивании памяти погибших при защите

Отечества». В 50-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне был принят Федеральный закон РФ от 19.05.1995 г. №80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». А в феврале 1995 года был принят Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России». 50-летняя годовщина победы в Великой Отечественной войне ознаменовала собой и возвращение военных парадов на Красной площади как основного государственного мероприятия по празднованию Дня Победы. Также в 1990-е годы было завершено строительство мемориального комплекса на Поклонной горе.

Однако можно констатировать, что к концу 1990-х годов интерес общества к историческим дебатам значительно снизился под влиянием острых социально-экономических проблем.

2003 – 2008 годы можно рассматривать как новый этап развития политики памяти в России, на котором государство активно включается в исторические баталии. А.И. Миллер называет период с 2003 по 2006 год «скрытой фазой разработки российской версии исторической политики»¹⁵⁵. Активизация государства в этом направлении обусловлена, во-первых, общей направленностью государственной политики на создание «вертикали власти», на интеграцию и примирение всех общественных сил. Во-вторых, первая половина 2000-х годов – это время окончательного формирования исторической политики в странах бывшего СССР и в странах Восточной Европы, агрессивной по отношению к России. Активизации антироссийской риторики способствовали и «оранжевые революции» в ряде стран постсоветского пространства (Украина, Грузия, Киргизия).

В 2003 году впервые Президент России озвучил мысль о необходимости создания в России аналога института национальной памяти. По словам В.В. Путина, «сосредоточенность на негативе», оправданную при ломке прежней системы, следует заменить созидательным пафосом и воспитанием гордости за собственную

---

¹⁵⁵ Миллер А.И. Лабиринты исторической политики. Прошлое России и попытка самоидентификации. // Россия в глобальной политике, Том 9, №3, май – июнь 2011. М.: Фонд исследований мировой политики. С. 52.

историю, «необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслоились»¹⁵⁶.

В 2004 году был предпринят ещё один важный символический шаг – 4 ноября стал государственным праздником «День народного единства». В этом шаге явно прослеживается стремление государства перенести фокус празднования со спорных событий 1917 года на более удалённые в истории и менее «животрепещущие» события 1612 года, связанные с консолидацией всех общественных сил для борьбы с иноземными оккупантами.

Идея создания в России подобия института национальной памяти нашла своё частичное отражение в созданном в 2008 году Фонде содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», руководителем которого стал историк А.Р. Дюков. Согласно официальному сайту организации, «целью деятельности Фонда является содействие объективным научным исследованиям актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века»¹⁵⁷. Деятельность сотрудников Фонда в основном сконцентрирована вокруг изучения вопросов, касающихся нацистского террора на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны, преступлений и диверсионно-террористических акций коллаборационистских националистических организаций в Прибалтике и Западной Украине во время и после войны, попыток оправдания нацизма и исторических спекуляций на этой теме в рамках современной исторической политики ряда государств.

2009 – 2011 годы характеризует постепенный переход от апогея политики памяти к разрядке и попыткам примирения с оппонентами в битвах за историю.

2009 год – важная веха в истории создания и реализации в России собственной политики памяти. Именно в этом году, 15 мая, Президент России Д.А. Медведев подписал указ о создании в России при Президенте РФ Комиссии по противо-

---

¹⁵⁶ Цит. по: *Миллер А.И.* Лабиринты исторической политики. Прошлое России и попытка самоидентификации. // Россия в глобальной политике, Том 9, №3, май – июнь 2011. М.: Фонд исследований мировой политики. С. 52.

¹⁵⁷ О Фонде // сайт Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» URL: <http://historyfoundation.ru/about/> (дата обращения: 13.04.2019)

действию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В функции комиссии входили мониторинг за попытками дискредитации роли России во Второй мировой войне, а также подготовка рекомендаций для Правительства РФ по принятию конкретных решений. В состав комиссии вошли представители органов исполнительной власти, представители экспертно-академического сообщества, общественных организаций, журналисты. Формат деятельности подобной комиссии был технологически более выигрышным, чем формат институтов национальной памяти: комиссия выступала лишь координатором множества независимых государственных и общественных организаций, могла гибко реагировать на ситуативные вызовы и раздавать рекомендации для каждого конкретного случая.

Однако уже в 2010 году наблюдается определённое смягчение в высказываниях официальных лиц относительно событий прошлого, в том числе при общении с оппонентами России по спорным историческим вопросам. Выступая на памятном мероприятии, посвящённом 70-летию расстрела польских офицеров под Катынью, тогдашний премьер-министр России В.В. Путин возложил вину за это преступление на советские войска и органы госбезопасности, при этом не акцентируя особое внимание на причинах и последствиях этого события. 2010-й год ознаменовался и снижением остроты исторических споров между Россией и Украиной, правительство В.Ф. Януковича пошло на частичную отмену наиболее одиозных для России мероприятий собственной исторической политики.

Следующий этап развития российской политики памяти начался с 2012 года. И по своей сущности этот новый, современный этап отличается от предыдущего явным перевесом условно «патриотической» составляющей над условно «либеральной». Произошло это как под влиянием внешнеполитического фактора (нарастание геополитической напряжённости, вооружённый конфликт на Юго-Востоке Украины, последовавшая за этим эскалация противостояния с западом), так и в ответ на усиление протестной активности в самой России в 2011 – 2012 гг.

В начале 2013 года Президент России В.В. Путин по время «Прямой линии» озвучил идею создания единого учебника по истории. По мнению Президента, учебники по истории должны быть рассчитаны на разные возрасты, но «построены в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех её этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого»¹⁵⁸.

Резкое обострение внешнеполитической обстановки и новая активизация идеологических атак против России (в авангарде чего вновь выступает националистический истеблишмент Польши и Украины с их законами о «декоммунизации» и прочими недружелюбными актами) поднимает актуальность разговоров 15-летней давности о необходимости создания в России аналога института национальной памяти. В апреле 2018 года на общественно-экспертном семинаре в Калининграде была озвучена идея создания в России «Института исторической памяти». Предполагается, что «работа нового института должна быть направлена на информационно-аналитическое сопровождение государственной политики России и противодействие угрозам национальной безопасности в историко-культурной среде, прежде всего из-за искажения правды о событиях, связанных с историей СССР и России»¹⁵⁹.

2020-й год можно считать началом нового, продолжающегося по настоящее время, этапа развития политики памяти в Российской Федерации. Точка отсчёта нового периода связана с двумя важнейшими событиями, позволяющими говорить о становлении политики памяти в России как одного из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти.

Во-первых, речь идёт о серии статей Владимира Путина, посвящённых проблемам исторической памяти и выражению официальной позиции России по дан-

---

¹⁵⁸ Цит. по: Президент: Учебники истории должны иметь единую концепцию [Электронный ресурс] // Российская газета, 25.04.2013 URL: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> (дата обращения: 15.04.2019)

¹⁵⁹ Институт исторической памяти может быть создан в России [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik, 28.04.2018 URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20180428/10412169/Institut-istoricheskaja-pamjatj-Russia.html (дата обращения: 15.04.2019)

ным вопросам: «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»¹⁶⁰, опубликованная в американском журнале *The National Interest*, и статья «Об историческом единстве русских и украинцев»¹⁶¹. Вновь можно констатировать, что данные действия главы государства выступали как ответная мера. Обращение к западной аудитории по спорным вопросам истории Второй мировой войны во многом стало ответом России на резолюцию Европейского парламента от 19 сентября 2019 года «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»¹⁶², в котором главными виновниками развязывания Второй мировой войны названы СССР и гитлеровская Германия, более того, в рамках господствующего космополитического дискурса между сталинским и нацистским режимом фактически ставится знак равенства. В этом же контексте стоит рассматривать и принятую 7 мая 2020 года совместную декларацию госсекретаря США М. Помпео и министров иностранных дел 9 восточноевропейских членов НАТО, в которой, в духе принятой в Восточной Европе концепции «двух тоталитаризмов», говорится о недопустимости «фальсификаций истории» со стороны России, подчёркивается тема «оккупации» Советским Союзом этих территорий, сменившей нацистскую оккупацию, и только падение коммунистических режимов позволило этим странам стать частью «свободного мира»¹⁶³. Исследователями отмечается и общий контекст недружелюбных по отношению к России шагов,

---

¹⁶⁰ *Putin V.* The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // *The National Interest* (18.06.2020) URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>

¹⁶¹ *Путин В.В.* Об историческом единстве русских и украинцев // *Российская газета - Столичный выпуск* № 155(8506) (12.07.2021) URL: <https://rg.ru/2021/07/12/statia-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html>

¹⁶² European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. Thursday, 19 September 2019 – Strasbourg URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

¹⁶³ US along with 9 NATO friendly countries contested WWII history told by Russia // DND live Radio (8.05.2020) URL: <https://dispatchnewsdesk.com/us-along-with-9-nato-friendly-countries-contested-wwii-history-told-by-russia/>

касающихся памяти о Второй мировой войне (в частности, демонтаж монумента И.С. Коневу в Праге)¹⁶⁴.

Во-вторых, в 2020 году политика государства по защите исторической памяти получила конституционное закрепление в Конституции РФ (статья 67.1 п. 3). В течение 2020 – 2021 года были внесены соответствующие изменения в статью 354.1 «Реабилитация нацизма». Тем самым, можно говорить о начале формирования в России мемориального законодательства и оформления соответствующей правоприменительной практики (в частности, по отношению к лицам, совершившим противоправные деяния в ходе реализации проекта «Бессмертный полк онлайн»¹⁶⁵). В плане оформления мемориального законодательства можно также констатировать, что Россия находится в позиции обороняющегося и догоняющего, поскольку, к примеру, в ряде стран Восточной Европы и бывшего СССР, имеющих с Россией общее «проблемное прошлое», подобные шаги были предприняты 10 – 20 лет назад¹⁶⁶.

И если официальная позиция Российской Федерации по вопросам исторической памяти начала формироваться в отдельное приоритетное направление политики только в последние годы, то со стороны регионов России все постсоветские десятилетия можно наблюдать значительную активность в плане выстраивания собственных образов прошлого, в том числе и военного.

Возвращаясь к рассмотрению региональной политики памяти как отдельного «пласта» и, в ряде случаев, оппозиции официальной повестке, необходимо обратиться к общественно-политической ситуации 1990-х годов.

---

¹⁶⁴ Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ статьи Президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Дискурс-Пи. 2020. №4 (41). С. 10 – 25.

¹⁶⁵ Мильченко А. Нацисты в «Бессмертном полку»: СК вычислил провокаторов // Газета.ru (16.05.2020) URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/16/13085917.shtml>

¹⁶⁶ Korosov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2017. ; Мелешкина Е.Ю. Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и ее проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 54 – 75.

Распад СССР и центробежные тенденции в Российской Федерации в течение 1990-х годов можно назвать катализатором создания региональных репрезентаций прошлого, началом формирования политики памяти на региональном уровне. Исследователь Д.А. Аникин справедливо отмечает, что известная фраза первого президента РФ Б.Н. Ельцина, разрешившего регионам РСФСР брать суверенитета столько, сколько они смогут проглотить, имела последствия и как толчок к построению региональных политико-исторических конфигураций¹⁶⁷.

В выстраивании собственной политики памяти регионы России в основном придерживаются трёх основных стратегий, выделенных исследователем Д.А. Аникиным:

1. Репрезентация советского прошлого;
2. Восстановление «исторической справедливости» (реконструкция досоветских или нессоветских образов прошлого);
3. Поиск новых образов прошлого и стратегий их репрезентации¹⁶⁸.

В ряде регионов России, где были особенно сильны левые настроения среди населения (так называемый «красный пояс»), стратегия репрезентации советского прошлого выглядела наиболее логичной: региональное руководство тем самым обрело легитимность в глазах населения на фоне острых социально-экономических проблем и противостояния с «демократами» из федерального центра.

В противовес репрезентации советского прошлого все постсоветские десятилетия региональные сообщества России выстраивали политику памяти исходя из тезиса о восстановлении исторической справедливости. Здесь можно выделить четыре крупных направления мемориальной политики:

1. Коммеморация дореволюционного периода. В рамках этих практик происходило возвращение дореволюционных названий улиц и населённых пунктов, установка памятников деятелям дореволюционного периода. Отдельным попу-

---

¹⁶⁷ Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. №3 (18), 2012. Волгоград: Волгоградский государственный университет. С. 123.

¹⁶⁸ Там же С. 124.

лярным на сегодняшний день направлением является коммеморация Первой Мировой войны¹⁶⁹.

2. Коммеморация несоветской истории. К этому направлению относятся практики коммеморации деятелей «белого движения» и иных сил, оппозиционных советскому режиму. От первого направления эти практики отличает повышенная политизация и, зачастую, скандальность. Например, большой резонанс в обществе вызвали попытки установить памятную доску К.Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге¹⁷⁰, коммеморация биографий нацистских пособников П.Н. Краснова¹⁷¹ и А.Г. Шкуро¹⁷².

3. Коммеморация жертв политических репрессий. В этом вопросе на сегодняшний день можно констатировать бóльшую активность со стороны общественных организаций, чем со стороны государства. Участие же органов власти субъектов Российской Федерации в коммеморации политических репрессий чаще всего связано с отдельным большим блоком региональных практик политики памяти – трагедий народов, связанных с депортациями 1940-х годов, что особенно актуально для ряда регионов России (северокавказские республики¹⁷³, Республика Калмыкия¹⁷⁴ и т.д.).

4. Коммеморация постсоветской истории России. Наиболее ярко эти практики реализовывались на родине первого президента России и непосредственно связаны с его именем (улицы в честь Б.Н. Ельцина, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, «Ельцин-центр» в Екатеринбурге).

---

¹⁶⁹ Пахалюк К. А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109 – 131.

¹⁷⁰ Мерзликин П. Доска Маннергейму в Петербурге: зачем открыли, кто поддержал и почему ее не хотели снимать // «Бумага» (14.10.2016) URL: <https://paperpaper.ru/doska/>

¹⁷¹ Гавриленко А. Поход на Краснова. Сносить ли памятник казачьему атаману? // «Российская газета» - Юг России. №160 (7028) (21.07.2016) URL: <https://rg.ru/2016/07/21/reg-ufo/zhiteli-dona-potrebovali-snosti-pamiatnik-atamanu-krasnovu.html>

¹⁷² Майсурян А. В детском саду №221 Краснодара славят генерала СС Шкуро // Maysuryan. LiveJournal (24.08.2018) URL: <https://maysuryan.livejournal.com/700417.html>

¹⁷³ Рахаев Д.Я. Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти // ЛиТ. Исторический альманах. 2014. №5. С. 350 – 380; Шнирельман В.А. Неудобная память // Новое прошлое. 2018. №3. С. 216 – 222.

¹⁷⁴ Сангаджиева Д.В. Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте – память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. 2020. №1 (16). С. 306 – 318.

Отдельно отметим попытку регионов выстроить и актуализировать новые образы прошлого, не нашедшие отражения в дореволюционных и советских образах прошлого и, как следствие, не связанные с острыми политическими вопросами. Подобные сюжеты используются регионами в целях увеличения туристической и инвестиционной привлекательности.

Важность регионального уровня политики памяти для современной России обусловлена, во-первых, значительным этнокультурным многообразием самой России и наличием большого количества «внутренних» национальных и региональных нарративов, во-вторых, отсутствием чётких политико-идеологических ориентаций федерального центра, в связи с чем федеральная повестка вопросов политики памяти зачастую является селекцией региональных практик. Наиболее показательный пример, касающийся и коммемораций войны, - акция «Бессмертный полк», изначально зародившаяся в Томске, но впоследствии ставшая едва ли не самым значимым памятным мероприятием в России (и за её пределами) на День Победы, с активным участием в ней первых лиц государства. Причём подобная практика для России не нова: к этой же группе памятных мероприятий и дат, перехваченных федеральным центром из регионов, можно отнести и праздник День народного единства 4 ноября, который связан с активностью нижегородских историков и краеведов.

Более того, конкуренция регионов за продвижение своей повестки на федеральный уровень иногда носит довольно острый характер. Например, с 2017 года Калужская область борется за то, чтобы «День окончания Великого стояния на реке Угре» получил общенациональный статус, однако наталкивается на мощное сопротивление Татарстана. Причём татарстанские парламентарии, общественные деятели и представители академических кругов проявляют в этом вопросе полное единодушие, считая введение подобного праздника на федеральном уровне подорвом межнационального согласия¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ Рахматуллин Т. Депутаты о памятной дате стояния на Угре: «Не приглашать татар — это нонсенс, такого быть не должно!» // «Реальное время» (27.08.2019) URL:

Тем самым, российские регионы можно считать полноценными акторами политики памяти, способными генерировать собственную повестку, оказывать влияние на федеральный центр и конкурировать друг с другом. Их отношения с федеральным центром по вопросам исторической памяти некорректно было бы описывать с позиции некоей «вертикали власти», перипетии их отношений требуют для своей теоретизации более сложную модель. Тем не менее, именно на примере российских регионов можно проследить многофункциональность образов войны в политике памяти, выделить и проиллюстрировать конкретные функции и конкретные стратегии политики памяти вокруг военных событий (что будет представлено далее).

Анализ государственных акторов политики памяти, особенно применительно к теме военных коммемораций, не может обойтись без рассмотрения вооружённых сил и военных как особого актора политики памяти, для которого сохранение памяти о войнах, обустройство военных коммемораций и представление обществу основных интерпретаций войн прошлого являются одними из основных задач. Зарубежными исследователями отмечается, что «сами вооружённые силы испытывают потребность в военных коммеморациях для укрепления институциональной идентичности как военных в целом, так и отдельных подразделений в частности»¹⁷⁶.

В Российской Федерации работа по увековечиванию памяти погибших в войнах является юридически закреплённой обязанностью Министерства обороны, которое выполняет также организационно-координационные функции по взаимодействию в этом направлении с другими органами государственной власти федерального и регионального уровней (см. Приказ Министра обороны РФ от 19 ноября 2014 г. №845 «Об утверждении Порядка организации и проведения поисковой работы обще-

---

https://realnoevremya.ru/articles/149492-v-tatarstane-otvergli-ideyu-prazdnovat-stoyanie-na-reke-ugre?utm_source=mobile&utm_medium=redirect&utm_campaign=mobile

¹⁷⁶ Ashplant T.G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics. // The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. P. 25.

ственно-государственными объединениями, общественными объединениями, уполномоченными на проведение такой работы, осуществляемой в целях выявления неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установления имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества и увековечения их памяти»).

Исследователями отмечается наличие особого военного дискурса по отношению к некоторым событиям прошлого. Изучая особенности военного дискурса на примере коллективной памяти военных о периоде хунты в Уругвае (1973 – 1985 гг.), уругвайская исследовательница М. Ачугар делает вывод, что военному дискурсу свойственно использовать метафоры войны там, где не было самой войны. Борьбу против левой оппозиции (с многочисленными нарушениями прав человека) уругвайские военные описывают как «внутреннюю войну» (“state of internal war”), а образ жертвы как образ Другого, чужого, инородного элемента, проникающего в национальное тело¹⁷⁷. Соответственно, военный дискурс способен выстраивать память о травмирующих событиях прошлого именно как память о войне. В военном дискурсе «постоянно присутствует обращение к образам войны как для описания событий, так и для обращения к участникам, вовлечённым в эти события»¹⁷⁸.

Образ военнослужащих и преемственность их воинской доблести во всех войнах прошлого оказываются удобными объектами для оформления деполитизации и деконтекстуализации памяти о войнах, что особенно эффективно работает для выстраивания памяти о современных вооружённых конфликтах. В таком случае обсуждение причин войны отделяется от памяти об участниках этих войн, чествование их ратных подвигов происходит просто в силу их принадлежности к военнослужащим. В рамках деполитизации и деконтекстуализации войны «военные выступают в качестве носителя национальной идентичности, а также символа

---

¹⁷⁷ Achugar M. What we remember: The construction of memory in military discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2008. pp. 198 – 200.

¹⁷⁸ Ibid. P. 199.

политического конформизма»¹⁷⁹. Тем не менее, как отмечает Н.Ю. Данилова, освещение локальных военных конфликтов с участием советских/российских войск отличает «избирательная героизация» (“selective heroisation”) и деконтекстуализированное поминовение¹⁸⁰.

Включение памяти о войне в повседневные практики также происходит через распространение военной символики. Таковой, например, являются красный мак в Великобритании и георгиевская ленточка в России. Эта символика демонстрирует преемственность воинской доблести предков, поддержку национальных вооружённых сил и определённую лояльность политическому курсу. Символика, связанная с образами военного прошлого, встраивает памятные церемонии и другие гражданские ритуалы по военным коммеморациям в широкий пласт развлекательной и потребительской культуры¹⁸¹.

Переходя к рассмотрению негосударственных акторов политики памяти, стоит отметить особое место политических партий как институтов, способных поддерживать или оспаривать официальный исторический или военный нарратив непосредственно в рамках политической борьбы. Их исторические репрезентации и отношение к военным событиям демонстрируют не только их собственные идеологические установки, но и основные линии раскола внутри общества по вопросам спорного прошлого. Активность политических партий в исторических баталиях отмечается как в рамках российского политического процесса¹⁸², так и за рубежом¹⁸³.

Особая специфика обращения к прошлому (и военному прошлому в том числе) проявляется в деятельности религиозных сообществ как акторов политики

---

¹⁷⁹ *Danilova, Nataliya*. The politics of war commemoration in the UK and Russia. University of Aberdeen, UK, 2015. P. 114.

¹⁸⁰ *Ibid.* P. 144 – 145.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 114.

¹⁸² *Linchenko A., Anikin D.* The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties // *European Politics and Society*. 2020. Т. 21. № 3. С. 356 – 370.

¹⁸³ *Аникин Д.А., Яровая И.А.* Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // *Власть*. Т. 28, №4, 2020. С. 131 – 137.

памяти. Наиболее влиятельные религиозные акторы могут выстраивать собственный исторический нарратив, идущий иногда вразрез с официальной государственной историей, использовать специфически религиозные символические и коммеморативные ресурсы (например, институт канонизации), а также в своей деятельности выходить за границы одного государства¹⁸⁴. В ряде случаев религиозные сообщества, в отличие от государства, способны занять более чёткую позицию по отношению к тем или иным историческим событиям. Вокруг образов войн прошлого, имеющих символическую ценность для общества, религиозные сообщества формируют особый религиозный дискурс, «предлагающий спектр вариантов объяснения её [войны – прим. авт.] причин и значения» в контексте того или иного религиозного сообщества¹⁸⁵, а также определённые мемориальные практики.

Наиболее заметную роль в коммеморативном пространстве современной России в силу ряда причин имеет Русская Православная Церковь. Русская Православная Церковь располагает богатым опытом военных коммемораций, сложившихся ещё в дореволюционный период. Так, места захоронения русских воинов, погибших в боях за пределами Отечества, «чаще всего имели религиозную маркировку, представлявшую собой крест над братской могилой павших воинов, часовню или храм-усыпальницу. В местах массовых захоронений или особо значимых побед возводились храмы-памятники»¹⁸⁶ (на территории немецких и чешских земель в память об освобождении этих территорий от наполеоновского господства, в Болгарии и на территории Османской империи – на местах сражений русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов). Традиции военных коммемораций и возведения храмов в честь значимых побед русского оружия (Собор Покрова Пре-

---

¹⁸⁴ Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. №1, 2018. 23 с.

¹⁸⁵ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1, 2020. С. 7.

¹⁸⁶ Жердева Ю.А. Российские военные коммеморации в поздней Османской империи (1878-1918): политическая практика и культурный миф // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов Международной научной конференции. Тамбов. 2015. С. 93.

святой Богородицы на Рву в честь взятия Казани в 1552 году, Храм Христа Спасителя в честь победы в Отечественной войне 1812 года) отчасти нашли своё отражение в Главном храме Вооружённых сил Российской Федерации, наполненном символикой, связанной с Победой в Великой Отечественной войне¹⁸⁷.

Одним из влиятельных негосударственных акторов политики памяти выступают ветеранские организации. М. Керен отмечает, что во второй половине XX века наметился общий упадок национальных государств и их героических исторических нарративов, отчётливо проявился антивоенный настрой интеллектуальной элиты. В результате чего воспоминания ветеранов стали вступать в противоречие с официальными репрезентациями военного прошлого (представленными, например, в музеях). В частности, М. Керен приводит в пример протест ветеранов против наполнения военных коммемораций темой Холокоста (неуместной, по их мнению, в контексте отражения именно военных событий и героического, а не жертвенного, опыта) в Канадском военном музее¹⁸⁸.

В современной России ветеранские организации также можно считать самостоятельным актором политики памяти. Особенно это касается ветеранских организаций участников локальных вооружённых конфликтов (прежде всего, Афганская война и чеченские кампании). Особое значение ветеранов именно этих вооружённых конфликтов объясняется рядом причин. Во-первых, память о крупных локальных войнах последних десятилетий существует в формате коммуникативной памяти, в отличие от постепенного перехода памяти о Великой Отечественной войне в формат культурной памяти. Во-вторых, исследователи подчёркивают определённый разрыв официального дискурса о локальных конфликтах и памяти ветеранов этих войн¹⁸⁹, в отличие от официального мифа о Великой Отечественной войне, сформировавшемся в эпоху «застоя» и гармонично вписавшего в себя

---

¹⁸⁷ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1. 2020. С. 9.

¹⁸⁸ Keren M. Introduction // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 2 – 8.

¹⁸⁹ Рожественская Е., Семёнова В. Социальная память как объект социологического изучения // *INTER*. 2011. №6. С. 32 – 33.

личную и семейную память ветеранов. Противоречия между позицией ветеранов Великой Отечественной и официальной государственной позицией (например, позиция В. Астафьева по вопросу сдачи Ленинграда немцам в 1941 году или позиция Д. Гранина по вопросу установке мемориальной доски К.Г. Маннергейму в Петербурге) носят характер немногочисленных исключений. Однако нечёткая и противоречивая позиция официальных властей по поводу оценки локальных конфликтов, избирательность и попытки умолчания¹⁹⁰, признания этих войн политическими ошибками вступают в явное противоречие с памятью ветеранов этих конфликтов. Кроме того, исследователи говорят об определённом разрыве в «модели ветеранства» между участниками войн XX века, о препятствиях к публичной репрезентации памяти участников локальных войн¹⁹¹. В этой связи репрезентации памяти со стороны ветеранских организаций приобретают специфические черты: можно говорить о формировании вокруг памяти об этих войнах, вытесненной на периферию социального пространства, массовой «низовой» активности и о специфических локальных коммеморативных практиках. И если на общенациональном уровне из крупных мемориальных событий можно назвать разве что День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества, отмечаемый в день вывода советских войск из Афганистана 15 февраля, то на региональном и локальном уровнях взаимодействие власти и ветеранских организаций более тесное. Е.Ю. Рождественская, характеризуя Интернет как медиатора социальной памяти, указывает, что «интернет-пространство Рунета, где институциональный контроль ослаблен, может предоставить своего рода «ниши» для укрытия воспоминаний, <...> [поскольку] отклик перестроечного российского общества на афганскую проблему убедил бывших «афганцев» в отсутствии их широкого социального признания»¹⁹². Далее автор отмечает, что «поиск социального при-

---

¹⁹⁰ *Танайлова В.А.* (Не)быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 99-119.

¹⁹¹ *Николаи Ф.В., Кобылин И.И.* Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №5 (120). С. 115 – 136.

¹⁹² *Рождественская Е.Ю.* Виртуализация памяти об Афганской войне // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 134.

знания или резонанса на воспоминания афганцев <...> трансформируется в горизонтальные локальные активности, уходит на уровень региональных и локальных сообществ»¹⁹³. Поэтому появляются отличные от официально-государственных (крайне немногочисленных) коммеморативные практики: например, проникновение православных образов и символов, их смешение с «традиционной» советской патетикой павших воинов (православный культ вокруг погибшего в Чечне солдата Евгения Родионова¹⁹⁴); или воспитание патриотизма среди школьников через образы бойцов, лишённых какой-либо национальной и политической атрибутики¹⁹⁵, – своеобразная трансформация понятия воина-интернационалиста. Последнее выступает на явном контрасте, к примеру, с образом российского солдата времён Крымской весны 2014 года или с образами российских добровольцев на Юго-Востоке Украины. Всё это позволяет утверждать самостоятельность ветеранских организаций как акторов политики памяти.

Говоря о негосударственных акторах политики памяти, нельзя не отметить всё возрастающую роль «новых» акторов в лице блогеров и сетевых сообществ. Вопрос о степени их аффилированности с государством корректнее оставить за рамками данного исследования. Однако влияние сетевых сообществ и блогеров на пространство public history и на массовое историческое сознание россиян сложно переоценить, анализу этого влияния посвящён ряд академических исследований российских политологов¹⁹⁶. Так, С.И. Белов причины возрастающего влияния этих акторов видит в наличии «инструментов оперативной обратной связи с целевой

---

¹⁹³ Там же. С. 135.

¹⁹⁴ Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. №1, 2018. С. 10.

¹⁹⁵ Рождественская Е., Семёнова В. Социальная память как объект социологического изучения // *INTER*. 2011. №6. С. 34.

¹⁹⁶ Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: Интернет как медиатор памяти // *Вопросы политологии*. 2020. Т. 10. №1 (53). С. 19 – 28. ; Белов С.И. Videоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино // *Информационные войны*. 2019. №1 (49). С. 89 – 94; Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. №3(67) С. 663 – 674. ; Головашина О.В. «Любители истории» и история для любителей: представления о прошлом в социальных сетях // *Философские традиции и современность*. 2014. № 1. С. 114–123.

аудиторией, ориентацией преимущественно на представителей молодежи и ярко выраженным развлекательным характером создаваемого контента»¹⁹⁷. Исследователь А.Ю. Бубнов, характеризуя онлайн-дискуссии вокруг тематики военного прошлого России, подчёркивает, что, несмотря на оторванность образов войны в коллективной памяти от исторических фактов, оценки и исторические репрезентации сетевых сообществ, отражая политико-идеологические расколы внутри общества, тем не менее находятся в зависимости и от историографической традиции; кроме того, «в большинстве случаев сетевые идеологические сообщества выстраивают свою идентичность на основании исторических нарративов, которые транслируются в пространство онлайн-дискуссий»¹⁹⁸.

Видеоблогеры и сетевые сообщества способны выстраивать определённые стратегии политики памяти вокруг тех или иных исторических событий. К примеру, документальные фильмы Youtube-канала «вДудь» (на конец 2021 года 9,67 млн. подписчиков) «Колыма – родина нашего страха»¹⁹⁹ (на конец 2021 года 26 млн. просмотров) и «Беслан. Помни»²⁰⁰ (на конец 2021 года 24 млн. просмотров) выполнены в контексте конструирования социальной травмы вокруг событий недавнего прошлого. Другой пример последовательного продвижения определённой стратегии со стороны сетевого общества – деятельность проекта «Цифровая история» (на конец 2021 года 230 тыс. подписчиков на канале в Youtube, свыше 60 тыс. подписчиков в группе «ВКонтакте»), сконцентрированного преимущественно на сюжетах военной истории России²⁰¹. Можно отметить активное устремление авторов проекта «Цифровая история» на освещение темы геноцида народов СССР во время Великой Отечественной войны, в том числе, на официальное юридическое признание нацистских преступлений на территории СССР геноци-

---

¹⁹⁷ Белов С.И. Российская мемориальная политика в зеркале блогосферы (на материалах кино-обзоров видеоблогеров) // Вестник российской нации. 2018. №3. С. 171.

¹⁹⁸ Бубнов А.Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. №6. С. 32.

¹⁹⁹ Колыма – родина нашего страха (док. фильм канала «вДудь») <https://youtu.be/oo1WouI38rQ>

²⁰⁰ Беслан. Помни (док. фильм канала «вДудь») <https://youtu.be/vF1UGmi5m8s>

²⁰¹ Сайт проекта «Цифровая история» <https://цифроваяистория.рф> ; Youtube-канал проекта «Цифровая история» <https://www.youtube.com/channel/UCmNdf2w5wy9m61bq7IqmWZg>

дом. Причём подобная стратегия (ре)травматизации событий войны в своей реализации вышла за пределы онлайн-формата и дополняется активными оффлайн-мероприятиями (фестивали «Цифровой истории», издание научно-популярной литературы²⁰²).

В российской академической литературе отдельным актором политики памяти принято выделять экспертно-академическое сообщество. Однако институционализация стратегий и функций этого актора осложнена рядом факторов. Во-первых, отсутствием специализированных научных организаций, занимающихся исключительно вопросами исследования исторической памяти (аналоги институтов национальной памяти в ряде стран Восточной Европы): деятельность, к примеру, общества «Мемориал»* или фонда «Историческая память» А.Р. Дюкова скорее характеризует их как общественные организации, выходящие за пределы академической среды. Во-вторых, А.И. Миллер подчёркивает зависимость таких экспертных объединений (АИРО-XXI, Совет по внешней и оборонной политике и т.д.) от государства и других более влиятельных акторов; так, по мнению историка, «власть, разумеется, всегда использовала экспертов в осуществлении политики памяти, но как исполнителей, которые лишь на стадии выполнения заказа могли при желании партизанскими методами и в ограниченном объёме корректировать задание»²⁰³, а созданные специализированные организации наподобие РИО и РВИО «не оппонировать власти (в качестве конструктивного критика), а опосредуют её голос»²⁰⁴. В-третьих, К.А. Пахалюк указывает на то, что помимо дисперсности самого экспертного сообщества, привлекаемого для исторической экспертизы различными акторами, разрывающими всякую консолидацию, внутренняя

---

²⁰² Яковлев Е.Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. Издание 2-е, перераб., доп. СПб: Питер. 2022.

* 28 февраля 2022 года решением Верховного суда РФ организация ликвидирована.

²⁰³ Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. 2015. №3. С. 223.

²⁰⁴ Там же.

дифференциация этого актора осложняется прагматическими интересами самих экспертов²⁰⁵.

§2. Основные функции образов войны в политике памяти

Рассмотрение политики памяти различных социальных (или мнемонических) акторов по отношению к событиям военного прошлого и, как следствие, выделение основных функций образов войны в политике памяти должно предваряться некоторыми теоретическими замечаниями по поводу функций социальных акторов вообще.

Учитывая, что речь идёт о принципиальной многоакторности политики памяти (причём «политика» здесь рассматривается и используется как *politics* – в значении пространства для конкуренции различных проектов, репрезентаций и т.д.), функции основных акторов также многозначны и преследуют различные цели, касающиеся как формальных, так и неформальных аспектов их деятельности на площадках артикуляции памяти (“arenas of articulation”²⁰⁶). В этой связи теоретической основой рассмотрения функций социальных акторов может стать выделение Р. Мёртоном явных и латентных функций социальных институтов, представленное в работе «Социальная теория и социальная структура»²⁰⁷.

Разграничение этих функций Р. Мёртон строит следующим образом: «первые [явные – прим. авт.] относятся к тем объективным последствиям для определенной единицы (человека, подгруппы, социальной или культурной системы), которые способствуют регуляции или адаптации и для этого и предназначались; вторые [латентные – прим. авт.] относятся к непреднамеренным и неосознанным

---

²⁰⁵ Пахалюк К.А. Политика памяти как ценность и дискурс // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 232-239.

²⁰⁶ Ashplant T.G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics. // The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000.

²⁰⁷ Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура / М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

последствиям того же порядка»²⁰⁸. Отметим, что при рассмотрении мнемонических акторов речь идёт, всё же, об осознанной стратегии политики памяти и осознанных действиях по выполнению латентных функций. Кроме того, в рамках политической системы сама функция адаптации, «выживания» в рамках тех или иных политических реалий, тесно связана с латентными функциями, не декларируемыми официально и публично. То есть разделение явных и латентных функций мнемонических акторов скорее проходит по линии официальных / публичных аспектов деятельности и неформальных / кулуарных.

Тем не менее, сам Р. Мёртон перечисляет обширный список мало связанных друг с другом социологических и политических проблем, где уже к середине XX века (времени издания книги) применялось разделение явных и латентных функций²⁰⁹. Применение этой дихотомии в рамках *memory studies* оправдано хотя бы потому, что эвристические цели подобного разделения, указанные Р. Мёртоном, вполне актуальны и для рассмотрения мнемонических акторов.

Так, выделение латентных функций «вносит ясность в анализ кажущихся иррациональными социальных моделей»²¹⁰ и рассмотрение этих функций способно объяснять поведение акторов, которое с формальной точки зрения кажется несвойственным для них.

К примеру, активное присутствие Русской Православной церкви в пространстве коммемораций Великой Отечественной войны может быть непонятным с позиции формального рассмотрения деятельности религиозных организаций (явных функций), однако вполне рационально, если рассматривать Русскую Православную церковь как одного из акторов, борющихся за ограниченное количество символически значимых ресурсов российского общества²¹¹ (а память о Великой Отечественной войне – один из самых значимых, если не самый значимый) с

---

²⁰⁸ Там же. С. 161.

²⁰⁹ Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура / М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. С. 161 – 162.

²¹⁰ Там же. С. 162

²¹¹ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1. 2020. С. 3

целью собственной легитимации (латентная функция). Подобной же логикой можно объяснить смешение советских традиций военных коммемораций с православной символикой на некоторых современных (постсоветских) воинских монументах. Например, подобное смешение характерно для объектов мемориального комплекса «Прохоровское поле» и центральной композиции – «Звоннице» – где фигуры «советского» пантеона (бойцы разных родов войск, труженики тыла, полководцы) соседствуют с православными сюжетами (изображения святых, цитаты из Библии, фигура Богородицы)²¹².

Изучение латентных функций акторов имеет большую научную значимость, больше приближает нас к пониманию сущности их деятельности, чем только лишь анализ явных функций. «Открытия, касающиеся латентных функций, представляют собой бóльший вклад в познание, чем открытия, касающиеся явных функций»²¹³ - это замечание Р. Мёртона справедливо и для рассмотрения действий акторов политики памяти.

Так, рассматривая политику памяти регионов России в отношении памятных дат военной истории, важно иметь в виду, что помимо декларируемых целей сохранения исторической памяти, героико-патриотического воспитания молодёжи и т.д. регионы часто используют военные коммеморации как средство повышения туристической привлекательности своих субъектов, как базис для выстраивания собственной региональной идентичности (что особенно актуально, к примеру, для Волгоградской области или Севастополя) и регионального брендинга. Кроме того, вокруг некоторых символически значимых событий военного прошлого можно наблюдать конкуренцию российских регионов за право быть главным транслятором памяти об этом событии, что, в свою очередь, помимо очевидных имиджевых преимуществ, направлено и на коммерческие выгоды (увеличение туристического

---

²¹² Долженкова Т.И. Прохоровская звонница народного художника России В. М. Клыкова (1939—2006) как воплощение народной памяти о Великой Отечественной войне // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28 – 29 мая 2021 г. С. 82 – 86.

²¹³ Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура / М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. С. 167.

потока, федеральная финансовая поддержка). К примеру, в последние десятилетия такую конкуренцию можно наблюдать за память о битве на Курской дуге между Курской, Орловской и Белгородской областями. Несмотря на то, что в историографии и учебной литературе принятое название сражение именно «Курская дуга», Курская область не стала главным транслятором памяти об этом сражении. Этот статус перехватила Белгородская область, создав в 1990-е годы упомянутый выше масштабный мемориальный комплекс «Прохоровское поле». Организация и строительство этого комплекса находились под личным контролем многолетнего губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, организовавшего сбор народных пожертвований и финансовую поддержку центра в непростые 1990-е годы²¹⁴. В свою очередь, есть попытки со стороны орловской общественности высказать свои претензии на символический капитал битвы на Курской дуге через изменение его названия на «Орловско-Курскую дугу»: данное название встречается в ряде советских источников²¹⁵, однако в основном такое наименование локализовано в пределах самой Орловской области и используется исследователями из Орловской области²¹⁶. В преддверии 80-летнего юбилея сражения на Курской дуге наблюдаются попытки Курской области занять главенствующее место в репрезентации памяти об этой битве: ведутся активные работы по созданию мемориального комплекса в районе станции Поныри, находившейся в 1943 году на северном

---

²¹⁴ Борзунов С. Белогорье. Прохоровское поле // «Наш современник». Очерк и публицистика, №3, 2003. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=5&id=10>

²¹⁵ Курская дуга или Орловско-Курская дуга – как правильно? // Малоархангельск. Неофициальный сайт г. Малоархангельск (Орловская область) (05.07.2016) URL: <https://maloarhangelsk.ru/kurskaya-duga/> (дата обращения: 10.09.2020)

²¹⁶ Ливцов В.А., Пожидаев А.С., Нилаева К.С. Проблема фальсификации истории второй мировой войны: Орловско-Курская дуга // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №4. С. 100 – 107.; Губаненкова С.М. К вопросу о роли России во второй мировой войне: современный политико-исторический аспект // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015. С. 297-304; Извеков Ф.С. Курская битва глазами рядового артиллериста // Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма: материалы VII Международной Интернет-конференции. Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2018. С. 303-306.

фасе Курской дуги. В 2021 году здесь открыт памятник пограничникам²¹⁷, к 2023 году планируется создание мемориального комплекса «Курская битва», причём поддержку курским властям оказывает Российское военно-историческое общество²¹⁸ и ФСБ России²¹⁹.

Подобный пример ярко показывает необходимость внимания к латентным функциям различных акторов, далеко выходящим за рамки декларируемых целей, для получения более комплексной картины многоакторности политики памяти даже вокруг одного отдельно взятого события.

Кроме того, выполняя номинально одну и ту же функцию, различные социальные акторы могут по-разному справляться с её выполнением, поскольку находятся в различных институциональных условиях, во многом в зависимости от того, явной или латентной функцией те или иные задачи для них являются. Р. Мёртон описывает эту ситуацию через сравнение действий «политической машины», т.е. профессиональных политиков, и формализованной государственной бюрократии²²⁰ (можно сказать, через конкуренцию politics в лице «политической машины» и «партийных боссов» и police в лице государственных чиновников). В заданных институциональных условиях выполнение явных функций отраслевыми органами государственной власти оказывалось менее эффективным, чем выполнение латентных функций негосударственными политическими структурами.

Несколько иную аналогию, но содержательно близкую к описанной Р. Мёртоном, можно проследить и в действиях акторов политики памяти. К примеру, российский исследователь Д.А. Аникин отмечает, что институциональные условия современной российской политической системы позволяют религиозным ак-

---

²¹⁷ На Северном фасе Курской дуги открыли памятник пограничникам // Курск. Региональное Информационное Агентство. (22.06.2021) URL: <https://riakursk.ru/na-severnom-fase-kurskoy-dugi-otkryli-pamyatnik-pogranichnikom/>

²¹⁸ Новосёлова Е. Открыт конкурс на проект мемориального комплекса «Курская дуга» // Российская газета – Федеральный выпуск №226(8577) (04.10.2021) URL: <https://rg.ru/2021/10/01/reg-cfo/otkryt-konkurs-na-proekt-memorialnogo-kompleksa-kurskaia-duga.html>

²¹⁹ Левин Д., Ивашечкина В. Земля, пропитанная кровью: в деревне Поньры установят мемориал к 90-летию Курской битвы // ТРК ВС РФ «Звезда» (16.11.2020) URL: <https://tvzvezda.ru/news/20201116014-mFT4P.html>

²²⁰ Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура / М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ.. С. 171 – 184.

торам вполне успешно проводить свою политику памяти и избегать тех сложностей, с которым приходится сталкиваться государству при декларировании его официальной позиции. Кроме того, Д.А. Аникин отмечает, что каждое религиозное сообщество внутри какой-либо институции «может преследовать собственные цели, которые можно даже назвать политическими, но будет позиционировать их в качестве целей той институции, с которой себя данное сообщество отождествляет»²²¹.

Тем самым, специфические религиозные способы коммеморации позволяют различным сообществам внутри институции более эффективно реализовывать свои латентные функции и сглаживать противоречия между ними и явными функциями.

Переходя к формулированию конкретных функций образов войны в политике памяти, исходящей от того или иного актора, необходимо отметить, что нижеперечисленные функции выделяются на основе, во-первых, существующей в отечественной и зарубежной научно-исследовательской литературе теоретико-методологической рефлексии темы военных коммемораций, во-вторых, анализа конкретных «кейсов», связанных с тем или иным функционалом конкретных коммемораций и с той или иной направленностью политики памяти.

В рамках данного исследования предлагается выделить следующие функции образов войны в политике памяти:

- Функция легитимации / делегитимации;
- Функция консолидации / деконсолидации (связанная с формированием и трансформацией идентичности);
- Культурно-дипломатическая функция («мягкая сила»);
- Образовательно-воспитательная функция;
- Коммерческая функция (включающая в себя брендинговую функцию);
- Развлекательная функция (инфотейнмент).

---

²²¹ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе. // *Studia Humanitatis*. №1. 2020. С. 5.

Функцию легитимации / делегитимации (тех или иных акторов) образов войны в политике памяти возможно конституировать через обоснованное выше разделение функций социальных акторов на явные и латентные, где функция (де)легитимации будет выступать как латентная.

Поскольку политика памяти может рассматриваться одновременно и как пространство символов и смыслов, и как инструмент решения практических политических задач сегодняшнего дня, для концептуализации второго аспекта, направленного во многом на обоснование тех или иных конкретных политических шагов (т.е., по сути, на легитимацию), существует ряд сформировавшихся теоретико-методологических подходов.

Во-первых, необходимо отметить сформировавшийся всего чуть более 10 лет назад т.н. «менеджмент воспоминаний» (И. Ландкаммер, В. Циммерли), подчёркивающий именно процессно-инструментальный аспект деятельности политических акторов в мемориальном пространстве. Во-вторых, существует подход М. Кольштрука, рассматривающий «политику воспоминаний», где основной стратегией мнемонических акторов является как раз легитимация тех или иных политических проектов²²².

Примеры использования образов военного прошлого различными акторами для легитимации своего статуса в политической системе широко представлены и в отечественных исследованиях. Так, легитимность всей политической системы современной России часто связывается с образами победы в Великой Отечественной войне, в связи с чем говорят о реставрации «военного мифа» как инструменте легитимации современного политического порядка²²³, его изменениям в соответ-

---

²²² *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии. // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В.* М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 84.

²²³ *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М: Новое литературное обозрение. 2011. ; *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015.

ствии с актуальной (гео)политической повесткой²²⁴ или о формировании вокруг памяти о Великой Отечественной войне особой «гражданской религии»²²⁵.

Однако потенциалом для легитимации деятельности политических акторов обладает не только память о масштабных войнах прошлого, но и образы военных конфликтов современности. К примеру, особую специфику легитимации через память о войнах имеют политики памяти непризнанных государств Приднестровья и Новороссии. А.А. Воронович подчёркивает, что существующие в этих политико-территориальных образованиях политические режимы «сталкиваются с особенно серьёзными проблемами с точки зрения собственной легитимации. Они должны утверждать свою легитимность одновременно перед лицом внутренних оппонентов, центрального правительства и на международной арене. Историческая политика в непризнанных республиках становится одним из инструментов для обоснования своего стремления к отделению и права на самопровозглашенное квазинезависимое существование»²²⁶. Интерпретация военного конфликта с «родительскими государствами» (Молдовой и Украиной соответственно) как точки отсчёта собственного независимого существования и политических элит непризнанных республик как организаторов народной борьбы за независимость занимает в их политике памяти центральное место. Причём историческая политика государств Новороссии демонстрирует интересную попытку через интерпретацию военного конфликта на Юго-Востоке Украины одновременно обосновать собственную легитимность и лишить легитимности украинское руководство: в 2018 году в ДНР и ЛНР был организован Украинский народный трибунал, который заочно осудил П.А. Порошенко и других представителей военно-политического руководства Украины в 2014 – 2015 годах. Тем самым, «появление трибунала — это по-

---

²²⁴ Бубнов А.Ю. Формирование памяти о Великой Отечественной войне в СССР и России // Провинциальные научные записки. 2021. № 1(13). С. 105 – 109.

²²⁵ Тесля А.А. Как менялась память о Второй мировой войне // Эксперт. 2020. № 18-20. С.97 – 101.

²²⁶ Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса. // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 128 – 129.

пытка историко-юридического публичного закрепления оценки и интерпретации военного конфликта между центральной властью и сепаратистами. Однако ключевым является то, что в рамках трибунала украинские граждане рассматривают дела по украинским и международным законам. Таким образом, донбасские лидеры пытаются делегитимизировать центральную власть в Киеве как в глазах населения в сепаратистских регионах, так и на территориях под контролем украинского правительства»²²⁷.

Функция консолидации / деконсолидации образов войны в политике памяти занимает одно из центральных мест в государствоцентричном подходе (“state-centred approach”) к рассмотрению памяти о войнах, проанализированном выше, в главе 1. В рамках этой теоретико-методологической оптики именно образы героического военного прошлого становятся фундаментом общей национальной памяти и способом консолидации политической нации.

Многokrатно упомянутый выше Дж. Мосс проследил этот процесс на примере крупнейших европейских наций, рассмотрев процессы нациестроительства и функционирования «Мифа о военном опыте» на протяжении XVIII – XX веков. Тем не менее, схожее использование образов войн как способа конструирования идентичности «новых» наций можно увидеть и на протяжении XX – XXI веков.

Авторы коллективной монографии «Балканские войны: от восприятия современников до исторической памяти» (2016) прослеживают влияние историографии и политики памяти вокруг Балканских войн 1912 – 1913 годов на нациестроительство балканских наций на протяжении столетия. Болгарские историки С. Эльдаров и Б. Петров отмечают, что болгарская историография событий тех войн «является частью большой, более значимой проблемы исторической памяти и национальной идентичности»²²⁸, а интерпретацию событий тех войн, принятую в последние десятилетия социалистической Болгарии, авторы называют «социа-

---

²²⁷ Там же. С. 140.

²²⁸ *Eldarov S., Petrov B. Bulgarian Historiography on the Balkan Wars 1912–13 // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / Katrin Boeckh, Sabine Rutar (eds) Palgrave Macmillan, Cham. 2016. P. 239. DOI 10.1007/978-3-319-44642-4_10*

листическим национализмом»²²⁹. Македонский историк П. Тодоров также отмечает схожесть нарративов, выстроенных вокруг участия этнических македонцев в Балканских войнах, подчёркивая, что «македонские историки как социалистического/югославского периода, так и постсоциалистического/постъюгославского периодов одинаково были сосредоточены на национальной борьбе [этнических македонцев – прим. авт.] за освобождение и государственность»²³⁰, кроме того, память о войне приобрела настолько значимый политический оттенок и стала настолько сильной консолидирующей идеей (хотя и с трагической коннотацией) в памяти этнических македонцев, что апелляция к военному конфликту вековой давности использовалась правительством Македонии в спорах с Грецией по поводу названия страны. Сербская исследовательница Д. Стоянович подчёркивает, что образы Балканских войн в преподавании истории и в политике памяти Сербии на протяжении всего XX и начала XXI веков основаны на «мифологизированной идее «нации-жертвы», исторически «правой» и «праведной», стоически переносящей жестокость тех, кто её окружает»²³¹, а учебники по истории 2000-х годов, описывающие события почти 100-летней давности, «пропитаны большой дозой национального романтизма»²³². Отметим, что функция консолидация была особенно востребована для сербского общества в политическом контексте рубежа столетий, связанном с распадом Югославии, межнациональными и территориальными конфликтами, агрессией запада и масштабной антисербской риторикой, сопровождавшей эту агрессию.

Поиск оснований идентичности в войнах прошлого характерен также для политико-территориальных образований, население которых сложно вписать в существующие концепты нации, регионов, этничности и т.д. С такой проблемой,

---

²²⁹ Ibid. P. 229

²³⁰ *Todorov P.* From Bucharest 1913 to Bucharest 2008: The Image of the Balkan Wars in Macedonian Historiography and Public Discourse // *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* / Katrin Boeckh, Sabine Rutar (eds) Palgrave Macmillan, Cham. 2016. P. 292. DOI 10.1007/978-3-319-44642-4_13

²³¹ *Stojanović D.* The Balkan Wars in Serbian History Textbooks (1920–2013) // *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* / Katrin Boeckh, Sabine Rutar (eds) Palgrave Macmillan, Cham. 2016. P. 275. DOI 10.1007/978-3-319-44642-4_12

²³² Ibid. P. 282.

к примеру, столкнулись непризнанные республики Приднестровья и Донбасса. В вышеупомянутой работе А.А. Вороновича отмечается, что случай этих республик (в отличие от «классического» этнического сепаратизма Южной Осетии, Абхазии, Нагорного Карабаха и т.д.) удобно концептуализировать через понятие «интернационалистский сепаратизм». В этой связи, к примеру, власти Донецкой и Луганской народных республик в качестве оснований идентичности приводят опыт Гражданской войны в России и существовавшую в 1918 году Донецко-Криворожскую республику (с возможностью территориальной экспансии в пределах её «исторической территории»)²³³. Вооружённые конфликты постсоветского периода (война в Приднестровье в 1992 году и вооружённый конфликт на Юго-Востоке Украины с 2014 года) власти этих республик интерпретируют как защиту своей уникальной полиэтничной идентичности против националистических поползновений «родительских государств» (а в случае с Приднестровьем – ещё и защитой «молдовскости» от культурной экспансии Румынии²³⁴).

В сравнении с рассмотренным кейсом по использованию образов войны в целях консолидации интересно отметить, что противоположная сторона конфликта может использовать память о той же самой войне в целях деконсолидации и символического отделения врага и территории от референтной социальной группы. В данном случае, речь идёт о вооружённом конфликте на Юго-Востоке Украины и о политике памяти ряда современных украинских акторов (прежде всего, ветеранские организации бойцов АТО*). Плеханов А.А. и Герасимов В.К., рассматривая мемуары бойцов парамилитарных украинских формирований (добровольческие батальоны), прослеживают, каким образом территория и жители Донбасса символически отделяются от всей остальной территории, становясь экзи-

---

²³³ *Воронович А.А.* Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.- СПб: Нестор-История, 2018. С. 134 – 139.

²³⁴ Там же. С. 138.

* АТО - Антитеррористическая операция на востоке Украины, комплекс военных и специальных организационно-правовых мер украинских силовых структур на Востоке Украины. С 30 апреля 2018 года операция носила название ООС – операция объединённых сил.

стенциально значимым, враждебным «Другим» (как часть России и русской культуры). Русский язык один из авторов подчёркнуто именуется «московским языком», сам Донбасс – «неизлечимо советизированным»²³⁵, изначально больным; другой автор для сепарации врага открыто использует метафоры расчеловечивания жителей Донбасса²³⁶. Используется и дискурсивная стратегия «экзотирования» Донбасса, когда жители этих территорий подаются в образе «карикатурного туземца», тем самым «больной регион» отделяется от остальной Украины не только пространственно, но и темпорально. «В этой колониальной логике жителям Донбасса приписываются иррациональное мышление, неспособность к восприятию «правильных» ценностей, примитивное отношение к власти, собственная убогость и инфантильность. Все эти характеристики, по мнению авторов [ветеранов добровольческих батальонов – *прим. авт.*], конечно может излечить и цивилизовать приехавшие в Донбасс украинские комбатанты»²³⁷. Таким образом, транслируя собственный военный опыт, ветераны боевых действий выступают полноценными актёрами политики памяти, формируя определённый, хотя и нецелостный, нарратив вокруг образа внутреннего врага, выстраиваемый в логике всестороннего (политического, культурного, исторического, темпорального) дистанцирования и деконсолидации, хотя подобные радикальные оценки не являются безусловно доминирующими во всём массиве украинской литературы, посвящённой войне на Донбассе²³⁸.

Концептуализируя (де)консолидирующую функцию образов войны в рамках социально-акторного подхода, заявленного как методологическая основа данного исследования, можно увидеть, каким образом память о войнах становится

---

²³⁵ Цит. по: Плеханов А. А., Герасимов В.К. Эссенциалистская парадигма национализма и будущее Донбасса в мемуарах бойцов украинских добровольческих батальонов // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 92.

²³⁶ Цит. по: Плеханов А. А., Герасимов В.К. Эссенциалистская парадигма национализма и будущее Донбасса в мемуарах бойцов украинских добровольческих батальонов // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 96.

²³⁷ Там же. С. 98.

²³⁸ Плеханов А.А., Герасимов В.К. Формирование украинского литературного канона о войне в Донбассе: эмоциональные матрицы нонкомбатантов // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 176-191.

фактором (де)консолидации различных социальных групп, речь здесь может идти не о нациях, а о менее крупных социальных группах, от лица которых и выступают конкретные акторы политики памяти.

В современной России можно привести несколько примеров того, как образы прошлых войн, в данном случае, Великой Отечественной войны, могут служить основой региональной идентичности субъектов РФ. Прежде всего, речь идёт о Волгоградской области и памяти о Сталинградской битве, которая до сих пор остаётся самым ярким событием в массовом историческом сознании волгоградцев (по данным опроса 2019 года от РФФИ и администрации Волгоградской области)²³⁹. Исследователи рассматривают «образ Сталинграда и Мамаева кургана как основу культурно-символического пространства Волгоградского региона»²⁴⁰ и подчёркивают, что «смыслы и образы исторических побед страны остаются основными объединяющими конструкциями для расколотого [многолетним политическим и управленческим кризисом в регионе – *прим. авт.*] сознания населения Волгоградской области»²⁴¹, а «сталинградские мотивы» выступают «доминирующей социальной мифологемой в политической идентичности населения»²⁴². В этой же связи стоит рассматривать и периодически возобновляющиеся разговоры о переименовании Волгограда в Сталинград²⁴³.

Другой пример фундаментальной роли военной истории территории в построении региональной идентичности – город федерального значения Севастополь. Основные исторические мотивы, формирующие региональную идентич-

---

²³⁹ *Мариненко В. И.* Проблемы формирования региональной идентичности ненациональных регионов на примере Волгоградской области // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. №. 2. С. 39 – 45.

²⁴⁰ *Морозов С.И., Кулешова Е.Л.* Региональные органы государственной власти и население Волгоградской области: векторы политической идентичности и коммуникативной стратегии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. №2. С. 111.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ *Ефанова Е.В.* Историческая справедливость в контексте современного дискурса «Царицын-Сталинград-Волгоград» // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2018 года. Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2018. С. 207-208.

ность севастопольцев, связаны с военными событиями: обороной Севастополя в 1854 – 1855 годах, событиями Гражданской войны (Севастополь как одна из точек исхода участников белого движения), обороной Севастополя в 1941 – 1942 годах. Причём отмечается, что севастопольская модель идентичности, основанная на образах военного прошлого, имеет «строгую географическую локализацию, которая обеспечивает разделение даже таких понятий, как «Севастополь» и «Крым»²⁴⁴. Также отмечается, что поддержание региональной (и локальной) идентичности жителей Севастополя имеет явную положительную корреляцию с активизацией участия в коммеморативных практиках, связанных, прежде всего, с военными событиями истории города²⁴⁵.

Функцию конструирования / деконструкции идентичности следует отличать от брендинговой функции образов военного прошлого, поскольку создание бренда* (территории, организации, конкретного военного события для последующего продвижения на соответствующем рынке) связано с экономическим использованием памяти о войнах, имеет теснейшую связь с коммерческой функцией. Более того, не будет преувеличением полагать брендинговую функцию как часть коммерческой, которая будет рассмотрена далее.

Культурно-дипломатическая функция образов войны в политике памяти обусловлена возможностью использования тех или иных военных коммемораций в качестве инструмента «мягкой силы». Память о войнах и соответствующие военно-исторические нарративы, с одной стороны, оказывают влияние на принятие политических решений в настоящем (как было отмечено выше, в главе 1, при рассмотрении работ Р. Писа²⁴⁶ и Л. Марча²⁴⁷), с другой стороны, выступают факто-

---

²⁴⁴ Сибиряков И.В. Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. Т. 1. №. 10. С. 206.

²⁴⁵ Тучина О.Р. Исторический опыт и коммеморативные практики в контексте национальной и локальной идентичности: кроссрегиональный анализ (Севастополь - Новороссийск) // Гуманизация образования. 2021. № 5. С. 45-59.

* В данной работе идентичность понимается как первичное по отношению к бренду, а не наоборот – в духе радикального конструктивизма.

²⁴⁶ Peace R. Contested Narratives in the United States over the Contra War (Nicaragua, 1980s) // Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 63 – 85.

ром актуальной внешней политики, формируя вокруг прагматических интересов ценностную консолидацию (в случае соучастия союзников в войнах или зарубежных походах армий) или демонстрируя военную мощь. Причём понятие «мягкая сила», используемая в классической неолиберальной трактовке, как раз позволяет рассматривать и политику памяти как многоакторное явление, где подобной культурной дипломатией через военные коммеморации могут заниматься не только государства. Ярчайший пример последних лет – кампания по демонтажу памятника И.С. Коневу в Праге, разворачивавшаяся в 2019 – 2020 годах, которая характеризовалась отсутствием единства среди чешской общественности и чешских властей по вопросам статуса и судьбы памятника советскому маршалу: с критикой действий муниципальных властей района Праги-6, инициаторов демонтажа, выступил тогдашний чешский президент М. Земан²⁴⁸.

Использование военных коммемораций в качестве инструмента внешней политики и культурной дипломатии не является новшеством последних десятилетий. Данный инструмент использовался и в российской внешней политике. К примеру, после победы в русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов на территории Османской империи были воздвигнуты памятник-часовня в Эрзеруме (построен в 1878 году, когда город был занят русскими войсками, после Берлинского трактата территория возвращена Турции) и храм-памятник в Сан-Стефано (открыт в честь 20-летия подписания Сан-Стефанского мирного договора). Сооружение этих коммемораций находилось в русле русской военно-исторической традиции и «преследовало две цели: обозначать и оберегать места захоронений русских солдат, во-первых, и напоминать о победах русского воинства, во-вторых»²⁴⁹. Показательно, что ни один из этих памятников не пережил Первую мировую войну.

---

²⁴⁷ *March L.* Going to War in Korea and Vietnam: The Decisions of Harry Truman and Lyndon Johnson) // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 53 – 63.

²⁴⁸ *Прибытков А.А., Чекменева Т.Г., Копань Ю.И.* Попытки фальсификации истории и итогов второй мировой войны: причины и проявления (к 75-летию со дня Великой победы) // *Проблемы социальных и гуманитарных наук.* 2020. №2 (23). С. 158-163.

²⁴⁹ *Жердева Ю.А.* // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов Международной научной конференции. Тамбов. 2015. С. 93.

Причём разрушение храма-памятника в Сан-Стефано было тесно вплетено в символическое пространство на фоне политико-дипломатического и идеологического противостояния развернувшейся войны: храм-памятник был разрушен 14 ноября 1914 года, через полторы недели после вступления Османской империи в войну против Антанты, разрушение православного памятника предварялось фетвой Шейха уль Ислама об объявлении джихада России, Англии и Франции. Кроме того, толпа, шедшая на погром памятника из Стамбула, изначально собралась напротив германского и австрийского посольств, само разрушение памятника активно освещалось в центральных младотурецких газетах, а русская пресса преподносила этот акт как «очередную проделку немцев, за подстрекательствами которых беспрекословно следуют слабовольные турки»²⁵⁰. Симптоматично, что жертвой той войны (памяти) стал и памятник русским воинам в Карсе, построенный в 1910 году и оказавшийся на территории Турции после передачи Карса по условиям Брест-Литовского мира. Памятник в Карсе был разрушен в октябре 1918 года, но в 2010 году, в рамках российско-армянского партнёрства (вспоминая и трагические события армянского геноцида в Османской империи), точная копия этого памятника появилась в армянском Гюмри, в 150 км. от Карса.

Способность памяти о войнах оказывать серьёзное влияние на политические решения и поддерживать / разрушать единство военно-политических коалиций, имеющих, казалось бы, серьёзные общие интересы, лежащие исключительно в прагматическом ключе, проанализирована в коллективной монографии «Британия и Франция в двух мировых войнах: правда, миф и память»²⁵¹ (2011). Авторы сборника исследуют взаимосвязь военной, дипломатической и культурной истории, показывая, как те или иные неудачи союзника, закреплённые в историографии, формируют общий негативный имидж и закладывают фундамент сомнений в боеспособности союзной страны. Британский военный историк У. Филпотт подчёркивает, что «негативный образ Франции и её армии, основанный, главным об-

---

²⁵⁰ Там же. С. 95.

²⁵¹ Britain and France in Two World Wars: Truth, Myth and Memory / Robert Tombs, Emile Chabal (eds) London, Bloomsbury Academic. 2013.

разом, на провале её методов и руководства, а не на недостатке мужества рядового состава, был сформирован на ранних стадиях написания истории войны, что создало основу для последующего восприятия Великобританией военных действий и характеристик её бывшего союзника»²⁵². В частности, подобное влияние прослеживается во взаимоотношениях британского военного руководства со «Свободной Францией» Ш. де Голля, подразделениям которой в планировании операций уделялась достаточно скромная роль; кроме того, британцы часто предпочитали напрямую взаимодействовать с местными ячейками сопротивления²⁵³. В угоду уже складывающейся историографии некоторые факты британско-французского военного взаимодействия, не вписывающиеся в официальную концепцию, подвергаются фактическому забвению. К примеру, авторы сборника отмечают, что до определённого момента в британской историографии мало внимания уделялось участию французских войск в битве на реке Сомма в 1916 году²⁵⁴ (правда, и в самой Франции эта битва оказалась «в тени» Верденского сражения как символа мужества французских солдат), почти ничего не говорилось о роли французских войск в Дюнкеркской операции 1940 года, прикрывавших отступление британцев, поскольку это участие не вписывалось в особый миф, сложившийся в Великобритании вокруг Дюнкерка²⁵⁵ (и нашедший своё отражение в том числе на международном уровне, к примеру, в военной драме «Дюнкерк» 2017 года реж. К. Нолана).

Трансформация военных коммемораций под влиянием политико-дипломатических изменений прослежена в книге американского историка Сэма Эдвардса «Память о союзниках. Вторая мировая война и политика американских

---

²⁵² *Philpott W.* Unequal Sacrifice? Two Armies, Two Wars? // *Britain and France in Two World Wars: Truth, Myth and Memory* / Robert Tombs, Emile Chabal (eds) London, Bloomsbury Academic, 2013. P. 53

²⁵³ *Albertelli S.* The British, the Free French and the Resistance // *Britain and France in Two World Wars: Truth, Myth and Memory* / Robert Tombs, Emile Chabal (eds) London, Bloomsbury Academic, 2013. pp. 119 – 137.

²⁵⁴ *Greenhalgh E.* 1918: The Push to Victory // *Britain and France in Two World Wars: Truth, Myth and Memory* / Robert Tombs, Emile Chabal (eds) London, Bloomsbury Academic, 2013. pp. 63 – 81.

²⁵⁵ *Alexander Martin S.* Dunkirk in military operations, myths and memories // *Britain and France in Two World Wars: Truth, Myth and Memory* / Robert Tombs, Emile Chabal (eds) London, Bloomsbury Academic, 2013. pp. 93 – 119.

коммемораций в Европе» (2015). Рассматривая военные коммеморации в Европе, в частности, в Восточной Англии и в Нормандии (посвящённые, соответственно, событиям воздушной битвы за Англию 1940 года и высадке в Нормандии 1944 года), С. Эдвардс отмечает, что условно «американская» составляющая коммемораций начинает превалировать с 1964 года (историк даже вводит термин «американизация») и всю вторую половину XX века служит эффективным поддерживающим механизмом трансатлантической солидарности. Влияние «американизации» наблюдается также в том, что военные коммеморации постепенно начинают приобретать формат коммерчески используемых объектов, т.е. параллельно с «американизацией» разворачивается «коммерциализация»²⁵⁶.

Отдельные военные коммеморации могут выступать своеобразным символическим мостиком для поддержания официальной дипломатической линии на фоне серьёзных разногласий вокруг событий прошлого. Примером такого учреждения можно назвать российско-немецкий военный музей «Берлин – Карлсхорст», после вывода российских войск из Германии вновь открытый в 2013 году. При наличии серьёзных расхождений в трактовке некоторых событий Второй мировой войны у российской и немецкой общественности (к примеру, по поводу интерпретаций некоторых событий Великой Отечественной войны, по поводу форматов празднования Дня Победы и т.д, что позволяет говорить даже о «войнах памяти»²⁵⁷) и при концептуальном расхождении российской и немецкой моделей политики памяти²⁵⁸ военный музей «Берлин – Карлсхорст» по настоящее время остаётся единственным именно межгосударственным учреждением, финансируемым и организованным при совместном участии правительств ФРГ и Российской Федерации.

---

²⁵⁶ *Edwards S.* Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, с. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p.

²⁵⁷ *Бубнов А.Ю., Комплев А.В.* Российско-немецкая «война памяти»: анализ современной онлайн дискуссии о Великой Отечественной войне // Наука. Общество. Оборона. 2020. №2 (23). С. 17.

²⁵⁸ *Ауст М., Обертрайс Ю., Хильбреннер А.* Историческая политика нуждается в политике разрядки // Россия в глобальной политике (13.07.2020) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-politika-razryadki/> (дата обращения: 07.09.2020)

Образовательно-воспитательная функция образов военного прошлого, рассматриваемая отдельно от легитимирующей и консолидирующей функций, проистекает, во-первых, из специфических задач самого образования и, в частности, преподавания военной истории, не сводимых к политико-идеологической деятельности и утверждению культурной гегемонии и подразумевающих сугубо дидактические цели, во-вторых, из существующего в мировой академической среде особого направления по изучению учебников по истории. Так, немецкий историк Й. Рюзен главную цель исторического образования видит не столько в дидактике, не в когнитивном и историко-политическом измерении преподавания истории (отвечающим, собственно, за образовательную и воспитательную функции соответственно), сколько в формировании исторического сознания, что оформляет третье – этическое – измерение учебного исторического нарратива²⁵⁹. В этой связи базовые исторические компетенции: компетенция восприятия и опыта, компетенция толкования и компетенция ориентации – должны соответствовать трём основным сторонам исторического сознания – эмпирической, теоретической и практической (принятие истории как продукта толкований и готовность интегрировать исторический опыт в свою собственную жизнь)²⁶⁰.

Российский историк К.А. Пахалюк предлагает считать это направление одним из ответвлений *memory studies*, поскольку рассмотрение учебников по истории здесь осуществляется «во взаимосвязи с более широким социальным, политическим, культурным, экономическим и образовательным контекстом»²⁶¹.

---

²⁵⁹ Рюзен Й. Идеальный учебник // Учебник: десять разных мнений (сборник статей) / Сост. Э. Баконис. Вильнюс. 2000.

²⁶⁰ Буллер А., Линченко А.А. Как писать историю поражений? Стратегии нарратива школьного учебника истории в контексте современного морального дискурса // Преподавание военной истории в России и за рубежом : сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ : Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 47 – 66.

²⁶¹ Пахалюк К.А. Преподавание военной истории в зарубежном академическом дискурсе (на основе обзора материалов журнала *Journal of educational media, memory, and society*) // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 16.

Истоки этого исследовательского подхода обнаруживаются в 1920-е – 1930-е годы, а активизируются исследования в этой области после 1945 года. Политологические аспекты этих исследований формируются вокруг проблем использования учебников как средств националистической и тоталитарной пропаганды, а впоследствии как механизмов «проработки» проблемного прошлого и недопущения «правого реванша»²⁶², шире – как механизм борьбы с этноцентризмом в массовом историческом сознании. Исследования проблемы этноцентризма в учебниках по истории (особенно применительно к событиям военной истории) существуют и в современном российском академическом дискурсе²⁶³.

В рамках *memory studies* исследования учебников истории и преподавания военной истории имеют несколько основных теоретико-методологических оптик. К.А. Пахалюк выделяет внутри этого блока пять проблемно-теоретических подходов: критика национально-ориентированного нарратива в преподавании военной истории («историографического национализма»), военная история в контексте «демократического транзита», национальное примирение в мультикультурных обществах, военная история как механизм проработки культурной травмы (связаны с изучением военных преступлений), влияние самих войн на написание учебников по истории²⁶⁴. Однако исследователь подчёркивает, что, при всей очевидной ангажированности учебников по истории, само их критическое рассмотрение в академическом дискурсе не всегда является ценностно нейтральным, а лежит

---

²⁶² Там же. С. 16 – 17.

²⁶³ *Линченко А.А., Ковригин В.В.* Этноцентризм и историческое сознание молодёжи в современном мире. Воронеж: Воронежский гос. пед. университет. 2014. 279 С.; *Фукс А.Н., Ковригин В.В.* Проблемы фальсификации истории Великой отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №2. С. 66 – 70; *Линченко А.А.* Чему учит победа? Стратегии преодоления этноцентризма в преподавании военной истории в эпоху глобализации // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сборник статей по итогам II всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 октября 2019 года / Под редакцией К.А. Пахалюка. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2019. С. 13 – 34.

²⁶⁴ *Пахалюк К.А.* Преподавание военной истории в зарубежном академическом дискурсе (на основе обзора материалов журнала *Journal of educational media, memory, and society*) // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 13 – 46.

скорее в духе доминирующей на западе космополитической культуры памяти: «к сожалению, в некоторых случаях ценностная ориентация и осуществляемая критическая процедура настолько сильно переплетены, что заставляют усомниться в академической беспристрастности автора»²⁶⁵. Тем самым, те или иные интерпретации образов войны могут выступать инструментами политики памяти как на уровне изложения в учебных материалах, так и на уровне академического критического анализа.

В сравнении с западным академическим дискурсом К.А. Пахалюк отмечает, что «повышенное внимание к военным сюжетам является, скорее, российской особенностью»²⁶⁶ исследования преподавания истории. Более того, именно военная история становится в современной России основой для патриотического воспитания молодёжи, а использование образов героического военного прошлого России в образовательных целях является логичным следствием их легитимирующей и консолидирующей функции, поскольку патриотизм в России, в силу неприятия российской политической культурой конфликта как неотъемлемой части политики, выступает консолидирующей идеей. А в условиях отсутствия внятного проекта будущего, разделяемого большинством граждан России, отечественные исследователи фиксируют постепенное превалирование в патриотическом воспитании державно-военизированных аспектов над гражданскими²⁶⁷. Причём образовательно-воспитательный функционал военной истории в патриотическом воспитании значительно усиливается в связи с тем, что «патриотическое воспитание само по себе направлено исключительно на молодёжь»²⁶⁸. Доминирование военной тематики в патриотизме вплоть до смешения и синонимичного употребления понятий (военно)-патриотическое воспитание обусловлено также и

---

²⁶⁵ Там же. С. 19.

²⁶⁶ Там же. С. 15.

²⁶⁷ Магарил С.А. Смыслы патриотизма — исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 145.

²⁶⁸ Пахалюк К.А. Обращение к истории в контексте теоретико-методологических дискуссий о патриотическом воспитании // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сборник статей по итогам II всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 октября 2019 года / Под редакцией К.А. Пахалюка. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2019. С. 182.

необходимостью решения ряда прагматических задач, к примеру, подготовка военных кадров и работа с допризывниками²⁶⁹. Другая сторона прагматичности военной истории в разговоре с молодёжью о патриотизме – удобство использования конкретных исторических примеров и интуитивная понятность аналогий с современностью. К.А. Пахалюк отмечает, что «военная история дает не просто образцы героизма, она обращается к сложным событиям, связанным с гибелью людей, с добровольным самопожертвованием, а потому обладает потенциально мощным эмоциональным зарядом. На практике различные сюжеты <...> интерпретируются, превращаясь в примеры служения государству. При этом теряется не только историческая специфика войн, но даже неудачные кампании <...> перерабатываются в героическом духе, что делает затруднительным извлечение уроков и приводит к порождению «неудобных фактов», с трудом поддающихся логичной интерпретации при данном подходе»²⁷⁰. Подобные дискурсивные стратегии можно представить и как стратегии деполитизации / деконтекстуализации памяти о войнах, что будет более подробно рассмотрено далее.

Использование образов военного прошлого в образовательно-воспитательных целях, кроме патриотизма, сталкивается и с другой сложной, но необходимой задачей – интерпретация военных поражений. Исследователи А. Буллер и А.А. Линченко выделяют три основные стратегии этической интерпретации военных поражений: стратегия исторической ответственности (характерная для немецких учебников об истории Второй мировой войны, где военное поражение Третьего рейха подаётся как общая победа внутренних и внешних антинацистских сил), стратегия жертвы (характерная для польской учебно-исторической литературы, где в центре находится образ нации-жертвы и иррационального героя, обречённого на поражение) и стратегия оценки поражений в контексте общего преваширования побед и преемственности воинской доблести (характерная для российской учебно-исторической литературы, где поражениям уделяется краткое

---

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. С. 186 – 187.

фактографическое описание на фоне общей победной патетики)²⁷¹. Рассматривая все эти три стратегии как разновидности этики убеждения, в основе которой – ссылка на трансцендентный для личности ученика нравственный авторитет, авторы исследования в интерпретации поражений предлагают перейти к этике ответственности, в основе которой – формирование исторического самосознания ученика, личного отношения к поражению, рассмотрение долгосрочной перспективы развития страны или какой-либо общности, актуализация диалога об альтернативности этого развития. Отметим, что постановка подобных вопросов и реформатирование этики убеждения в этику ответственности может быть успешно задана методологической рамкой агонистической политики памяти.

Рассмотрение **коммерческой функции** образов военного прошлого, с включением в неё брендинговой функции, затрагивает сразу несколько вопросов экономического использования памяти о войнах. С одной стороны, популярные образы войны и «места памяти», связанные с войнами, могут использоваться напрямую в коммерческих целях негосударственными акторами (музеи, туризм, сувенирная продукция и т.д.), с другой стороны, государственные акторы (сюда же можно отнести и органы местного самоуправления) и институты гражданского общества могут использовать память о войнах как ресурс для формирования бренда территории, для привлечения туристических и инвестиционных потоков.

Создание «мест памяти», помимо прямого символического значения, может также исходить из определённой социально-экономической логики. К примеру, музей в небольшом словенском городе Кобарид (итал. Капоретто) посвящён сражению у Капоретто (или двенадцатой битве при Изонцо) в 1917 году, где итальянские войска потерпели крупное поражение от германо-австрийских войск. Авторы проекта UNREST, исследовавшие кейсы музеализации памяти о войнах в современной Европе, подчёркивают, что само возникновение музея преследовало, среди прочего, экономическую цель привлечения туристического потока из со-

---

²⁷¹ Буллер А., Линченко А.А. Как писать историю поражений? Стратегии нарратива школьного учебника истории в контексте современного морального дискурса // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей. М.: «Нестор-История», 2018. С. 47 – 66.

седней Италии. Более того, данная логика оказала влияние и на само содержание музейной экспозиции. Представители местного самоуправления г. Кобарида, по чьей инициативе и появился музей, заявляют, что «было решено не углубляться в вопросы, которые могли бы вызвать чувства унижения у итальянских посетителей, например, о гибели и сдаче в плен врагу тысяч итальянских солдат после Двенадцатой битвы [при Изонцо – прим. авт.]», а экспозиция подчёркивает заслуги всех солдат и носит явный антивоенный характер²⁷².

Тенденцию на коммерциализацию памяти можно рассматривать не как изъясн и не как побочное использование символических ресурсов, а как переформатирование самой памяти в западных обществах. Коммерциализация памяти выступает, в таком случае, одним из объективных следствий общей десакрализации памяти. Дж. Мосс писал о том, что военные мемориалы во второй половине XX века утрачивают свою «литургическую», сакральную функцию и приобретают «утилитарную» функцию. Превращение же общей «утилитарности» мемориала (парков, садов, библиотек как части комфортного современного культурно-досугового пространства) в коммерчески выгодный объект в таком случае – лишь вопрос времени. Подобный этому цикл трансформаций военных коммемораций в Европе, посвящённых Первой мировой войне, прослеживает Дж. Уинтер, говоря о постепенном переходе от поминовения (причём иногда календарно привязанного к религиозным праздникам) к «рутинизации» и связывая этот процесс с активным участием тех или иных социальных групп, заинтересованных в трансляции, прежде всего, личной памяти и личного траура²⁷³.

Схожую тенденцию прослеживает американский историк С. Эдвардс на примере американских военных коммемораций в Нормандии, причём описывает он эти трансформации и в схожих терминах постепенной десакрализации. Так, до 1970-х годов формат посещения памятных мест С. Эдвардс описывает термином «pilgrimage» - паломничество. Однако к 1980-м годам фигура «паломника» посте-

---

²⁷² Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // International Journal of Heritage Studies. 2018. P. 5.

²⁷³ Уинтер Дж., Николаи Ф.В. Места памяти и тени войны // Вестник Мининского университета. 2016. №1-2 (14). С. 9.

пенно сменяется фигурой «туриста», потребителя определённых услуг и покупателя определённых товаров. Эта трансформация памяти «долгое время преломлялась через язык, имеющий религиозный оттенок»²⁷⁴. В связи с чем «подлинное» (authentic) – строительство мемориалов, «паломничество», деятельность «тех, кто там был» (ветеранов), противопоставляется «искусственному» (artificial) – коммерции, туризму, продаже сувениров, деятельности «других», нуворишей от зародившейся мемориальной индустрии. Но С. Эдвардс не склонен видеть в этом радикального разрыва или деградации памяти. Напротив, как подчёркивает автор, само слово «сувенир» (фр. *souvenir*) имеет значение «память». Более того, «если сувениры позволяют посетителю <...> взять с собой частичку своего путешествия домой и тем самым получить осязаемое напоминание об этом путешествии, то <...> такие предметы служат цели, аналогичной цели реликвий, часто сомнительного происхождения, которые покупали предыдущие поколения паломников, посещавших священные места»²⁷⁵. Тем самым, концепт «паломничества» «не разверзает пропасть между «подлинным» и «искусственным», между коммеморацией и коммерцией»²⁷⁶. Причины усиливающейся коммерциализации памяти в 1980-е годы исследователь видит не только в экономических факторах, но и в востребованности чувства памяти, ностальгии по 1940-м годам²⁷⁷ и в экономических начинаниях самих ветеранских сообществ, причём по обе стороны Атлантики. В условиях отдаления военных лет в историческом времени и постепенного ухода живых участников событий ветеранские организации стремились донести свою память через распространение военной атрибутики и включение коммеморативных практик в культурно-событийное пространство и туристическую отрасль. К тому же, С. Эдвардс усматривает и геополитические причины усиливающейся коммерциализации: крах социалистического лагеря и распад СССР снизил политико-

---

²⁷⁴ *Edwards S. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. P. 209.*

²⁷⁵ *Ibid P. 217*

²⁷⁶ *Ibid.*

²⁷⁷ *Ibid. P. 218.*

дипломатическое и трансатлантическое значение американских коммемораций в Европе²⁷⁸.

Тем не менее, существует определённый конфликт между коммеморацией и коммерцией, как на уровне теоретического рассмотрения, так и на уровне конкретных практик. В частности, С. Эдвардс подчёркивает, что «описывать решение ветерана постоять над могилой товарища как простой вопрос «потребления культуры» – фраза, часто применяемая к туризму, – в лучшем случае бесчувственно, а в худшем – просто оскорбительно»²⁷⁹. Начало «фазы коммерциализации» мемориалов в Нормандии исследователь обозначает 1984-ым годом, когда, со свойственной предпринимательской расчётливостью, мемориальные объекты были наполнены различными торговыми точками к 40-летию высадки в Нормандию и к приезду ветеранов из США. Подобное изменение культурного ландшафта вызвало неоднозначную реакцию и во французском обществе, где полагали, что «в данном случае такая эксплуатация была особенно оскорбительной, потому что ветеранов <...>, которые ранее заплатили за эти пляжи своей кровью, теперь просили заплатить ещё и долларами»²⁸⁰.

Подобный дисбаланс между коммеморацией и коммерцией (в пользу последней) можно наблюдать и в современной России. Так, большие скандалы почти ежегодно вызывает коммерческое использование символов Победы в Великой Отечественной войне (например, георгиевские ленточки на алкогольной продукции). В Волгограде в 2017 году образы скульптуры «Родина-мать» использовались в рекламе пива²⁸¹, кроме того, неоднозначную реакцию вызывает изображе-

---

²⁷⁸ Ibid. P. 202.

²⁷⁹ Ibid. P. 217.

²⁸⁰ Ibid. P. 201.

²⁸¹ В Волгограде «Родина-мать» и георгиевская лента стали лицом рекламы пива // Кривое зеркало.ру, Интернет-газета о жизни Волгограда, области и России. (10.07.2017) URL: <https://krivoe-zerkalo.ru/content/v-volgograde-skulptura-rodina-mat-i-georgievskaya-lenta-stali-litsom-reklamy-piva.html>

ние данной скульптуры на различной сувенирной продукции, в том числе на открывалках для пивных бутылок²⁸².

Как бы то ни было, на сегодняшний день коммерческое использование военных коммемораций и «мест памяти» является неотъемлемой частью индустрии т.н. «тёмного туризма» (dark tourism), связанного с посещением мест сражений и массовой гибели людей (в т.ч. тюрьмы, концлагеря, места терактов и т.д.)²⁸³. Посещение мест сражений, масштабные исторические реконструкции с привлечением туристов также являются частью «военного туризма»²⁸⁴. В этой связи интересно отметить, что упомянутый выше Б. Скейтс, рассматривая индустрию «военного туризма» австралийцев в места боёв Первой мировой война на Галлиполийском полуострове, также именуется такие путешествия «паломничеством». Коммерциализация памяти не препятствует «эмоциональному контакту с прошлым», поскольку Галлиполийское сражение до сих пор остаётся «частью представлений австралийцев о самих себе», частью их семейной памяти и даёт уроки молодым австралийцам «о безумии империй, о необходимости примирения и о человеческом измерении войны»²⁸⁵. Коммерческий аспект здесь лишь идёт в дополнение к символическому, поскольку в самой Австралии события 1915 года, связанные с высадкой в Галлиполи, занимают одно из центральных мест в политике памяти и широко празднуются: 25 апреля (день высадки) отмечается как день АНЗАК (Австралийский и новозеландский армейский корпус) и момент рождения Австралийской нации, а военный мемориал в Канберре с высеченными именами погиб-

---

²⁸² Про брэнд и символы Волгограда (Анна Степанова) // LiveJournal (03.12.2012) <https://anna-stepnova.livejournal.com/131609.html>

²⁸³ Stone P.R. Dark Tourism Consumption – A call for research // e-Review of Tourism Research (eRTR), Vol. 3, No. 5, 2005. pp. 109 – 117.

²⁸⁴ Тумова Е. А. Военный туризм как новое направление на туристском рынке // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. 2004. №. 2. С. 248.

²⁸⁵ Scates B.C. // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. P. 72.

ших австралийских солдат по форме напоминает Собор Святой Софии в Стамбуле²⁸⁶.

Развлекательную функцию (инфотейнмент) образов военного прошлого стоит рассматривать именно после анализа коммерческой функции и тенденции коммерциализации памяти, поскольку коммерциализация образов и символов (как прошлого, так и настоящего) осуществляется через массовую культуру, сущностными чертами которой являются ориентация на прибыль и определённое упрощение содержания и используемых образов для создания развлекательного продукта (опять-таки, в целях его большей коммерческой эффективности).

Часто коммерциализацию памяти и тенденцию на превращение памяти в часть развлечения рассматривают в рамках одной стратегии. К примеру, Дж. Мосс говорил о «тривиализации» памяти о войнах²⁸⁷ как встраивании образов войны в предметы повседневного быта, сувениры, открытки и т.д., трактовка памяти как шоу в контексте тривиализации также встречается в ряде современных работ (Д. Леви, Н. Шнайдер²⁸⁸). Профессор из университета Глазго Э. Хоскинс говорит о новой среде функционирования истории и новом восприятии исторического времени, обусловленных не научным мировоззрением, а законами функционирования цифровых технологий, средств массовой информации и массовой культуры²⁸⁹. Подчёркивается, что интерес к медийной репрезентации истории как новой форме памяти часто обусловлен скорее коммерческим интересом, «история всё больше становится потребительским переживанием и всё больше подчиняется законам жанра блокбастера или Голливуда. Знание и отношение к историческим событиям общество получает во все возрастающей степени из контекста поп-

---

²⁸⁶ *Inglis K. World War One Memorials in Australia // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1992. Vol. 167. P. 51-58.*

²⁸⁷ *Moss G.L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990. P. 126*

²⁸⁸ Цит. по: *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления *memory studies* в Германии // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 86.*

²⁸⁹ *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge, 2017. 325 p.*

культуры, развлечений и удовольствий»²⁹⁰. Е.И. Махотина приводит ряд терминов, концептуализирующих данную тенденцию: Histo-tainment, диснеификация, ивентизация памяти (исторические события как коммерциализированный ивент) – и заключает, что современная культура воспоминания делится на память «высокого качества» (памятники, музеи, мемориалы) и «низший сорт» памяти в среде поп-культуры, где целью является не образование, а развлечение»²⁹¹. Отражение образов (военного) прошлого в кинематографе, преимущественно массовом, является предметом исследования особого междисциплинарного комплекса cinema memory²⁹².

Тем не менее, существование образов военного прошлого в таком облегчённом и упрощённом формате не отменяет их политико-идеологического содержания. Так, Н. Данилова отмечает, что символы воинской доблести и военного прошлого (например, красный мак в Великобритании или георгиевская лента в России) встроены в потребительскую и развлекательную культуры, при этом выступают символом определённого политического конформизма²⁹³.

Массовая культура используется как способ репрезентации определённой памяти о войнах не только со стороны коммерческих акторов (издательств, киностудий, разработчиков видеоигр и т.д.). В частности, интерес к агентам массовой культуры и их возможностям трансляции военного опыта проявляли ветеранские организации США во второй половине XX века. М. Керен связывает этот интерес с общим переформатированием памяти (и политики памяти) от героизации к виктимизации, с чем не были согласны представители ветеранских организаций. М. Керен концептуализирует способы трансляции массовой культурой памяти о вой-

---

²⁹⁰ *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии. // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 86.

²⁹¹ Там же.

²⁹² *Шуб М.Л.* Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа // Научный журнал «ДискурсПи». 2020. № 3 (40). С. 88–100. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10306

²⁹³ *Danilova N.* The politics of war commemoration in the UK and Russia. University of Aberdeen, UK. 2015. P. 114.

нах через понятие «**коммодификация**», которую определяет как «частно ощущаемые публичные воспоминания»²⁹⁴, т.е. как способность сделать образы и нарративы прошлого лично ощущаемыми и широко доступными для людей. В свою очередь, Керен ссылается на теоретические наработки А. Ландсберг, которая такой способ памятования, основанный на восприятии прошлого через продукты массовой культуры, называет «протезированная память» (prosthetic memory) – воспоминания, «которые развиваются после встречи с репрезентацией прошлого в массовой культуре, когда новые образы и идеи вступают в контакт с собственным архивом опыта человека»²⁹⁵.

Массовая культура как пространство военных коммемораций особенно востребована в процессе перехода памяти о войнах из формата коммуникативной памяти в культурную память (в связи с уходом живых участников событий). К примеру, британский историк Д. Тодман, рассматривая торжества, посвящённые 90-летней годовщине битве на Сомме, отметил, что это первый крупный юбилей, в котором уже не участвовали живые ветераны, но реконструкция событий с помощью современных медиа-технологий (в частности, медиа-репрезентации семейной памяти) позволили достичь «сильного чувства памяти»²⁹⁶. Эти же вопросы становятся актуальными и для современной России, где в процессе перехода памяти из коммуникативной в культурную находятся события Великой Отечественной войны. В этой связи активизируются дискуссии вокруг содержания современных фильмов, посвящённых войне²⁹⁷, а те или иные интерпретации этих

---

²⁹⁴ *Keren M.* Introduction // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. P. 4.

²⁹⁵ *Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York, 2004. P. 16.

²⁹⁶ *Todman D.* The Ninetieth Anniversary of the Battle of the Somme // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. pp. 22 – 41.

²⁹⁷ *Хохлов В. А.* Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем // Новый исторический вестник. 2010. №23; *Кувшинов Д.Ю.* Искажение исторических фактов о Великой Отечественной войне в современном игровом кино // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. №1(4). С.11-14.; *Лямзин А.В.* Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. №1. С. 73 – 80; *Макаров Д.В., Дронов В.А.* Динамика образа врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // Власть. 2013. №2. С. 160 - 163; *Дронов В.А.* Историческая и атрибутивная досто-

фильмов, существующие в медийном пространстве, становятся предметом научного анализа²⁹⁸.

Образы войны в массовой культуре могут выполнять также терапевтическую функцию. Американский социолог Артур Нил, рассматривая тему ядерной войны в массовой культуре, прослеживает преемственность между образами, связанными с атомными бомбардировками августа 1945 года, и страхами и тревогами американского общества в годы холодной войны. В условиях нагнетания напряжённости (особенно в эпоху маккартизма) и «свежей» исторической памяти о реальном применении ядерного оружия выход этим страхам нашёлся в массовой культуре, где наряду с конструированием травмы имели место юмор и рефлексия²⁹⁹.

При этом массовая культура, в силу необходимости работать на самую широкую аудиторию, прорабатывает прошлое не всегда так «аккуратно», как привычные, традиционные формы военных коммемораций. Канадский культуролог Б. Бити, рассматривая комиксы о супергероях как военную коммеморацию (исследователь анализирует отражение терактов 9/11 и последующей операции в Афганистане в линейке комиксов о Капитане Америке), делает вывод, что традиционные военные мемориалы «стремятся к консенсусу» через «минимизацию дву-

---

верность изображения врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // *Власть*. 2013. №4. С. 182 - 186; *Тимохов В.П.* О деструктивном влиянии на общественное сознание некоторого российского кино о Великой Отечественной войне // *Государство. Право. Война* (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под редакцией Н.С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 1909-1918.; *Шуб М.Л.* Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа // *Научный журнал «ДискурсПи»*. 2020. № 3 (40). С. 88–100. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10306

²⁹⁸ *Белов С.И.* Videоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино // *Информационные войны*. 2019. №1 (49). С. 89 – 94; *Белов С.И.* Российская мемориальная политика в зеркале блогосферы (на материалах кинообзоров видеоблогеров) // *Вестник российской нации*. 2018. №3. с. 169 – 178.

²⁹⁹ *Neal A.* Nuclear War and Popular Culture // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration*. pp. 92 – 105.

смысленности». В то время как массовая культура работает «неуклюже» и создаёт противоречия³⁰⁰.

Трансляция военного опыта через комиксы рассматривается и в работах отечественных исследователей. В.К. Герасимов и А.А. Плеханов, анализируя современные украинские комиксы, посвящённые военно-патриотической и исторической тематике, убедительно иллюстрируют способность негосударственных акторов политики памяти формулировать и продвигать определённые стратегии политики памяти, в условиях негибкого и нецелостного подхода украинского государства в этом вопросе. Военная тематика и связанные с ней манипуляции с историческими травмами находят в комиксах своё отражение в самых разных аспектах: от псевдодокументальной хроники боёв на Донецкий аэропорт в 2014 – 2015 годах до альтернативной истории Гражданской войны начала XX века и приключений современных украинских супергероев. Авторы исследования отмечают, что на Украине сложилась парадоксальная ситуация, когда негосударственные акторы в условиях слабости государственных культурных институций взяли на себя функцию идеологического обоснования позиции Украины по поводу исторических событий прошлого и в незавершённом ныне вооружённом конфликте на Юго-Востоке страны. Причём авторы комиксов стремятся реализовать сразу несколько стратегий политики памяти: глорификацию, виктимизацию, дегуманизацию (и демонизацию*) персонажей, ассоциируемых с Россией (российские исторические фигуры, пророссийские военные формирования на Донбассе) и определённую терапию исторической травмы (в частности, в жанре альтернативной истории Украина предстаёт могущественной милитаризованной империей с территорией в разы больше современной)³⁰¹.

---

³⁰⁰ *Beaty B. The Superhero Comic Book as War Memorial // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. pp. 120 – 135.*

* Демонизация в самом прямом значении: Сталин в образе демонообразного робота или Красная армия в виде солдат-зомби.

³⁰¹ *Герасимов В.К., Плеханов А.А. Демонообразный клон Сталина, дизельпанк-гетманат и «киборги»: украинский комикс как пространство политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 414- 437.*

§3. Основные стратегии политики памяти о войнах

В современной российской академической литературе, посвящённой *memory studies*, понятие «стратегии политики памяти»³⁰² встречается довольно часто: так, говорят о государственных стратегиях политики памяти³⁰³, в том числе в какой-то определённой области³⁰⁴, стратегиях политики памяти отдельных акторов³⁰⁵. Встречаются интерпретации самой политики памяти как совокупности стратегий³⁰⁶. В рамках данной работы в качестве рабочего определения «стратегии политики памяти» будет использоваться определение О.Б. Леонтьевой понятия «стратегия памяти», или «мнемоническая стратегия». В узком смысле исследователь формирует определение как «пути трансформации воспоминаний в рамках социальной памяти»³⁰⁷, где акцент делается на практическом «встраивании» индивидуальных воспоминаний в целостную картину «общего прошлого». В данном случае речь идёт преимущественно о государственных стратегиях политики памяти, селекции индивидуальных воспоминаний для приоритетной цели консолидации крупной социальной общности. Более релевантным определением для

---

³⁰² Аникин Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 2. С. 34–38. ; Линченко А.А., Аникин Д.А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник ВятГУ. 2018. №1. С. 19 – 25.

³⁰³ Титов В.В. Политика памяти и формирование национальногосударственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. №3. с. 45 – 57; Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. №2. С. 21.

³⁰⁴ Шуб М.Л. Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа // Научный журнал «ДискурсПи». 2020. № 3 (40). С. 88–100. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10306 ; Белов С.И. Перспективы использования видеоигр с историческим сюжетом как инструмента политики памяти Российской Федерации // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 4(68). С. 1089-1096. DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.013.

³⁰⁵ Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // *Logos et Praxis*. 2012. №3. С. 126 – 131; Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9-25. DOI 10.17976/jpps/2018.01.02.

³⁰⁶ Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *Полития*. 2013. №4 (71). С. 114 – 126.; Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // *Дискурс-Пи*. 2017. №3-4 (28-29). С. 18.

³⁰⁷ Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 83.

целей данного исследования представляется трактовка О.Б. Леонтьевой стратегии памяти в широком смысле (исследователь также использует понятие «сценарии памяти») – «внутренняя логика формирования представлений о прошлом, направленная на утверждение того или иного типа коллективной идентичности»³⁰⁸. Несмотря на фокусирование вокруг функции консолидации, можно отметить, что подобное определение более подходит и для анализа стратегий негосударственных акторов, поскольку любой актер, транслирующий свою репрезентацию памяти о войне, реализует одновременно явные и латентные функции, преследует цели консолидации своей структуры, легитимации в существующей системе социальных и политических отношений.

О.Б. Леонтьева, обобщая опыт отечественных и зарубежных исследований, выделяет три дихотомических пары основных стратегий памяти: героизация – виктимизация, ностальгия – рессентимент, нормализация прошлого – проработка прошлого³⁰⁹.

Формулируя основные стратегии репрезентации памяти о войнах, необходимо учитывать специфику войны как особого предмета политики памяти, связанного с сильнейшим эмоциональным отпечатком, травмирующим характером войны и долговременными социально-экономическими и демографическими последствиями. В этой связи, обобщая опыт современной теоретико-методологической рефлексии вокруг памяти о войнах, предлагается выделить следующие основные стратегии обращения к войне в рамках политики памяти:

- **забвение;**
- **героизация / сакрализация;**
- **травматизация / виктимизация** (внутри данной стратегии можно выделить стратегию **медиализацию** памяти о войне как способ проработки травмы);
- **тривиализация;**
- **деполитизация / деконтекстуализация.**

---

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же.

Стратегия героизации / сакрализации памяти о войнах традиционно рассматривается в контексте нациестроительства и может быть представлена как доминирующая стратегия для реализации таких функций образов войны, как консолидация и легитимация. Тем не менее, через героизацию военного прошлого вполне могут быть реализованы и прочие функции.

Фигура героя рассматривается как фундаментальная составляющая социальной (и, как следствие, исторической) мифологии общества. Психолог Д. Кэмпбелл в своей работе «Тысячеликий герой» представил концепцию, согласно которой миф о герое является глубинным архетипом, воспроизводимым и в архаичных культурах, и в величайших произведениях искусства, и в современной массовой культуре. Миф о герое является фундаментом социальных взаимодействий, предельным выразителем и коллективности, и индивидуальности³¹⁰.

Российский исследователь А.Г. Иванов подчёркивает неразрывную связь героя и сакрального. «Герой наглядно показывал, каким образом нужно верно отправлять определенное сакральное действие в повседневной жизнедеятельности, в сфере профанного. Герой был фигурой, которая придавала жизни устойчивость, даже предсказуемость; фигурой, творящей реальность взамен хаотичного состояния. Кроме того, на процесс создания образа того или иного героя влияло и распределение в общественной жизни сакральных сил»³¹¹. Исследователь отмечает, что миф о герое претендует на статус «глобального мифа», объединяющего в себе «архаический» пласт социальной мифологии (миф в понимании психоанализа) и «конъюнктурный», связанный с политико-идеологическими интенциями (миф в понимании Р. Барта) и способный выступать инструментом политики памяти³¹².

---

³¹⁰ Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой: пер. с англ. Москва: Рефл-Бук ; Киев : Ваклер, 1997. 384 с.

³¹¹ Иванов А.Г. Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №441. С. 84.

³¹² Там же. С. 82

Наличие мифологии героя прослеживается, к примеру, в марксизме, где коллективным героем выступает пролетариат³¹³, в исследованиях семейной памяти³¹⁴, в мемориальном и идеологическом дискурсе вокруг фигуры И.В. Сталина³¹⁵.

Говоря о героизации военных аспектов жизнедеятельности общества, войны в целом и военнослужащих как основного пантеона героев, необходимо подчеркнуть, что становление военной службы как высшей гражданско-патриотической добродетели связано с процессом модернизации, постепенного перехода от профессиональной, наёмной армии к всеобщей воинской повинности. Этот процесс историк К.А. Пахалюк и связывает с формированием «героических обществ» (тех самых, о которых писал Дж. Л. Мосс). «Нормы и практики военных корпораций претендуют теперь на статус общегражданских добродетелей. Соответственно, на уровне культуры образы войны конструировались посредством прогрессивного нарратива, который зачастую являлся одновременно и национально-ориентированным: войны превращались в героическую борьбу нации против различных врагов, посредством победы над которыми удавалось обрести национальное единство, а боевые подвиги становились примерами служения Отечеству вне зависимости от того, что реально думал, чувствовал и делал комбатант на поле боя»³¹⁶. Однако разрушительные последствия мировых войн, демографический переход в развитых западных странах, ослабление национальных государств, появление оружия массового уничтожения, критическое восприятие населением военной мобилизации привели к формированию того, что М. Говард (применитель-

---

³¹³ *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. М. : Академический проект, 2000. 222 с.

³¹⁴ *Иванов А.Г.* Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №441. С. 85.

³¹⁵ *Прилуцкий А.М.* «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95. *Линченко А.А., Иванов А.Г.* «Живите тыщу лет, товарищ Сталин...» Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. 2017, №59. М.: «Диалог со временем». С. 116 – 135.; *Линченко А.А., Иванов А.Г.* Что нам делать с мифами о Сталине? // Вестник Томского государственного университета. 2017, №425. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 91 – 99.

³¹⁶ *Пахалюк К.А.* Образы войны в современной культуре // Барабанов О., Пахалюк К., Уль М. Не забудем, но простим? Образы войны в культуре и исторической памяти. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., май 2020. С. 18.

но к американскому обществу конца XX века) и Г. Мюнклер назвали «постгероическим обществом»³¹⁷, как принципиально иным способом восприятия войны: военные потери теперь трактуются не как спасительная жертва, а как возмещение ущерба, своего рода издержка, которую необходимо свести к минимуму. Соответственно, меняется и военный нарратив: от прогрессивного он постепенно сводится к трагическому, ставя в центр внимания фигуру пассивной жертвы, чья смерть не ведёт ни к чему.

Важно то, что жертва (как со стороны комбатантов, так и со стороны нон-комбатантов) поддается как в целом бессмысленный акт, не ведущий ни к какому искуплению, победе, демонстрации силы духа и т.д. В традиционных, или прогрессивных, военных нарративах герой вовсе не обязательно достигает уверенной военной победы. Даже в современных военных дискурсах некоторых стран мы можем видеть фигуру героя-жертвы. Так, подобный исторический образ нации-жертвы транслируется в польских учебниках истории³¹⁸, в мемуарах украинских ветеранов боевых действий на Донбассе³¹⁹ (причём в обоих случаях стратегия героизации является реализацией консолидирующей функции через фигуру жертвы). Однако общий героико-патриотический пафос данных нарративов сохраняется, в этом смысле они могут рассматриваться как прогрессивные, где жертва и война имеют смысл. Принципиально иной взгляд на фигуру жертву порождает и принципиально иную стратегию политики памяти.

Стратегия травматизации / виктимизации памяти о войне является антиподом героизации и, как было отмечено выше, выступает неотъемлемой частью дискурса постгероического общества.

---

³¹⁷ *Howard M. The Invention of Peace: Reflections on War and International Order. New Haven: Yale University Press, 2000. 113 p.; Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М., 2018. 321 с.*

³¹⁸ *Буллер А., Линченко А.А. Как писать историю поражений? Стратегии нарратива школьного учебника истории в контексте современного морального дискурса // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей. М.: «Нестор-История», 2018. С. 47 – 66.*

³¹⁹ *Плеханов А. А., Герасимов В.К. Эссенциалистская парадигма национализма и будущее Донбасса в мемуарах бойцов украинских добровольческих батальонов // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 88 – 104.*

На развитие травматического дискурса памяти о войнах повлияло то обстоятельство, что концепты исторической памяти и культурной памяти о трагедиях прошлого (в понимании Я. Ассмана и А. Ассман) развивались параллельно друг к другу и испытывали взаимозависимость. В этой связи устоявшимся стало мнение, согласно которому существовавшие в эпоху Модерна концепты героизма и самопожертвования ради высокой идеи больше не подходят для анализа коллективной памяти, центральное место должна занять фигура (пассивной) жертвы.

Применительно к памяти о войнах были предприняты попытки применить концепт «прикрывающей памяти» Д. Динера (имеющий аналогии с понятием *screen-memory* в психоанализе) к событиям Второй мировой войны: в частности, французский историк А. Руссо сформулировал понятие «синдром Виши» по отношению к французской коллективной памяти о коллаборационизме и военных преступлениях нацизма (невозможность помощи жертвам Холокоста в условиях немецкой оккупации)³²⁰.

Тотальное господство «травматической», виктимной рамки памяти ведёт к общей теоретической перегрузке этого концепта. Высказывая критические соображения, исследователи подчёркивают, что в максиме своей такая парадигма предлагает рассматривать всю историю³²¹ или, по крайней мере, западную модерность³²² как травму. Причём В. Канштайнер подчёркивает, что отражение той или иной травмы в культурной памяти часто связано не с запоздалой памятью общества об этом событии, а с определённым менеджментом воспоминаний³²³, т.е. речь идёт о политике памяти и конструировании травмы. Подобная интерпрета-

---

³²⁰ *Roussio H.* The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944. Cambridge: Harvard University Press. 1991. 392 p.

³²¹ *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory. A methodological critique of collective memory studies. // *History and Theory*. V. 41. 2002.

³²² *LaCapra D.* History and memory after Auschwitz. Ithaca, 1998. 214 p.

³²³ *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory. A methodological critique of collective memory studies. // *History and Theory*. V. 41. 2002.

ция травмы как конструкта и продукта политики памяти нашла своё отражение в социологическом подходе к анализу культурной травмы³²⁴.

Другое проблемное следствие виктимной рамки памяти – попытки инструментализации жертв и перенесения акцентов жертвенной памяти с интернациональных жертв Холокоста (в рамках космополитической памяти) на образ собственной нации как жертвы, что характерно для современных стран Восточной Европы, осуществивших механический перенос общеевропейской культуры памяти на своё проблемное прошлое. Оставляя за скобками явные (гео)политические недружественные интенции такой политики памяти по отношению к России, отметим лишь, что сами сторонники виктимной памяти отмечают опасность подобной инструментализации жертв: А. Ассман считает, что опрометчивое признание себя нацией-жертвой даёт этой нации определённую политическую индульгенцию и снимает с повестки вопрос исторической ответственности, в этом же ключе высказывается и Р. Козелек, говоря, что «если все жертвы, то нет палачей»³²⁵. Крайнее выражение ситуации «конкуренции жертв» - так называемые войны памяти, которые активно протекают в Восточной Европе в последние десятилетия³²⁶. Причём перенесение жертвенных нарративов на историю собственной нации (к примеру, принятый в Польше и на Украине концепт «жертвы двух тоталитаризмов») способствует тому, что «фронт» «войн памяти» разворачивается не только в пространстве (имея явную антироссийскую ориентацию и выступая фрондой в том числе для европейской космополитической памяти), но и во времени, воплощаясь в форме борьбы против собственных периодов прошлого. В таком случае, вспоминая классификацию О.Б. Леонтьевой, можно говорить о превращении стратегии травматизации в стратегию рессентимента по отношению

---

³²⁴ Cultural Trauma and Collective Identity. Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press, 2004.

³²⁵ Цит. по: *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 79.

³²⁶ *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011.

к собственному коммунистическому прошлому. Искусственно создаваемый разрыв исторического времени серьёзным образом контрастирует с общеевропейским мемориальным пространством, где проблемное прошлое, тем не менее, является неотъемлемой частью исторического времени³²⁷.

Говоря о травматической интерпретации военных событий прошлого, необходимо отметить, что устоявшейся тенденцией в рассмотрении стратегий героизации и травматизации памяти о войне является попытка соотнести противоборство этих стратегий с противоборством государства и гражданского общества. Государство в этом разделении реализует стратегию героизации, создания больших нарративов и формирует официальный язык памяти, при этом «травматический опыт различных групп, а также сюжеты, связанные с переживанием вины или позора, вытесняются из социальной памяти»³²⁸. Однако «в русле «личного», «лично ориентированного» дискурса воспоминания о войне являются способом преодоления травматической реакции на испытания военного времени, на страдания и смерть близких»³²⁹. Подобное рассмотрение памяти о войнах в контексте противопоставления государства и условного гражданского общества (к примеру, сообществ ветеранов), противостояния памяти и траура, встречается как в западной академической литературе (в концепции Дж. Уинтера³³⁰, в концепции

---

³²⁷ Аникин Д. А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С.55-63.

³²⁸ Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 83.

³²⁹ Там же. С. 78.

³³⁰ Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge UP, 1999.; Winter J. Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century. New Haven: Yale University Press; 2006. ; Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. ; Уинтер Дж. Война, память, воспоминание // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 5–15.

«народной памяти»³³¹, в разделении «исторической политики» и «мемориальной культуры» А. Ассман³³²), так и в работах отечественных исследователей³³³.

Однако, как отмечает российский исследователь памяти о войнах Ф.В. Николаи, «бинарное противопоставление <...> героического и трагического <...> далеко не всегда конструктивно. Сегодня интерес исследователей всё чаще вызывает гибкая дифференциация практик коммеморации среднего уровня и феноменологическое исследование гибридных форм работы памяти»³³⁴. Под практиками коммемораций и моделями «среднего уровня» Ф.В. Николаи и И.И. Кобылин понимают такие теоретические ответвления *trauma studies*, которые стремятся «избежать крайностей пары «социальный конструктивизм vs падение репрезентации» в рамках теории практик, истории эмоций, аффективного поворота и т.д.»³³⁵. Феноменологический подход к исследованию коллективной памяти предполагает смещение методологической оптики от линейного подхода (*top-down*), предполагающего, как пишет Дж. Уинтер, «важность мест памяти как материализации политической (в том числе национальной, имперской) идентичности»³³⁶, и инструментальное использование политическими элитами образов военного прошлого, к принципу «*from the bottom up*: принципиально важной оказывается «феноменология» повседневного опыта и практики объединения обычных людей в сообщества»³³⁷.

---

³³¹ Popular Memory Group *Popular memory: theory, politics, method* // *Making Histories: Studies in History-Writing and Politic*. London, 1982. pp. 205–252.

³³² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

³³³ Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 603–639. ; Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // *Отечественные записки*. 2008. № 4 (43). С. 6–21; Булыгина Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне. // *История и историческая память*. 2010. № 1. С. 5–19.

³³⁴ Николаи Ф.В. Память о Первой мировой войне в современной англоязычной историографии: между опытом и нарративом // *Вестник ННГУ*. 2018. №4. С. 68.

³³⁵ Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Американские *trauma studies* и пределы их транзитивности в России // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2017. №5 (120). С. 120.

³³⁶ Уинтер Дж., Николаи Ф.В. Места памяти и тени войны // *Вестник Мининского университета*. 2016. №1–2 (14). С. 11.

³³⁷ Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Американские *trauma studies* и пределы их транзитивности в России. // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2017. №5 (120). С. 121.

Медикализация как стратегия политики памяти и как ответвление *trauma studies* делает акцент не на социально-политических артикуляциях военного опыта, а на терапии травмы. Собственно, само междисциплинарное направление *trauma studies* сформировалась как междисциплинарное поле в ходе попыток дать теоретическое обоснование и практические рекомендации по работе с американскими военнослужащими – ветеранами войны во Вьетнаме. После периода активного сотрудничества американских ветеранов с широкими слоями левых академических кругов и политического движения в США – от антивоенного до феминистского – медицинализация сформировалась как форма общей деполитизации памяти и попытка примирения конфликта памяти и траура. В 1978 году для характеристики психических симптомов ветеранов войны было принято понятие «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР). После терактов 11 сентября 2001 года это понятие применялось уже и в отношении широких слоёв американского общества: так, приводятся данные, что ПТСР было выявлено у 5,8 – 7,5% населения США³³⁸. Военные операции США в Афганистане и Ираке дали ещё около полумиллиона комбатантов с ПТСР³³⁹. Причём последние десятилетия на западе медицинализация во многом становится преобладающей стратегией работы с коллективной памятью участников локальных войн, *trauma studies* в этой области идут по пути всё большей деполитизации, подчёркивается, что «понятие травмы из орудия критической проблематизации постепенно становится прагматическим средством нормализации военного опыта и памяти ветеранов»³⁴⁰.

С российскими ветеранами локальных конфликтов ситуация сложнее. С одной стороны, Ф.В. Николаи и И.И. Кобылин приводят обширный перечень академических работ последних десятилетий, свидетельствующих о склонности российских исследователей к медицинализации мемориального дискурса участников локальных конфликтов³⁴¹. С другой стороны, медицинализация памяти встречает активное сопротивление со стороны самих ветеранов локальных конфликтов. По-

---

³³⁸ Там же. С 118.

³³⁹ Там же. С 119.

³⁴⁰ Там же. С. 120.

³⁴¹ Там же. С. 128.

добный разрыв преемственности в артикуляции военного опыта между участниками Великой Отечественной войны и участниками современных локальных конфликтов обусловлен рядом причин: отсутствием внятной непротиворечивой политической оценки современных войн со стороны официальных лиц, общее умолчание по отношению к этим событиям (непропорционально малое количество кинопродукции, памятных дат и прочего по сравнению с освещением событий Великой Отечественной войны), сложности юридического статуса участников локальных конфликтов, попытка в 1990-е годы ухода государства от своих социальных обязательств по отношению к ветеранам и бывшим военнослужащим и поощрение их самостоятельной гражданской (в том числе коммерческой) активности. В этой связи авторами и предлагается методологический переход в работе с травмой от линейного подхода к феноменологическому описанию – «нанесение на карту утонувшего в общественном забвении материка опыта со всеми его лакунами и противоречиями»³⁴².

Травмирующий исторический опыт, связанный с военными поражениями, военными преступлениями и прочими нелицеприятными сторонами войны, определяет структуру исторического сознания не как преемственную, а как прерывистую. Это, в свою очередь, порождает кризисы исторического сознания и различные формы вписывания в него исторического опыта. Классификацию типов кризисов исторического сознания и, соответственно, типов исторического опыта разработал в 2000-е годы немецкий историк и теоретик культуры Йорн Рюзен. Он выделяет три типа исторического опыта: «нормальный», «критический» и «катастрофический». «Нормальный» характеризуется стремлением вписать кризис в сложившуюся структуру исторической памяти, при прежних способах интерпретации прошлого. «Критический» тип исторического опыта стремится уже к изменению способов этой интерпретации. А «катастрофический» тип исторического опыта имеет дело с травмой и стремится к умалчиванию события или уклонения

---

³⁴² Там же. С. 130.

от придания ему внятного смысла³⁴³. Механизмы замалчивания и фальсификации фактов не снимают вопрос, поскольку травмирующий неотрефлексированный опыт продолжает оказывать влияние на события настоящего. Поэтому Й. Рюзен акцентирует внимание на необходимости «детравматизации», выработки стратегии преодоления последствий этого травмирующего опыта. Такой стратегией может стать так называемая «повторная травматизация» - вписывание травмы в историю таким образом, при котором травма не теряет своей эмоциональной компоненты, «лишается глянца, покрывающего цепь событий», не превращается в банальный миф или в обыденный порядок вещей³⁴⁴. А поскольку, согласно Рюзену, в дисциплинарной матрице исторической науки одним из трёх основных компонентов является политическая стратегия коллективной памяти³⁴⁵, можно говорить о возможности преодоления травмирующего опыта войны посредством механизмов политики памяти.

Стратегия тривиализации памяти о войне также могла бы рассматриваться в контексте детравматизации, поскольку направлена на определённую терапию травмы и маскировку наиболее неприятных и сложных аспектов войны. Именно с попыткой нивелировать риски тривиализации памяти, в том числе, связана и вышеупомянутая концепция «повторной травматизации» Й. Рюзена, поскольку стратегии нормализации и репрезентации памяти должны сохранять «взрывную силу» памятного травматического события³⁴⁶. Тривиализация же часто понимается как общий упадок памяти³⁴⁷. Тем не менее, исходя из вышеизложенного, считать тождественными тривиализацию и детравматизацию было бы некорректно, так как

---

³⁴³ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. с. 38 – 41.

³⁴⁴ Там же. С. 61.

³⁴⁵ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Выпуск 7. С. 26.

³⁴⁶ Цит. по: Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. №407. С. 138.

³⁴⁷ Аникин Д.А. Советское прошлое как лакуна памяти: специфика пограничного региона // Журнал фронтирных исследований. 2019. № 4-2(16) ; Емельянова Т. П. Коллективная память как предмет мультидисциплинарных исследований // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 3. С. 100-125.

детравматизация подразумевает множество стратегий проработки проблемного прошлого. Кроме того, рассмотрение тривиализации как самостоятельной стратегии политики памяти обусловлено и тем, что в рамках данной стратегии образы прошлой войны могут выполнять ряд специфических функций (обоснованных в предыдущем параграфе), а именно коммерческую и развлекательную, связь которых с темой травмы хотя и уловима, но довольно опосредована и предполагает утверждение методологической оптики *trauma studies* как изначального теоретического базиса исследования.

Дж. Мосс говорит о тривиализации войны и «мифе о военном опыте» как двух различных источниках, формировавших гражданскую религию основных европейских наций в межвоенный период, предельно концентрированную на теме войны. Тем самым, стратегия тривиализация может идти бок о бок со стратегией героизации/сакрализации. Процесс тривиализации Мосс определяет как «урезание масштабов войны до чего-то обыденного, вместо чего-то неприглядного и пугающего»³⁴⁸. В качестве примера тривиализации автор приводит немецкую выставку предметов повседневного быта «Война, народ и искусство», организованную в 1916 году Красным Крестом. «Железные кресты – высшая военная награда – появились на подушечках для иголок, спичечных коробках и обертках для мятных конфет; окоп был воспроизведен на пачках сигарет и на портсигаре; солдаты, одетые в военную форму, использовались в качестве чернильниц или кукол, с которыми можно было играть в ванной»³⁴⁹. Причём организаторы этой выставки осуждали столь «развращённый вкус в военное время»³⁵⁰, впрочем, это не остановило производство подобных артефактов. Дж. Мосс по этому поводу отмечает, что «массовая культура никогда не разделяла сакральное и профанное»³⁵¹. Не отставали от Германии и их геополитические оппоненты: во Франции уже после франко-прусской войны стали появляться настольные игры с изображением фи-

---

³⁴⁸ *Moss G.L.* *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars.* Oxford University Press, Oxford, New York, 1990. P. 126.

³⁴⁹ *Ibid.* P. 127.

³⁵⁰ *Ibid.*

³⁵¹ *Ibid.*

гур Бисмарка, пруссаков и немецкого кайзера, дополнявшиеся играми с антимасонскими и антисемитскими мотивами³⁵² («традиционными» элементами европейского ультраправого дискурса тех лет). Тривиализация коснулась также и демонстрации военного быта: Дж. Мосс приводит в пример немецкую открытку времён Первой мировой войны с изображением пивной вечеринки солдат в блиндаже³⁵³, «юмористическую» открытку, посвящённую газовой атаке³⁵⁴.

Исследователь обращает внимание, что, возможно, такое стремительное наступление тривиализации расшатывало культ павших солдат как основу гражданской религии и стимулировало массовое производство монументов и величественных воинских захоронений³⁵⁵. Однако в заключение автор делает вывод, что тривиализация в целом поддерживала миф о военном опыте: «реальность войны была вновь преодолена», война стала частью жизни людей, но не в форме гражданской религии, а в форме повседневных артефактов, давая людям ощущение контроля над событиями и не ставя перед человеческим разумом сложных вопросов. Серьёзным побочным эффектом тривиализации Дж. Мосс считает общее ожесточение политики в межвоенное время, поскольку война не ушла из жизни людей на уровне повседневных практик и предметов быта³⁵⁶. Будто выворачивая наизнанку известный тезис К. Клаузевица, население европейских стран видело послевоенную политику как продолжение войны, но уже другими способами, впрочем, в определённый момент, рано или поздно, все другие способы должны были исчерпаться, а война должна была продолжиться / закончиться.

Тривиализация памяти о войнах прошлого и их использование для легитимации современных вооружённых конфликтов прослеживаются и на примере политики памяти современных государств. В этом случае общая преемственность памяти о различных войнах также выстраивается через фигуру погибших солдат как выражения воинской доблести и лучших национальных качеств. Приобщение

---

³⁵² Ibid. P. 128.

³⁵³ Ibid. P. 131.

³⁵⁴ Ibid. P. 135.

³⁵⁵ Ibid. P. 127.

³⁵⁶ Ibid. P. 156.

к этой преюмственности и к коммеморативным практикам осуществляется через включение воинской символики в культуру потребления и культурно-событийное пространство. Поэтому тривиализацией памяти о войнах можно назвать проанализированные Н. Даниловой практики современных военных коммемораций в России и в Великобритании³⁵⁷. Однако в данном случае, говоря о коммеморациях современных военных конфликтов, стратегия тривиализации памяти гармонично сочетается со стратегией деполитизации / деконтекстуализации памяти.

Стратегия деполитизации / деконтекстуализации памяти о войнах обрела особую актуальность в последние десятилетия в связи с необходимостью выстраивать политику памяти вокруг современных вооружённых конфликтов. Различие в коммеморациях войн прошлого, последней из которых для стран запада и России была Вторая мировая война, и войн современности обнаруживается в самой природе этих конфликтов. Современные войны отличаются от войн прошлого меньшими масштабами и значительной пространственной удалённостью от жителей «развитых» стран, само население не испытывает столь серьёзного долговременного влияния факторов войны. Дискуссии вокруг описания природы современных войн, ключевая характеристика которых – асимметричность, сами являются элементами символической борьбы «за право относить конкретные случаи применения вооружённой силы к преступным или легитимным»³⁵⁸. С другой стороны, общий упадок старых героико-патриотических нарративов национальных государств, концентрированных на теме войны и в определённом роде всегда милитаризованных, декларируемая приверженность развитых стран концепции прав человека и многочисленные нелицеприятные факты их нарушения, особая чувствительность общества к военным потерям делают вопросы легитимации современных вооружённых конфликтов и формы их коммеморации крайне сложными. Согласно теории демократического мира, либеральные демократии не во-

---

³⁵⁷ *Danilova Nataliya. The politics of war commemoration in the UK and Russia / Nataliya Danilova. University of Aberdeen, UK, 2015.*

³⁵⁸ *Пахалюк К.А. Образы войны в современной культуре // Барабанов О., Пахалюк К., Уль М. Не забудем, но простим? Образы войны в культуре и исторической памяти. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., май 2020.. С. 14 – 15.*

юют друг с другом, но, как оказалось, либеральные демократии воюют, причём довольно часто.

В самом общем смысле деконтекстуализация войны означает определённое умалчивание или ограниченные дискуссии о причинах и природе войны, на уровне политико-идеологических клише (здесь речь идёт скорее о стратегии деполитизации), и особый акцент на участниках войны, как на комбатантах, так и на нонкомбатантах. К примеру, подчёркивание воинской доблести, преемственности мужества и героизма национальных вооружённых сил. Н.Ю. Данилова подчёркивает, что такие «дискурсивные стратегии предлагают прекрасное решение [в оригинале “elegant solution” – прим. авт.] очень сложной проблемы концептуализации природы современных войн»³⁵⁹. И такая стратегия памяти свойственна не только государству. Например, рассматривая мемуарную литературу российских военнослужащих – участников чеченских войн, Н.Ю. Данилова отмечает, что «идеологическая неоднозначность постсоветских войн выразилась в деконтекстуализации войны в литературных опытах её участников. Война представлена ими прежде всего как экстремальная ситуация выживания»³⁶⁰.

Важно отметить, что деконтекстуализация памяти является стратегией символического транзита, когда память и образы, связанные с одним событием, переносятся на другое событие, имеющее с первым крайне слабые причинно-следственные и прочие функциональные связи. Н.Ю. Данилова в качестве такого несущего стержня, «мостика» символического транзита, называет преемственность воинской доблести военнослужащих и центральное место образов военных в коммеморациях современных конфликтов.

Однако в ряде случаев роль символического мостика при реализации стратегии деконтекстуализации памяти играет фигура жертвы. Так, универсальной

---

³⁵⁹ Danilova Nataliya. The politics of war commemoration in the UK and Russia / Nataliya Danilova. University of Aberdeen, UK, 2015. P. 83.

³⁶⁰ Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №. 2. С. 124.

метафорой жертвы является память о Холокосте³⁶¹. К.А. Пахалюк указывает, что, если наднациональные структуры Евросоюза используют память о Холокосте для построения общеевропейской идентичности и реализации проекта космополитической памяти, то «американцы же неоднократно используют Холокост как манипулятивную метафору для описания боснийского и косовского кризисов (сербы уравниваются с нацистами) и легитимации собственного вмешательства»³⁶².

Деконтекстуализация памяти может отчётливо выкристаллизовываться не только во временном, но и пространственном аспекте. Отдельные образы войны могут попадать в такой эстетико-архитектурный контекст, при котором тот «взрывной» заряд памяти, о котором говорил Й. Рюзен, низводится до неуместного лубочного изображения и становится элементом рутинной повседневности (в отношении чего удачно было бы употребить термин “the trivia” у Дж. Мосса). К примеру, Г.А. Янковская, рассматривая советские военные плакаты в контексте их современного использования, отмечает следующее: «Воин-победитель на афишных тумбах оказывался в соседстве с объявлениями о сеансах спиритизма, концертах рэперов, распродажах и путешествиях. Плакаты военного времени вне контекста теряли потенциал позитивной дидактики. Визуальное напоминание о преемственности с поколением победителей превращалось в семантический шум»³⁶³.

---

³⁶¹ *Фелькер А.В.* «Непростое наследие»: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 93–109.; Ассманн А.* Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти // *Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 9-30.*

³⁶² *Пахалюк К.А.* Глобальная культура памяти: истоки и перспективы // *Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2017. № 2. С. 21.*

³⁶³ *Янковская Г.А.* Улыбка в стиле милитари: плакаты Победы в 1945 и 2015 гг // *Уральский исторический вестник. 2019. № 3(64). С. 97-98.*

Заключение

Целью диссертационного исследования была разработка теоретико-методологической модели, обладающей необходимым исследовательским потенциалом для рассмотрения конкретных войн и военных событий в политике памяти современных государств и других влиятельных политических (мнемонических) акторов.

Рассмотрение заявленной темы невозможно без анализа того, что представляет собой политика памяти и какие возможны её основные модели. В качестве рабочего определения политики памяти использовалось определение Д.А. Аникина, согласно которому политика памяти понимается как «целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик». Данное определение подразумевает определённую многоакторность политики памяти и избегает крайностей дихотомических интерпретаций, в рамках которой политика памяти понимается как инструмент культурной гегемонии правящего класса (в духе неомарксизма Э. Хобсбаума или левой политической философии Ш. Муффа) или как директивная историческая политика, исходящая от государства, в противовес мемориальной культуре гражданского общества (в духе А. Ассман). Принципиальная многоакторность политики памяти является отправным методологическим базисом данного проекта.

Классификация основных моделей политики памяти, на основе которой рассмотрены место образов войны в политике памяти и специфика военных коммемораций, опирается на типологию «способов памятования» (mode of remembrance) А. Булль и Х. Хансена, где выделяются космополитическая, антагонистическая и агонистическая память.

В ходе данного исследования установлено, что обращение к образам военного прошлого в трёх данных моделях происходит принципиально разными спо-

собами. Космополитическая память нацелена на поддержание ценностного консенсуса вокруг дискурса о правах человека и сострадании к жертвам прошлого (Д. Леви, Н. Шнайдер) и поэтому стремится дистанцироваться именно от военной тематики, характеризуется общей виктимизацией памяти и «интернациональностью» жертв (фундаментальное значение здесь имеют события Холокоста). Собственно военные коммеморации преисполнены темой смерти и страданий солдат на войне, что находит отражение в ряде музейных выставок в европейских музеях. Антагонистическая память, выступая оппонентом космополитизма, активно эксплуатирует образы войны, однако «милитаризация» памяти здесь не всегда носит характер героико-патриотической патетики, часто в рамках антагонистической памяти происходит попытка перенести фокус внимания от интернациональных жертв к формированию образа собственной нации как жертвы (например, попытки Польши и Украины выстроить концепцию собственной нации как «жертвы двух тоталитаризмов»). И в рамках космополитизма, и в рамках антагонизма ситуация «конкуренции жертв», как и в целом диалога по вопросам исторической памяти, часто рассматривается как игра с нулевой суммой, в которой либо (как в антагонизме) нужно бороться за доминирование своих исторических репрезентаций, либо (как в космополитизме) стремиться к окончательному консенсусу и принятию неких универсальных установок. Несмотря на кажущуюся полярность космополитизма и антагонизма, в ходе реализации проекта был сделан вывод, что память о войне и в том, и в другом случаях характеризуется принципиальной нарративностью и транслируется, так или иначе, в форме монолога субъекта, этически отождествляемого с «добром».

Попытка снятия этих противоречий и постулирование многоакторности рассмотрены через анализ концепции «разнонаправленной памяти» М. Ротберга, топологической теории П. Бурдые и концепции агонистической памяти (Ш. Муфф, А. Булль, Х. Хансен). М. Ротберг, говоря об общем языке жертв истории, способном смягчить «конкуренцию жертв», тем не менее, сближается с космополитизмом, поскольку в его концепции явно прослеживается характерная космопо-

литизму нацеленность на жертвенную память, завершение диалога и достижение консенсуса. Конкурентная борьба различных акторов вокруг символически значимых для общества событий прошлого, рассматриваемая с позиции топологии П. Бурдьё, с одной стороны, подчёркивает многоакторность и общую высокую динамику коллективной памяти о войнах, возможность конвертации символического капитала в капитал, например, политический и экономический (отсюда широкий перечень целей различных мемориальных акторов – от политической легитимации до коммерческой прибыли); с другой стороны, конкуренция за обладание ограниченным символическим капиталом также носит характер игры «с нулевой суммой», где победитель должен занять доминирующее положение, а его исторические репрезентации получить официальное признание (например, посредством мемориального законодательства). Агонистическая память же, напротив, подчёркивает, что диалог вокруг исторической памяти – это, скорее, игра с «положительной суммой», в которой каждая сторона обсуждения раскрывает себя, только соприкасаясь с позицией другого.

Выявленная в ходе исследования специфика военных коммемораций в агонистической памяти состоит в том, что здесь происходит фактический отказ от нарративности, диахронный метод повествования уступает место синхронному, где в историческом контексте представлены точки зрения всех участников военного конфликта. Баланс между памятью «жертв» и памятью «преступников» стремится к некоей репрезентативности и сильно смещён по сравнению с антагонизмом и космополитизмом. Агонистическая память стремится понять логику «преступников», показывая, что в заданном историческом контексте вооружённая агрессия и военные преступления могут иметь рациональный смысл и оправдание для тех, кого впоследствии осудят как преступников. При этом важно, что позиции «преступника» и «жертвы» может совмещать в себе один субъект.

После рассмотрения более широкого контекста осуществления политики памяти при различных способах памятования стало возможным выявить и основные теоретико-методологические подходы к рассмотрению памяти о войнах. В

основу классификации был положен критерий основного актора (или множества акторов), через репрезентации которого транслируется память о войнах. Таким образом, были сформулированы три основных теоретико-методологических подхода, существующих в современных *memory studies*: государствоцентристский подход, подход, основанный на «народной памяти», социально-акторный подход.

Основу государствоцентристского подхода (*state-centred approach*) составляет богатая теоретическая база, описывающая процессы нациестроительства и роль национальной памяти для консолидации политической нации. Подобные идеи высказывал в конце XIX – начале XX века французский философ Э. Ренан. Фундаментальное значение памяти о войнах в процессе поддержания национальной идентичности подчёркивается в концепции «мест памяти» П. Нора. Политические нации как продукт деятельности государства рассматриваются представителями конструктивизма (Э. Хобсбаум, Т. Рейнджер, Б. Андерсон). В наиболее развёрнутом виде государствоцентристский подход при анализе памяти о войнах представлен в работе Дж. Мосса «Павшие солдаты: новый взгляд на воспоминания о мировых войнах» через концепцию «мифа о военном опыте» (*Myth of war experience*), который активно использовался национальными государствами как инструмент нациестроительства и достиг своего пика в межвоенное время в XX веке, когда с подачи государств «миф о военном опыте» (прежде всего, отсылающий к событиям Первой мировой войны) приобрёл фактический статус гражданской религии.

Память о войне с точки зрения естественной, или народной, памяти (*popular-memory approach*) отсылает к концепции «культурной гегемонии» А. Грамши. Применительно к памяти присутствует разделение частной памяти (образующей по совокупности естественную, или народную, память) и публичных представлений. Публичные представления обеспечиваются механизмами политики памяти, в рамках которой происходит селекция и подавление частных воспоминаний. Частная память, в свою очередь, сопротивляется политике памяти. Кроме того, подобное противостояние народной памяти и государственной политики

памяти является отражением дихотомии памяти (официозного нарратива государства) и траура (лежащего в основе народной памяти), описанной в рамках широкого междисциплинарного комплекса *trauma studies*. Как отмечает Дж. Александер, само появление академических исследований культурной травмы связано с неотрефлексированным опытом военных конфликтов, а толчком к возникновению этих исследований на западе стала война во Вьетнаме.

Противопоставление этих двух подходов, как и неизбежность противостояния памяти и траура, некоторым исследователям представляются по большей части умозрительными. «Политика памяти о войне и военные коммеморации всегда связаны с трауром и с попытками компенсировать психологический и физический ущерб, нанесённый войной; и везде, где люди берутся за работу над трауром и возмещением ущерба, всегда будет работать политика» (Т. Эшплант, Г. Доусон, М. Роупер). На преодоление противоречий этих двух подходов и на рассмотрение множественности акторов памяти о войне направлен социально-акторный подход (*social-agency approach*). Ключевым моментом здесь выступает признание множественности субъектов, представляющих свои репрезентации военного прошлого, а главное – постоянное присутствие борьбы за память. Государственные и негосударственные акторы создают определённые рамки памяти о войне, «обрамляют» (“*framing*”) частные воспоминания, выраженные отдельными людьми, помещая их в формы, которые соответствуют их политико-идеологическим или иным интересам. Тем самым, последующие акты «вспоминания» той или иной войны в рамках большой или малой социальной группы будут уже предзаданы определёнными формами, значениями и смыслами. Рассмотрение «фреймов» коллективной памяти отсылает к фундаментальным работам Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, где обосновывалась социальная обусловленность индивидуальной памяти.

Этот подход представляется наиболее релевантным для дальнейшего исследования заявленной темы, поскольку позволяет рассмотреть память о войнах с позиции политической борьбы многочисленных акторов, каждый из которых выполняет определённые функции (следовательно, различные функции будет нести

и военная тематика в политике памяти) и, исходя из них, выстраивает различные стратегии обращения к военному прошлому.

Поскольку речь идёт о борьбе многочисленных акторов за символически значимые сюжеты войн прошлого, необходимо выделить основных мнемонических акторов, претендующих на свои репрезентации памяти о войнах. Рассматривая в качестве примера современную российскую политическую систему, можно разделить основных действующих акторов памяти о войнах по двум критериям: государственные / негосударственные акторы, а также акторы, для которых военная тематика не является основной, и акторы, для которых военная тематика является основной. В данном случае второй критерий деления подчёркивает, что ряд акторов памяти о войнах порождены самими войнами и изучением военной истории – будь то такие государственные акторы, как Вооружённые Силы или Российское военно-историческое общество, или такие негосударственные акторы, как ветеранские организации, комитеты солдатских матерей, НКО, занятые в сфере поддержки /реабилитации ветеранов и жертв войн.

Обширная часть описания акторов политики памяти о войнах посвящена мемориальной деятельности российских регионов, поскольку, как подчёркивается, в условиях отсутствия чётких политико-идеологических ориентиров федерального центра, субъекты Российской Федерации зачастую проявляют большую активность в мемориальной деятельности, выстраивают собственные оригинальные историко-политические конфигурации. Федеральный центр, в свою очередь, неоднократно заимствовал региональные коммеморативные практики, как, к примеру, томскую акцию «Бессмертный полк» или нижегородский проект по коммеморации деятельности Второго ополчения в годы Смутного времени – День народного единства. В этих условиях наблюдается также конкуренция регионов России за символический капитал памяти о войнах, а опосредованно – за федеральную мемориальную повестку, инвестиционные и туристические потоки (в чём проявляется уже реализация латентных функций).

Функция (де)легитимации тех или иных акторов (через образы войны в политике памяти) также конституируется через разделение функций социальных акторов на явные и латентные, где функция (де)легитимации будет выступать как латентная. Политика памяти может рассматриваться одновременно и как пространство символов и смыслов, и как инструмент решения практических политических задач сегодняшнего дня.

Функция консолидации связана с тем, что образы героического военного прошлого становятся фундаментом общей национальной памяти и способом консолидации политической нации. Кроме того, память о войнах может становиться консолидирующим мифом и для менее крупных идентичностей – для региональной, этнической, локальной.

Культурно-дипломатическая функция образов войны в политике памяти обусловлена возможностью использования тех или иных военных коммемораций в качестве инструмента «мягкой силы». Память о войнах и соответствующие военно-исторические нарративы, с одной стороны, оказывают влияние на принятие политических решений в настоящем, с другой стороны, выступают фактором актуальной внешней политики, формируя вокруг прагматических интересов ценностную консолидацию или демонстрируя военную мощь. Причём понятие «мягкая сила», используемая в классической неолиберальной трактовке, как раз позволяет рассматривать и политику памяти как многоакторное явление, где подобной культурной дипломатией через военные коммеморации могут заниматься не только государства.

Образовательно-воспитательная функция образов военного прошлого, рассматриваемая отдельно от легитимирующей и консолидирующей функций, проистекает, во-первых, из специфических задач самого образования и, в частности, преподавания военной истории, не сводимых к политико-идеологической деятельности и утверждению культурной гегемонии и подразумевающих сугубо дидактические цели, во-вторых, из существующего в мировой академической среде особого направления по изучению учебников по истории. В исследовании отме-

чается характерная именно для российского образовательного и воспитательного процесса концентрация на теме военного прошлого. Сам концепт патриотизма и патриотического воспитания базируется преимущественно на изучении военной истории и военных коммеморациях. Однако общим местом и для российского, и для зарубежного опыта интерпретации военной истории является попытка сформировать через образы войны определённую историческую этику. В рамках агонистической памяти возможна трансформация привычной для военно-исторических нарративов этики убеждения в этику ответственности.

Коммерческая функция образов войны в политике памяти затрагивает сразу несколько вопросов экономического использования памяти о войнах. С одной стороны, популярные образы войны и «места памяти», связанные с войнами, могут использоваться напрямую в коммерческих целях негосударственными акторами (музеи, туризм, сувенирная продукция и т.д.), с другой стороны, государственные акторы и институты гражданского общества могут использовать память о войнах как ресурс для формирования бренда территории, для привлечения туристических и инвестиционных потоков.

Развлекательную функцию образов войны в политике памяти стоит рассматривать в связке с коммерческой, поскольку коммерциализация образов и символов осуществляется через массовую культуру, сущностными чертами которой являются ориентация на прибыль и определённое упрощение содержания и используемых образов для создания развлекательного продукта. При этом важно понимать, что, во-первых, к инструментам массовой культуры для репрезентации своей памяти прибегают и сами ветеранские организации, механизм «коммодификации» может быть востребован в связи с переходом коммуникативной памяти в культурную память; во-вторых, «обработка» памяти о войнах массовой культурой не лишает получаемые культурные продукты необходимого политико-идеологического содержания.

Под стратегией политики памяти в рамках данного исследования понимается «внутренняя логика формирования представлений о прошлом, направленная на утверждение того или иного типа коллективной идентичности» (О.Б. Леонтьева).

Стратегия героизации / сакрализации памяти о войнах традиционно рассматривается в контексте нациестроительства и может быть представлена как доминирующая стратегия для реализации таких функций образов войны, как консолидация и легитимация. Кроме того, необходимо отметить, что стратегия героизации в настоящее время (по крайней мере, в западных обществах) испытывает серьёзное влияние дискурса «постгероического общества». Жертва в таком случае поддаётся как в целом бессмысленный акт, не ведущий ни к какому искуплению, победе, демонстрации силы духа и т.д. В традиционных, или прогрессивных, военных нарративах герой вовсе не обязательно достигает уверенной военной победы. Однако общий героико-патриотический пафос данных нарративов сохраняется. Принципиально иной взгляд на фигуру жертву порождает и принципиально иную стратегию политики памяти.

Стратегия травматизации / виктимизации на сегодняшний день является доминирующим дискурсом при рассмотрении памяти о войнах, поскольку устоялось мнение, согласно которому традиционные героические нарративы войны в эпоху постмодерна утратили объяснительную силу. Однако тотальное господство виктимной рамки памяти также создаёт ряд серьёзных проблем, в том числе фундаментального теоретико-методологического характера. Так, исследователями отмечается общая теоретическая перегрузка концепта «травмы» (при которой, к примеру, вся история или по меньшей мере вся модерность рассматривается как травма), частые попытки инструментализации жертв, механический перенос западноевропейской виктимной памяти в пространство с иной исторической темпоральностью. С другой стороны, ряд исследователей (Ф.В. Николаи, И.И. Кобылин) отказываются от бинарного противопоставления памяти и траура, героя и жертвы, предлагая для объяснения травматического опыта войны перейти от глобального дискурса (героя или, в данном случае, жертвы) на теории среднего уров-

ня – к описанию повседневности и рассмотрению конкретных практик репрезентации травмирующего опыта, в частности, опыта ветеранов современных локальных конфликтов.

Немецкий историк Й. Рюзен акцентирует внимание на необходимости «детравматизации», выработки стратегии преодоления последствий травмирующего опыта. Такой стратегией может стать так называемая «повторная травматизация» - вписывание травмы в историю таким образом, при котором травма не теряет своей эмоциональной компоненты, «лишается глянца, покрывающего цепь событий», не превращается в банальный миф или в обыденный порядок вещей. А поскольку, согласно Рюзену, в дисциплинарной матрице исторической науки одним из трёх основных компонентов является политическая стратегия коллективной памяти (Й. Рюзен), можно говорить о возможности преодоления травмирующего опыта войны посредством механизмов политики памяти.

Стратегию тривиализации памяти о войне можно описать, по определению Г. Мосса, как «урезание масштабов войны до чего-то обыденного, вместо чего-то неприглядного и пугающего». Рассмотрение тривиализации как самостоятельной стратегии политики памяти, отдельно от детравматизации, обусловлено тем, что в рамках данной стратегии образы войны могут выполнять ряд специфических функций, а именно коммерческую и развлекательную, связь которых с темой травмы хотя и уловима, но довольно опосредована и предполагает утверждение методологической оптики *trauma studies* как изначального теоретического базиса исследования.

Тривиализация памяти о войнах прошлого прослеживается и на примере политики памяти современных государств. В этом случае общая преемственность памяти о различных войнах также выстраивается через фигуру погибших солдат как выражения воинской доблести и лучших национальных качеств. Приобщение к этой преемственности и к коммеморативным практикам осуществляется через включение воинской символики в культуру потребления и культурно-событийное

пространство. Тем самым, стратегия тривиализации памяти гармонично сочетается со **стратегией деполитизации / деконтекстуализации памяти.**

В самом общем смысле деконтекстуализация войны означает определённое умалчивание или ограниченные дискуссии о причинах и природе войны, на уровне политико-идеологических клише, и особый акцент на участниках войны, как на комбатантах, так и на нонкомбатантах. Деконтекстуализация памяти является стратегией символического транзита, когда память и образы, связанные с одним событием, переносятся на другое событие, имеющее с первым крайне слабые причинно-следственные и прочие функциональные связи. К примеру, в качестве такого символического «мостика» от войн прошлого к идеологически сложным войнам современности выступают преобладание воинской доблести военнослужащих и центральное место образов военных в коммеморациях современных конфликтов.

Литература

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012, №3. С. 6 – 40.
3. Аникин Д. А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С.55-63. DOI 10.17223/15617793/466/6.
4. Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // Studia Humanitatis. 2020. №1. 24 с.
5. Аникин Д.А. Советское прошлое как лакуна памяти: специфика пограничного региона // Журнал фронтальных исследований. 2019. № 4-2(16). С. 296-309. DOI 10.24411/2500-0225-2019-10037.
6. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Том 12, выпуск 2. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2012. С. 34 – 38.
7. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. №3 (18), 2012. Волгоград: Волгоградский государственный университет. С. 126 – 131.
8. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Logos et Praxis. 2012. №3. С. 126 – 131.
9. Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов. 2011. 141 с.
10. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: Интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №1 (53). С. 19 – 28. DOI: 10.35775/PSI.2020.53.1.002.
11. Аникин Д.А., Яровая И.А. Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // Власть. Т. 28, №4, 2020. С. 131 – 137.
12. Аникин Д.А., Батищев Р.Ю. Гражданская религия современной России: вопросы взаимодействия государства и православных сообществ // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12(88). С. 4103-4115. DOI 10.35775/PSI.2022.88.12.005.
13. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2004. 424 с.
14. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
15. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

16. *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпоральной культуры Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
17. *Ассманн А.* Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 9-30.
18. *Ауст М., Обертрайс Ю., Хильбреннер А.* Историческая политика нуждается в политике разрядки // Россия в глобальной политике (13.07.2020) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-politika-razryadki/> (дата обращения: 03.07.2021)
19. *Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А.* Русская Православная Церковь как актер современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. №1, 2018. 23 с.
20. *Батищев Р.Ю.* Военные коммеморации Русской православной церкви как механизм конструирования гражданской религии в современной России // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3. № 2. С. 56-60. DOI 10.15826/tetm.2022.2.038.
21. *Батищев Р.Ю.* Культурная память населения Липецкой области в условиях миграционных вызовов: мемориальный конфликт или мнемоническая адаптация? // *Журнал фронтирных исследований*. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 177-199. DOI 10.46539/jfs.v5i2.207
22. *Батищев Р.Ю.* Образы военного прошлого в политике памяти регионов Российской Федерации // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Том 12. № 4 (85). С. 1215 – 1222. DOI: 10.35775/PSI.2022.85.4.015
23. *Батищев Р.Ю.* Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 34-42. DOI 10.15826/tetm.2021.1.005
24. *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти // *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. № 12(76). С. 3420-3428. DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.001
25. *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические подходы к изучению памяти о войнах в современных memory studies // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2021. № 3. С. 48 – 68.
26. *Белов С.И.* Videоблогеры как актер политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино // *Информационные войны*. 2019. №1 (49). С. 89 – 94.
27. *Белов С.И.* Перспективы использования видеоигр с историческим сюжетом как инструмента политики памяти Российской Федерации // *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. № 4(68). С. 1089-1096. DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.013.
28. *Белов С.И.* Российская мемориальная политика в зеркале блогосферы (на материалах кинообзоров видеоблогеров) // *Вестник российской нации*. 2018. №3. С. 169 – 178.
29. *Белозёров В.К.* Отечественная война как понятие и политическое явление // *Победа, которая изменила мир (войны, революции, реформы в судьбах Рос-*

- сии): [монография] / Отв. ред. О.М. Михайленок; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 11 – 30.
30. *Белозёров В.К.* Политология войны в системе научного знания // *Философские науки*. 2020. Т. 11. № 11. С. 74 – 90.
31. *Белозёров В.К.* Генезис исследования войны как политического феномена в до-революционной России // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26. № 1 С. 190 – 200.
32. *Белозёров В.К.* Генезис, состояние и перспективы политологического исследования войны в России // *Военные науки versus наука о войне в Австрии и России = Militarwissenschaften versus Wissenschaft liber den Krieg in Osterreich und Russland: коллективная монография / под общ. ред. В. К. Белозёрова и А. Дубови: пер. под ред. И.А. Лузяниной. М: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. С. 85 – 94.*
33. *Беляев Е.В., Линченко А.А.* Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. №2. 21 с.
34. *Бергер Ш.* «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером / Ш. Бергер // *Историческая экспертиза*. 2020. № 1(22). DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-9-23
35. *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
36. *Борзунов С.* Белогорье. Прохоровское поле // «Наш современник». Очерк и публицистика, №3, 2003. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=5&id=10> (дата обращения: 24.07.2021)
37. *Бубнов А.Ю., Савельева М.А.* Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. №3(67) С. 663 – 674. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008.
38. *Бубнов А.Ю.* «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2019. №6. С. 29 – 43.
39. *Бубнов А.Ю.* Формирование памяти о Великой Отечественной войне в СССР и России // *Провинциальные научные записки*. 2021. № 1(13). С. 105 – 109.
40. *Бубнов А.Ю., Комплеев А.В.* Российско-немецкая «война памяти»: анализ современной онлайн дискуссии о Великой Отечественной войне // *Наука. Общество. Оборона*. 2020. №2 (23) DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10233.
41. *Буллер А., Линченко А.А.* Как писать историю поражений? Стратегии нарратива школьного учебника истории в контексте современного морального дискурса // *Преподавание военной истории в России и за рубежом : сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ : Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 47 – 66.*
42. *Булыгина Т.А.* Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне. // *История и историческая память*. 2010. № 1. С. 5-19.

43. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
44. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
45. В Волгограде «Родина-мать» и георгиевская лента стали лицом рекламы пива // Кривое зеркало.ру, Интернет-газета о жизни Волгограда, области и России. (10.07.2017) URL: <https://krivoe-zerkalo.ru/content/v-volgograd-skulptura-rodina-mat-i-georgievskaya-lenta-stali-litsom-reklamy-piva.html>
46. В Питерской Вышке запустили сайт проекта о наследии и памяти холодной войны в Петербурге // Сайт НИУ ВШЭ URL: <https://spb.hse.ru/news/368075422.html> (дата обращения: 14.10.2021)
47. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).
48. *Воронович А.А.* Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 127-143.
49. *Гавриленко А.* Поход на Краснова. Сносить ли памятник казачьему атаману? // «Российская газета» - Юг России. №160 (7028) (21.07.2016) URL: <https://rg.ru/2016/07/21/reg-ufo/zhiteli-dona-potrebovali-snesti-pamiatnik-atamanu-krasnovu.html>
50. *Герасимов В.К., Плеханов А.А.* Демонообразный клон Сталина, дизельпанк-гетманат и «киборги»: украинский комикс как пространство политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 414- 437.
51. *Гигаури Д.И., Гуторов В.А.* Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. №2. С. 24 – 45.
52. *Головашина О.В.* «Любители истории» и история для любителей: представления о прошлом в социальных сетях // Философские традиции и современность. 2014. № 1. С. 114–123.
53. *Головашина О.В.* «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // Tempus et Memoria. 2021. Т.2. №1. С. 43-52. DOI 10.15826/tetm.2021.1.006.
54. *Головашина О.В.* Поле битвы – память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 19-28. DOI 10.17277/pravo.2021.02.pp.019-028.
55. *Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А.* Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123 – 133.
56. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Историческое сознание молодёжи // Вестник Российской академии наук. Том 80. №3. М., 2010. С. 195 – 203.
57. *Губаненкова С.М.* К вопросу о роли России во второй мировой войне: современный политико-исторический аспект // Военная история России: проблемы,

- поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015. С. 297-304.
58. Данилова Н.Ю. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Неприкосновенный запас. № 2–3 (40–41), 2005. С. 149 – 161.
59. Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №. 2. С. 110 – 126.
60. Долженкова Т.И. Прохоровская звонница народного художника России В. М. Клыкова (1939—2006) как воплощение народной памяти о Великой Отечественной войне // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28 – 29 мая 2021 г. С. 82 – 86.
61. Дронов В.А. Историческая и атрибутивная достоверность изображения врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // Власть. 2013. №4. С. 182 – 186.
62. Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 6-21.
63. Емельянова Т. П. Коллективная память как предмет мультидисциплинарных исследований // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 3. С. 100-125.
64. Ефанова Е.В. Историческая справедливость в контексте современного дискурса «Царицын-Сталинград-Волгоград» // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2018 года. Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2018. С. 207 – 208.
65. Жердева Ю.А. Российские военные коммеморации в поздней Османской империи (1878-1918): политическая практика и культурный миф // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов Международной научной конференции. Тамбов. 2015. С. 92 – 98.
66. Иванов А.Г. Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №441. С. 80 – 88.
67. Извеков Ф.С. Курская битва глазами рядового артиллериста // Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма: материалы VII Международной Интернет-конференции. Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2018. С. 303-306.
68. Институт исторической памяти может быть создан в России // Новостное агентство Sputnik, 28.04.2018 URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20180428/10412169/Institut-istoricheskaja-pamjatj-Russia.html (дата обращения: 15.04.2019)
69. Казарин П.С. О соотношении понятий «война» и «вооружённый конфликт» // Вестник военного образования (12.11.2018) URL: <https://vvo.ric.mil.ru/Stati/item/155699/> (дата обращения: 14.10.2021)

70. Казаринова Д.Б. Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р. Саквы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 177-184.
71. Казаринова Д.Б. Эволюция понятия «культурная война» в западной политической мысли // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021 / Российская Ассоциация политической науки; Томский государственный университет. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 333-349.
72. Казаринова Д.Б. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции / Д. Б. Казаринова, Н. А. Дунамалян // Политическая наука. 2022. № 1. С. 52-79.
73. Кобылин И.И., Николаи Ф.В. «Здесь был русский Ваня»: юмор, ирония и армейская иерархия в воспоминаниях ветеранов локальных войн // Уральский исторический вестник. 2019. №3 (64). С. 116 – 125.
74. Комплев А.В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 53-58. DOI 10.15826/tetm.2021.1.007.
75. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
76. Кувшинов Д.Ю. Искажение исторических фактов о Великой Отечественной войне в современном игровом кино // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. №1(4). С.11-14.
77. Курская дуга или Орловско-Курская дуга – как правильно? // Малоархангельск. Неофициальный сайт г. Малоархангельск (Орловская область) (05.07.2016) URL: <https://maloarhangelsk.ru/kurskaya-duga/>
78. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой: пер. с англ. Москва: Рефл-Бук ; Киев : Ваклер, 1997. 384 с.
79. Левин Д., Ивашечкина В. Земля, пропитанная кровью: в деревне Поныри установят мемориал к 90-летию Курской битвы // ТРК ВС РФ «Звезда» (16.11.2020) URL: <https://tvzvezda.ru/news/20201116014-mFT4P.html>
80. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59-96.
81. Ливцов В.А., Пожидает А.С., Нилаева К.С. Проблема фальсификации истории второй мировой войны: Орловско-Курская дуга // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №4. С. 100 – 107.
82. Линченко А.А. «Несоюзное государство»: Республика Беларусь в мемориальных войнах Восточной Европы // Социодинамика. 2021. № 8. С. 66-84. DOI 10.25136/2409-7144.2021.8.35187.
83. Линченко А.А. Чему учит победа? Стратегии преодоления этноцентризма в преподавании военной истории в эпоху глобализации // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сборник статей по итогам II всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 октября 2019 года / Под редакцией К.А. Пахалюка. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2019. С. 13 – 34.

84. *Линченко А.А., Аникин Д.А.* Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник ВятГУ. 2018. №1. С. 19 – 25.
85. *Линченко А.А., Беляев Е.В.* Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России // *Studia Humanitatis*, 2016, №2. 21 с.
86. *Линченко А.А., Иванов А.Г.* «Живите тыщу лет, товарищ Сталин...» Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. 2017, №59. М.: «Диалог со временем». С. 116 – 135.
87. *Линченко А.А., Иванов А.Г.* Что нам делать с мифами о Сталине? // Вестник Томского государственного университета. 2017, №425. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 91 – 99.
88. *Линченко А.А., Ковригин В.В.* Этноцентризм и историческое сознание молодежи в современном мире. Воронеж: Воронежский гос. пед. университет. 2014. 279 с.
89. *Лямзин А.В.* Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. №1. С. 73 – 80.
90. *Магарил С.А.* Смыслы патриотизма — исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142 – 151.
91. *Майсурян А.* В детском саду №221 Краснодара славят генерала СС Шкуро // *Maysuryan. LiveJournal* (24.08.2018) URL: <https://maysuryan.livejournal.com/700417.html>
92. *Макаров Д.В., Дронов В.А.* Динамика образа врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // Власть. 2013. №2. С. 160 – 163.
93. *Малинова О.В.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2018. С. 27 – 53.
94. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
95. *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 6 – 22.
96. *Малинова О.Ю.* Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9-25. DOI 10.17976/jpps/2018.01.02.
97. *Мариненко В. И.* Проблемы формирования региональной идентичности ненациональных регионов на примере Волгоградской области // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. №. 2. С. 39 – 45.
98. *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления *memory studies* в Германии // Методологические во-

- просы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 75 – 93.
99. Мелешикина Е.Ю. Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и ее проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 54 – 75.
100. Мерзликин П. Доска Маннергейму в Петербурге: зачем открыли, кто поддерживал и почему ее не хотели снимать // «Бумага» (14.10.2016) URL: <https://paperpaper.ru/doska/>
101. Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура / М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
102. Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 4 – 10.
103. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. // Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 7 – 32.
104. Миллер А.И. Лабиринты исторической политики. Прошлое России и попытка самоидентификации. // Россия в глобальной политике, Том 9, №3, май – июнь 2011. М.: Фонд исследований мировой политики.
105. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2016, №1 (80). М.: Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». С. 111 – 121.
106. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. 2013. №4 (71). С. 114 – 126.
107. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. Т 13. № 3 – 4. 2009. С. 6 – 23.
108. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. №3 (94) С. 87 – 102. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102
109. Мильченко А. Нацисты в «Бессмертном полку»: СК вычислил провокаторов // Газета.ru (16.05.2020) URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/16/13085917.shtml>
110. Мишкуро М.А. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве. // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 763-765.
111. Морозов С.И., Кулешова Е.Л. Региональные органы государственной власти и население Волгоградской области: векторы политической идентичности и коммуникативной стратегии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. №2. С. 107 – 113.

112. *Морозова Е.А.* Война и вооруженный конфликт - границы определений / Е. А. Морозова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 224-228.
113. *Мюнклер Г.* Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М., 2018. 321 с.
114. На Северном фесе Курской дуги открыли памятник пограничникам // Курск. Региональное Информационное Агентство. (22.06.2021) URL: <https://riakursk.ru/na-severnom-fase-kurskoy-dugi-otkryli-pamyatnik-pogranichnikom/>
115. *Найтцель З., Вельцер Х.* Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боёв, страданий и смерти / Пер. с нем. С. Липатов. М.: Эксмо, 2013. 368 с.
116. *Николаи Ф.В.* Память о Первой мировой войне в современной англоязычной историографии: между опытом и нарративом // Вестник ННГУ. 2018. №4. С. 68 – 71.
117. *Николаи Ф.В., Кобылин И.И.* Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №5 (120). С. 115 – 136.
118. *Николаи Ф.В., Кобылин И.И.* Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память. 2014. №9. С. 90 – 103.
119. *Николаи Ф.В., Михеева Н.С.* Война в Афганистане в освещении газеты «Красная звезда». Эволюция языка описания прошлого // Центр и периферия. 2019. №2. С. 41 – 45.
120. *Новосёлова Е.* Открыт конкурс на проект мемориального комплекса «Курская дуга» // Российская газета – Федеральный выпуск №226(8577) (04.10.2021) URL: <https://rg.ru/2021/10/01/reg-cfo/otkryt-konkurs-na-proekt-memorialnogo-kompleksa-kurskaia-duga.html>
121. *Нора П.* Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 325 с.
122. О Фонде // сайт Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» URL: <http://historyfoundation.ru/about/> (дата обращения: 13.04.2019)
123. *Пахалюк К. А.* Дискурсивные основания юбилейной коммеморации первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109 – 131.
124. *Пахалюк К.А.* Глобальная культура памяти: истоки и перспективы // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2017. №. 2. С. 17 – 25.
125. *Пахалюк К.А.* Образы войны в современной культуре // Барабанов О., Пахалюк К., Уль М. Не забудем, но простим? Образы войны в культуре и исторической памяти. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., май 2020. С. 7 – 29.
126. *Пахалюк К.А.* Обращение к истории в контексте теоретико-методологических дискуссий о патриотическом воспитании // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сборник статей по итогам II всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 октября 2019 года /

- Под редакцией К.А. Пахалюка. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2019. С. 172 – 195.
127. *Пахалюк К.А.* Политика памяти как ценность и дискурс // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 232-239. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-232-239.
128. *Пахалюк К.А.* Преподавание военной истории в зарубежном академическом дискурсе (на основе обзора материалов журнала Journal of educational media, memory, and society) // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ: ООО «Нестор-История», 2018. С. 13 – 46.
129. *Плеханов А. А., Герасимов В.К.* Эссенциалистская парадигма национализма и будущее Донбасса в мемуарах бойцов украинских добровольческих батальонов // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 88 – 104. DOI 10.33876/2311-0546/2021-3/88-104.
130. *Плеханов А.А., Герасимов В.К.* Формирование украинского литературного канона о войне в Донбассе: эмоциональные матрицы нонкомбатантов // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 176-191. DOI 10.31857/S086954150016708-8.
131. Президент: Учебники истории должны иметь единую концепцию // Российская газета, 25.04.2013 URL: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> (дата обращения: 15.04.2019)
132. *Прибытков А.А., Чекменева Т.Г., Копань Ю.И.* Попытки фальсификации истории и итогов второй мировой войны: причины и проявления (к 75-летию со дня Великой победы) // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. №2 (23). С. 158-163.
133. *Прилуцкий А.М.* «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95.
134. Про брэнд и символы Волгограда (Анна Степанова) // LiveJournal (03.12.2012) <https://anna-stepnova.livejournal.com/131609.html>
135. *Путин В.В.* Об историческом единстве русских и украинцев // Российская газета - Столичный выпуск № 155(8506) (12.07.2021) URL: <https://rg.ru/2021/07/12/statia-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html>
136. *Рахаев Д.Я.* Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти // ЛиТ. Исторический альманах. 2014. №5. С. 350 – 380.
137. *Рахматуллин Т.* Депутаты о памятной дате стояния на Угре: «Не приглашать татар — это нонсенс, такого быть не должно!» // «Реальное время» (27.08.2019) URL: https://realnoevremya.ru/articles/149492-v-tatarstane-otvergli-deyu-prazdnovat-stoyanie-na-reke-ugre?utm_source=mobile&utm_medium=redirect&utm_campaign=mobile
138. *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под ред. В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С. 87 – 101.

139. *Рождественская Е., Семёнова В.* Социальная память как объект социологического изучения // *INTER*. 2011. №6. С. 32 – 33.
140. *Рождественская Е.Ю.* Виртуализация памяти об Афганской войне // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 128 – 137.
141. *Рождественская Е.Ю., Тартаковская И.Н.* Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым // *Inter*, №6. 2011. С. 103 – 117.
142. *Русакова О.Ф.* Историческая политика в России: современные вызовы и новые компетентности // *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XVI Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, Екатеринбург, 21–22 марта 2013 года*. С. 1745-1751.
143. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* Агональный дискурс современной политики памяти // *Дискурс-Пи*. 2015. №1. С. 10 – 19.
144. *Русакова О.Ф.* Структурный дискурс-анализ статьи Президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // *Дискурс-Пи*. 2020. №4 (41). С. 10 – 25.
145. *Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д.* Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // *Дискурс-Пи*. 2017. №3-4 (28-29). С. 17 – 30.
146. *Рюзен Й.* Идеальный учебник // *Учебник: десять разных мнений (сборник статей)* / Сост. Э. Баконис. Вильнюс, 2000.
147. *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 38 – 62.
148. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2001. Выпуск 7. С. 8 – 27.
149. *Сангаджиева Д.В.* Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте – память о депортации калмыцкого народа // *Искусство Евразии*. 2020. №1 (16). С. 306 – 318.
150. *Сибиряков И.В.* Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности // *Дискурсология: методология, теория, практика*. 2016. Т. 1. №. 10. С. 197 – 208.
151. *Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А.* Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2016. №407. С. 135 – 143. DOI: 10.17223/15617793/407/21
152. *Танайлова В.А.* (Не)быть ветераном чеченских войн // *Сибирские исторические исследования*. 2021. № 2. С. 99-119. DOI 10.17223/2312461X/32/5.
153. *Тесля А.А.* Как менялась память о Второй мировой войне // *Эксперт*. 2020. № 18-20. С.97-101.
154. *Тимохов В.П.* О деструктивном влиянии на общественное сознание некоторого российского кино о Великой Отечественной войне // *Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под редакцией Н.С. Нижник. – Санкт-Петербург:

- Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 1909-1918.
155. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национальногосударственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. №3. с. 45 – 57.
156. *Титова Е. А.* Военный туризм как новое направление на туристском рынке // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. 2004. №. 2. С. 177 – 187.
157. *Тучина О.Р.* Исторический опыт и коммеморативные практики в контексте национальной и локальной идентичности: кроссрегиональный анализ (Севастополь - Новороссийск) // Гуманизация образования. 2021. № 5. С. 45-59. DOI 10.24411/1029-3388-2020-10190.
158. *Узнародов И.М.* Память о «холодной войне» как один из факторов политики Европейского Союза в отношении России // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 58 - 69
159. *Уинтер Дж.* Война, память, воспоминание // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 5–15.
160. *Уинтер Дж., Николаи Ф.В.* Места памяти и тени войны // Вестник Мининского университета. 2016. №1-2 (14). 9 с.
161. *Ушакин С.* Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 603–639.
162. *Фелькер А.В.* «Непростое наследие»: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 93–109.
163. *Фукс А.Н., Ковригин В.В.* Проблемы фальсификации истории Великой отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №2. С. 66 – 70.
164. *Хохлов В. А.* Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем // Новый исторический вестник. 2010. №23. С. 67 – 74.
165. *Шнирельман В.А.* Неудобная память // Новое прошлое. 2018. №3. С. 216 – 222.
166. *Шуб М.Л.* Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа // Научный журнал «ДискурсПи». 2020. № 3 (40). С. 88–100. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10306
167. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. М. : Академический проект, 2000. 222 с.
168. *Яковлев Е.Н.* Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. Издание 2-е, перераб., доп. СПб: Питер. 2022. 480 с.
169. *Янковская Г.А.* Улыбка в стиле милитари: плакаты Победы в 1945 и 2015 гг // Уральский исторический вестник. 2019. № 3(64). С. 97-98. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-93-98.

170. *Achugar M.* What we remember: The construction of memory in military discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2008. 247 p.
171. *Beaty B.* The Superhero Comic Book as War Memorial // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. pp. 120 – 135.
172. *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars / Natalia Starostina (ed).* Cambridge Scholars Publishing, 2015. 218 p.
173. *Britain and France in Two World Wars: Truth, Myth and Memory / Robert Tombs, Emile Chabal (eds)* London, Bloomsbury Academic, 2013. 224 p.
174. *Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N.* War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // International Journal of Heritage Studies. 2018. 15 p. DOI: 10.1080/13527258.2018.1530288
175. *Bull A., Hansen H.* On agonistic memory // Memory Studies. 2016. vol. 9, no. 4. pp. 390 – 404 <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>
176. *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. Baltimore, 1996. 167 p. Cultural Trauma and Collective Identity. Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press. 2004. 304 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.14178.84166.
177. *Cazdyn E., Szeman I.* After Globalization. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. 264 p. DOI: 10.1002/9781444396478
178. *Danilova Nataliya* The politics of war commemoration in the UK and Russia / Nataliya Danilova. University of Aberdeen, UK, 2015. 272 p. (Palgrave Macmillan memory studies)
179. *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins.* New York: Routledge, 2017. 325 p.
180. *Edwards S.* Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p.
181. *Edwards S.* Commemoration and Consumption in Normandy, 1945—1994 // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 76 – 92.
182. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. Thursday, 19 September 2019 – Strasbourg URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 18.07.2021)
183. *Friedlander S.* Spring/Summer. «Trauma, Transference and ‘Working Through’ in Writing the History of the Shoah» // History and Memory. 1992. 4 (1). pp. 39–59.
184. *Howard M.* The Invention of Peace: Reflections on War and International Order. New Haven: Yale University Press, 2000. 113 p.
185. *Inglis K.* World War One Memorials in Australia // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1992. Vol. 167. P. 51-58.
186. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory. A methodological critique of collective memory studies. // History and Theory. V. 41. 2002.

187. *Kazarinova D.* The memory policy, identity and challenges of migration // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on social sciences and arts SGEM 2018 : Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 26 августа – 2018 года. Vol. 5. Issue 1.2. Albena, Bulgaria: Общество с ограниченной ответственностью СТЕФ92 Технолоджи, 2018. P. 313-318.
188. *Keren M.* Introduction // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 2 – 8.
189. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2017. 328 p. <https://doi.org/10.1017/9781108304047>
190. *LaCapra D.* History and memory after Auschwitz. Ithaca, 1998. 214 p.
191. *Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York, 2004. 232 p. DOI: 10.1080/10509200690897626
192. *Levy D., Sznajder N.* Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 2002. vol. 5(1), pp. 87–106.
193. *Linchenko A., Anikin D.* The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties // European Politics and Society. 2020. Т. 21. № 3. С. 356 – 370.
194. Memory and the Wars on Terror. Australian and British perspectives / Gildersleeve J., Gehrman R. (eds). Palgrave Macmillan Memory Studies. 2017. 283 p. DOI: 10.1007/978-3-319-56976-5
195. Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. 275 p.
196. *Moss G.L.* Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990. 276 p.
197. *Mouffe C.* Agonistics: Thinking the World Politically. London: Verso. 2013. 149 p.
198. *Mouffe C.* On the political / Chantal Mouffe. London: Routledge. 2005. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203870112>
199. *Neal A.* Nuclear War and Popular Culture // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 92 – 105.
200. *Neal A.* Nuclear War and Popular Culture // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. pp. 92 – 105.
201. Popular Memory Group Popular memory: theory, politics, method // Making Histories: Studies in History-Writing and Politic. London, 1982. pp. 205–252.
202. *Pozzi C.* Museums as Agonistic Spaces // European Museums in the 21st Century: Setting the Framework / edited by L. B. Peressut, F. Lanza, and G. Postiglione, Milan: MeLa Books, vol. I. 2013. pp. 7 – 15.
203. *Putin V.* The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest (18.06.2020) URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>

204. *Rothberg M.* Multidirectional memory: remembering the Holocaust in the age of decolonization / Michael Rothberg. Stanford University Press, Stanford, California. 2009. 403 p.
205. *Rouso H.* The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944. Cambridge: Harvard University Press. 1991. 392 p.
206. *Scates B.C.* Manufacturing Memory at Gallipoli // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 57 – 76.
207. *Smelser N. J.* Theory of Collective Behavior. New York: The Free Press. 1963. 436 p.
208. *Stone P.R.* Dark Tourism Consumption – A call for research // e-Review of Tourism Research (eRTR), Vol. 3, No. 5, 2005. pp. 109 – 117.
209. *Sztompka P.* The Sociology of Social Change. Oxford, 1993. 348 p.
210. The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / Katrin Boeckh, Sabine Rutar (eds) Palgrave Macmillan, Cham. 2016. 350 p. DOI: 10.1007/978-3-319-44642-4
211. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm and T. Ranger (eds) London, 1983. 320 p.
212. The politics of war memory and commemoration / edited by T.G. Ashplant, Graham Dawson and Michael Roper. London, New York. 2000. 299 p.
213. *Thompson A.* Anzac Memories: Living with the Legend. Monash University Publishing. Melbourne, 1994. 424 p.
214. *Todman D.* The Ninetieth Anniversary of the Battle of the Somme // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 22 – 41.
215. US along with 9 NATO friendly countries contested WWII history told by Russia // DND live Radio (08.05.2020) URL: <https://dispatchnewsdesk.com/us-along-with-9-nato-friendly-countries-contested-wwii-history-told-by-russia/>
216. *Winter J.* Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century. New Haven: Yale University Press; 2006. 347 p.
217. *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge UP, 1999. 310 p. DOI: 10.1017/CBO9781107589087.
218. *Winter J.* War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. 234 p.